

УНИВЕРСИТЕТ ПРОКУРАТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)

АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 8

Санкт-Петербург, 2020

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ УЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

**Балтийский федеральный университет
имени Имануила Канта**

Донецкий национальный университет

**Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации**

**Красноярский государственный аграрный
университет**

**Ростовский филиал Российского
государственного университета правосудия**

ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В ЭТОМ НОМЕРЕ УЧЕБНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

**Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации**

**Санкт-Петербургский институт (филиал)
ВГУЮ (РПА Минюста России)**

**Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени
Н.Г. Чернышевского**

Ульяновский государственный университет

**Уральский государственный юридический
университет**

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (филиал)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АЛЬМАНАХ

МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Выпуск 8

Санкт-Петербург
2020

УДК 34(05)
ББК 67я5
А57

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Е. В. ЕЛАГИНА, кандидат юридических наук, доцент
(главный редактор)

М. Н. КУСТОВ
(заместитель главного редактора),

Е. А. КУЗЬМИНА
(ответственный секретарь),

Ю. М. БОБРОВА, О. А. ГУРЕЕВА, А. В. ЗАРУБИН,
И. Б. ЛОМАКИНА, А. И. ФРОЛОВ,

помощники ответственного секретаря:
И. А. ПОДТЫННИКОВ, К. А. ТИХАНОВА

Под общей редакцией

заместителя директора Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации
старшего советника юстиции кандидата юридических наук доцента

А. А. САПОЖКОВА

Статьи печатаются в редакции авторов

E-mail: almanakh2016@mail.ru

Альманах молодого исследователя / под общ. ред. А. А. Сапожкова. —
А57 Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. — Вып. 8.
— 136 с.

Компьютерная верстка Е. А. Меклиш

Подписано в печать 12.05.2020. Формат 60x84/8. Печ. л. 17,0.
Тираж 100 экз. (1-й з-д 1–40). Заказ 9/20.

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Университета прокуратуры Российской Федерации

191014, Санкт-Петербург, Литейный просп., 44

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателю	5
I. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ	6
Богданов Н.Е. Постклассическая теория права как основание современного правопонимания	—
Вьюхина Ю.А., Павкова К.С. Международный терроризм как конвенциональное международное уголовное преступление	9
Данцлов Д.А. Обеспечение законности в современных условиях: к критике гарантийного подхода	14
Лемехов С.В. Принципы территориальной целостности государства, невмешательства в его внутренние дела и нерушимости государственных границ в современной практике международных отношений	16
Мужайло Д.В. Международно-правовое регулирование мирного использования атомной энергии	20
Чикарева Д.О. Антропология права как тип правопонимания	22
Эпов И.С. Проблема соотношения правового ограничения прав и свобод индивида с общественной безопасностью	25
Якимчук Е.С. Пиратство как уголовное преступление в контексте международного и российского уголовного права	30
Яшина М.С. Критерии допустимости ограничения основных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и Республике Беларусь: сравнительно-правовой анализ	35
II. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО–ПРАВОВОЙ НАУКИ	39
Галекбаров Г.В., Шереметьев Л.А. К вопросу о содержании вины в преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ: теория и практика	—
Зайцева П.А. К вопросу об объекте и предмете доведения до самоубийства (ст. 110 УК РФ)	42
Колесникова Д.Ю. Проблемы реализации норм модельного закона государств – участников СНГ «О противодействии торговле людьми»	45
Маржохов Н.Х. Влияние преступлений коррупционной направленности на экономическую безопасность государства	48
Насуфович Д.Р. О некоторых вопросах разграничения кредитного мошенничества и незаконного получения кредита	51
Серёжичев К.Г. Особенности квалификации хищений вверенного имущества с использованием служебного положения	54
III. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ	57
Асрян А.Л. Уголовно-процессуальные проблемы расследования и доказывания по делам о киберпреступлениях	—
Белева М.О. Проблемы доказывания факта получения должностным лицом взятки в виде незаконного оказания услуг имущественного характера	59
Бояринцев А.А. Дуалистические аспекты процессуального статуса лица, привлекаемого к участию в уголовном деле в отношении соучастников преступления	62

Гришанин А.Ю. Проблемы совершенствования процедуры прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа в порядке особого производства в стадии предварительного расследования	66
Зайцева О.А. Хищения грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта: актуальные вопросы расследования и поддержания государственного обвинения	69
Колентеева А.С. Типичные свойства личности сотрудника ФССП РОССИИ, совершающего преступления коррупционной направленности	72
Лаврентьева Т.О. «Справедливость» в уголовно-процессуальном законодательстве	75
Медведева А.С. Задачи привлечения сведущих лиц к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних	80
Папандопулос К.Н. Вопросы реализации принципа состязательности сторон в уголовном процессе Российской Федерации	85
Тимошенко И.М. Иные основания как обстоятельство, препятствующее прекращению уголовного дела с назначением судебного штрафа	90
Трофимова Т.В. Допрос с целью изобличения	92
Фатеева А.А. Особенности реализации ст. 281 УПК РФ в зависимости от категории допрашиваемого	95
Харцхаева К.Г. О некоторых вопросах применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства	99
IV. ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО	102
Каразаев Г.А. Проблемные моменты проведения прокурорской проверки исполнения законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу	—
Кирюхина С.М. К вопросу об особенностях взаимодействия прокуратуры РФ со средствами массовой информации	105
Шестакин Д.А. Некоторые вопросы прокурорского надзора в сфере образования	108
V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА	111
Бубёнов М.Г. Проблемы участия прокурора в рассмотрении арбитражным судом дел о ликвидации юридического лица и прекращении деятельности индивидуального предпринимателя в связи с нарушением исключительных прав	—
Котина И.Д., Эргашев Т.Э. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров в гражданском процессе	115
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ	118
НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ В 2020 ГОДУ	119
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ	120

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ

Представляем вашему вниманию восьмой выпуск продолжающегося издания «Альманах молодого исследователя», сформированный из научных статей, содержащих актуальные вопросы отдельных отраслей права.

Анализ направленных в адрес редакционной коллегии работ позволяет прийти к выводу, что наибольший интерес вызывают вопросы уголовного процесса и криминалистики, теории государства и права, международного и уголовного права.

При формировании данного выпуска редакционная коллегия традиционно неукоснительно придерживалась установленных требований, которым, к сожалению, соответствовали далеко не все направленные работы.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией на основании тщательного изучения и беспристрастной оценки каждой полученной научной работы. Приоритет отдается статьям, которые не только позволяют выявить «болевые точки» теории и практики правоприменительной деятельности, но и содержат предложения по разрешению существующих проблем.

Редакционная коллегия желает всем авторам плодотворных научных изысканий и надеется на дальнейшее сотрудничество.

С уважением,
редакционная коллегия
Альманаха молодого исследователя

I

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВА, ГОСУДАРСТВА И ЭКОНОМИКИ

УДК 340.1

Н.Е. БОГДАНОВ

научный руководитель
профессор И.Б. ЛОМАКИНА

ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ

На сегодняшний день в теории правопонимания сложился определённый кризис, одной из причин которого, по мнению автора, является смена парадигм познания.¹ Примерно в конце XX в. произошло изменение господствующего мировоззрения — новое умонастроение получило название постпозитивизма, затем постмодернизма (также используется термин постструктурализм). При этом в новое умонастроение вступили только «наиболее» продвинутые государства, однако, как отмечает И.Л. Честнов, рано или поздно это затронет всё человечество².

Постмодернизм — культурный «сдвиг», влиятельное направление современной социогуманитарной мысли, которое задаёт основные векторы культуры социума Запада, выступающего определяющей группой для большей части мира³, также суть которого заключается в радикальной критике оснований общества эпохи модерна, производимой с помощью критики всех его социальных институтов, а также критики правопонимания с его тремя основными направлениями.

Как уже было отмечено автором, постмодернизм во многом определил содержание культуры, политики, экономики, других сфер социума и, конечно же, права. С постепенным его проникновением в юриспруденцию начали развиваться право-

¹ Разуваев Н.В. Современная теория права в поисках постклассической парадигмы познания / Н.В. Разуваев // Известия ВУЗов. Правоведение. 2014. № 5 (316). С. 136.

² Сапельников А.Б. Теория государства и права. Учебник для юридических высших учебных заведений / А.Б. Сапельников, И.Л. Честнов. Санкт-Петербург: Знание, ИВЭСЭП, 2006. С. 155.

³ Честнов И.Л. Взаимоотношения государства и личности в эпоху постмодерна / И.Л. Честнов // Права и свободы человека и гражданина: творческие аспекты и юридическая практика: сборник трудов конференций. Москва, 2015. С. 25.

вой феминизм, антиколониальная юридическая теория, антиглобализм, юридический мультикультурализм и др. Среди сторонников юридического постмодернизма можно выделить Г. Тойбнера, К.А. Ван Пурсена, А. Хаксли, Д.Е. Литовца; среди отечественных юристов, близких к идеям постмодернизма, – К.И. Скловского и А.С. Александрова.¹

Представляется необходимым заметить, что до второй половины XX века дискуссии о правопонимании не подвергали сомнению уверенность в достижении обоснованной доктрины права, способной использовать более весомые аргументы, чем у конкурирующих концепций. На сегодняшний день, как отмечают правоведы, такой уверенности нет ни в юридическом позитивизме, ни в естественном праве, ни в социологии права, ни в исторической школе права. Также можно говорить о том, что эти концепции имеют относительную истинность своих положений, которые опровергают альтернативные доктрины. То есть современный мир переживает глобальные изменения в социуме, который в свою очередь затрагивает право.²

Таким образом, постмодернизм выделяет проблемные вопросы, актуализирует их, акцентирует на них внимание, но при этом не предлагает, возможно, и не сможет предложить, своего решения изменения как социума, так и самого права. Однако это определённый «вызов» постмодерна, на который, по справедливому мнению И.Л. Честнова, современная юридическая наука должна выработать программу, которая в свою очередь станет основанием правопонимания и права в эпоху после постмодерна. В связи с чем автору наиболее близка позиция И.Л. Честнова, согласно которой на смену противопоставления сущности и явления, сущего и должного и т.д., приходит диалог и взаимодополнительность: новый тип мышления – постклассическая научно-исследовательская программа (постклассический тип правопонимания)³, из вариантов которой автору хотелось бы выделить диалогическую концепцию правопонимания, разрабатываемую И.Л. Честновым, а также коммуникативную, разрабатываемую А.В. Поляковым.

Следует отметить, что такого же мнения придерживаются многие юристы и правоведы, поскольку диалогическая и коммуникативная концепции не без основания претендуют на ведущую роль: универсальный характер, междисциплинарность и успешное, на взгляд автора, преодоление недостатков классических типов понимания права.⁴ Также нельзя не сказать о том, что постклассическое правопонимание делает акцент на социокультурном историческом контексте, который определяет содержание права и его восприятие (последнее характеризуется изменением типа общества, а вместе с ним и сменой картины мира).

И всё же основной характеристикой постклассического правопонимания является то, что это многомерное и постоянно меняющееся, человекоцентристское право. Здесь же следует сказать о диалогичности права, где бинарные оппозиции взаимопологают и взаимообуславливают друг друга, находятся в диалоге. В то же время изменения современной картины мира не отменяют рациональность права, его универсальность и объективность, однако происходит их переосмысление. Как отмечает И.Л. Честнов, классическая рациональность права трансформируется в его прагматико-релятивистскую контекстуальную рациональность (право зависит от социума, социальных явлений, результативности и историко-социокультурно-

¹ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография / И.Л. Честнов. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 23.

² Там же. С. 103.

³ Там же. С. 103.

⁴ Гусарова М.А. Понятие правосознания в современных интегративных теориях (на примере концепций А.В. Полякова и И.Л. Честнова) // Общество: философия, история, культура. 2017. №1. С. 28.

го контекста). Универсальность права переосмысливается как его контекстуальность (право обеспечивает целостность социума). Объективность права трансформируется в интерсубъективную коммуникативность (право существует не как объективная данность, а своего рода социальный конструкт, существующий в действиях и ментальных образах людей). Человекоцентричность права выражается в диалоге человека и социума. Если рассматривать право в традиционном понимании – это объективный социальный институт, существующий сам по себе (независимо от конкретных людей). Однако нельзя забывать о том, что социальные институты создаются конкретными людьми и реализуются с помощью действий, представлений и знаний конкретных людей. Таким образом, как уже было отмечено выше, право не является объективной данностью. Именно человек выступает субъектом права, основой и центром правовой реальности.¹

Как было замечено автором, следует рассматривать постклассическую теорию права на примере диалогической и коммуникативной концепций. Представляется необходимым выделить, в первую очередь, диалогическую концепцию права И.Л. Честнова, согласно которой право и правосознание рассматривается как социокультурно обусловленные феномены. Право многомерно и многогранно, включает в себя нормы, правосознание и правопорядок, в котором реализуются как норма, так и правосознание². Правосознание – это процесс правовой идентичности и осознание сопричастности к правовой системе и правовому порядку. При этом вырабатываются мотивация и установка на соблюдение норм права, признание индивидом правовых ценностей общества значимыми. Процесс возникновения права не может совершаться произвольно, поскольку он связан с историческим прошлым, господствующей культурой, международными системами и др. При этом важную роль играет общественное правосознание, которое может либо признать нормы и включить в контекст правовой культуры, сделав право легитимным, либо вовсе отвергнуть их.

Нельзя не сказать про коммуникативную концепцию А.В. Полякова, согласно которой правосознание в качестве элемента включается в многомерный феномен права. Автономность последнего, в свою очередь, является относительной. Правовые явления тесно связаны с культурными, политическими, экономическими, психологическими и другими феноменами. Следовательно, изменения социально-правовой реальности не только возможны, но и необходимы, чтобы соответствовать меняющимся социально-историческим, экономическим и политическим условиям.

А.В. Поляков расширяет классическую структуру правосознания (деление на правовую психологию и идеологию), выделяя познавательный, ценностный и коммуникативно-волевой элементы, из которых уже складываются индивидуальное и общественное правосознание.³

В заключение было бы правильным отметить следующую позицию некоторых учёных в области права и, безусловно, согласиться с ней: концепции права и правосознания представителей двух вариантов постклассического подхода к праву – И.Л. Честнова и А.В. Полякова, преодолевают недостатки позитивистского, психологического и социологического подходов к определению права, которые, по мнению правоведов, выражаются в отрыве объекта и субъекта познания, социальной структуры и индивида, а также права и правового субъекта. Важнейшим элемен-

¹ Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография / И.Л. Честнов. Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. С. 366-369.

² Честнов И.Л. Конструирование социальной и правовой реальности: к формированию диалогической онтологии права / И.Л. Честнов // Платон. 2012. № 1. С. 50-51.

³ Поляков А.В. общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник / А.В. Поляков. Москва: Издательство Проспект, 2016. С. 382.

том в представленных концепциях является правосознание – процесс и результат интерпретативной, диалогической, селективной, конструирующей деятельности субъектов, вступающих в рамках своей жизнедеятельности в коммуникацию.

По мнению автора, постклассический подход к пониманию права соответствует новому типу мышления и выступает основанием современного правопонимания, поскольку на смену противопоставления сущности и явления, сущего и должного, приходит диалог и взаимодополнительность бинарных оппозиций, а установление один раз и навсегда истины, в том числе и юридической, признаётся недостижимым, что является объективной обоснованностью «творческого» характера правосознания и своеобразным редактором правовых идей, идеалов и принципов на их соответствие социокультурным условиям развития общества.

УДК 341.1/8

**Ю.А. ВЬЮХИНА,
К.С. ПАВКОВА**

научный руководитель
доцент

Е.Е. АМПЛЕЕВА

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Актуальность борьбы с международным терроризмом продиктована современной действительностью. Международное сообщество осознает всю опасность, которая исходит от данного явления, поскольку по своим масштабам терроризм превратился в одну из опаснейших, по своей непредсказуемости и последствиям, общественно-политических проблем современного мира. Глобализация всех сфер жизни и, как следствие, всё более широкая интернационализация терроризма – это неоспоримый факт, с которым сегодня столкнулось человечество.

Современный терроризм – это мощная многоликая структура с соответствующим ее масштабам оснащением, которая встроена во многие составы насильственной преступности. Фрагментарное правовое регулирование данной сферы предопределялось вспышками террора в середине XX в., которое стало реакцией на новые вызовы и угрозы, в силу которой большая часть международных договоров была направлена на борьбу с конкретными и ранее неизвестными видами террора, например с вооруженным захватом гражданских воздушных судов и их использованием в качестве орудия терроризма. В международные соглашения конца XX – начала XXI вв. наряду с обязательствами о криминализации новых форм террористической деятельности стали включаться ссылки на обязательность ранее заключенных антитеррористических международных договоров, особенно принятых в рамках ООН. Таким образом, представляется, что результат совместной борьбы с международным терроризмом будет зависеть от сплоченности и совместных усилий. И только добившись согласия по ряду теоретических проблем и практических вопросов сотрудничества, человечество сможет решить глобальную проблему международной безопасности. «Хотим мы того или нет, но наше поколение войдет в историю как поколение, ставшее на защиту мира от терроризма», сказал экс-Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун (2007-2016).

Формирование международно-правовой системы международного сотрудничества в борьбе с терроризмом ныне включает широкий круг международно-правовых документов¹, в числе которых 40 «антитеррористических» конвенций, договоров и протоколов, 19 из которых универсальные² и 22 региональных соглашения разных лет. К сожалению, как указывается в научной литературе³, на нынешнем этапе только возрастает многообразие террористической деятельности, которая всё больше увязывается с межнациональными и межконфессиональными конфликтами, сепаратистскими движениями⁴, а также с деятельностью различных подпольных синдикатов наркоторговли и нелегальным оружием бизнесе⁵.

Именно поэтому Генеральной Ассамблеей ООН 8 сентября 2006 г. была принята всеобщая резолюция «Глобальная контртеррористическая стратегия» и прилагаемый к ней план действий государств-участников⁶. Более того, осознавая необходимость борьбы с терроризмом на международном и региональном уровне, был принят ряд конвенций о противоправности различных проявлений международного терроризма, а после событий 11 сентября 2001 г. Советом Безопасности ООН был учрежден Контртеррористический комитет ООН, который осуществляет межгосударственную координацию и техническую помощь странам-участникам в создании наиболее эффективной системы борьбы с терроризмом.

В этой связи, многие государства, как на международном, так и на национальном уровне признают наиболее активные террористические организации в качестве преступных и запрещают их деятельность на территории своих стран. Так, Верховный Суд Российской Федерации, рассмотрев в 2014 г. в закрытом судебном заседании административное дело по заявлению Генерального прокурора в защиту интересов Российской Федерации, признал Исламское государство и Джебхат ан-Нусра (он же - Фронт победы) террористическими организациями и запретил их деятельность на территории России.

Заметим, что в апреле 2013 г. Советом Безопасности ООН Исламское государство и Джебхат ан-Нусра были включены в список террористических организаций, тесно связанных с Аль-Каидой (санкционный список ООН). В США и ряде стран мира, включая Канаду, Францию, Великобританию, Турцию, Саудовскую Аравию, ОАЭ, Иран и др. Джебхат ан-нусра тоже признана террористической организацией. После изменения названия на Джебха аль-Нусра ли-Ахль аш-Шам Россия и США официально подтвердили, что будут по-прежнему относиться к новообразованию

¹ Доклад Генерального секретаря ООН. Документ ООН А/67/162, 19 July 2012. Меры по ликвидации международного терроризма [Электронный ресурс]: <https://undocs.org/pdf>

² Международные соглашения по борьбе с терроризмом [Электронный ресурс]: <https://www.un.org/ru/counterterrorism/legal-instruments.shtml>

³ Националистический и религиозный векторы в экстремизме и терроризме: уголовно-правовой и криминологический анализ : монография / Градусова М. М. и др. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2010. С. 402; Петрищев В. Новые вызовы современного терроризма. // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. – М.: Междунар. отношения, 2002.; Рыженков А.Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности //Правовая парадигма – 2017. – № 2; Бураева Л.А. Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма//Проблемы экономики и юридической практики - 2017. - № 2.

⁴ Петрищев В. Новые вызовы современного терроризма. // Мировое сообщество против глобализации преступности и терроризма. – М.: “Междунар. отношения”, 2002; Рыженков А.Я. Экологический терроризм как глобальная проблема современности //Правовая парадигма. – 2017. – № 2.; Бураева Л.А. Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма //Проблемы экономики и юридической практики.- 2017.- № 2.

⁵ Павлик М. Ю. Террористический акт, захват заложника, бандитизм: вопросы теории и практики. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2011. С. 95.

⁶ Глобальная антитеррористическая стратегия [Электронный ресурс]: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/un-global-counter-terrorism-strategy>

как к террористической организации¹. Кроме того, в своем совместном заявлении Российской Федерации и США о прекращении боевых действий в Сирии особо подчеркивалось, что в соответствии с резолюцией 2254 Совета Безопасности ООН и заявлениями международной группы поддержки Сирии прекращение боевых действий не распространяется на ИГИЛ, Джабхат ан-Нусру или другие террористические организации, признанные в качестве таковых Советом Безопасности ООН.² Однако, несмотря на запрет террористических организаций во всем мире, они продолжают свою деятельность.

Перед международным сообществом стоит вопрос о формировании специальных норм, где давалась бы правовая квалификация деятельности международных террористических организаций, контролирующих громадные территории и гражданское население, а также методические руководства, которые бы позволяли определять реальный уровень опасности таких групп, что в свою очередь, требует определения соответствующего перечня применяемых уголовных наказаний.

Созданное в 2017 г. Контртеррористическое управление, в своем докладе «Потенциал системы ООН по оказанию государствам-членам поддержки в осуществлении глобальной контртеррористической стратегии ООН», заявило о необходимости наладить тесные связи с органами Совета Безопасности ООН и его постоянными членами для укрепления существующих и создания новых партнерств.

С другой стороны, следует отметить, что несмотря на всю опасность глобального характера проблемы, правовое регулирование сотрудничества государств по борьбе с международным терроризмом наиболее эффективно развивается в основном на региональном уровне. Так, в Конвенции о борьбе с международным терроризмом, подписанной в Уагадугу 01 июля 1999 г. в рамках Организации Исламская конференция³, «терроризм» определяется как «любой акт насилия или угрозу такого акта, независимо от его побудительных причин или намерений, который совершается ради осуществления единоличного или коллективного преступного плана с целью:

- запугивания людей или угрозы нанесения им вреда;
- создания опасности для их жизни, чести, свободы, безопасности или прав;
- создания угрозы для окружающей среды или для любого объекта или любой государственной или частной собственности, завладения ими или их захвата;
- создания угрозы для отдельного вида национальных ресурсов или для международных объектов, для стабильности, территориальной целостности, политического единства или суверенитета независимых государств.

Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, подписанная в Варшаве 16 мая 2005 г.⁴ не содержит общей дефиниции «терроризм», но определяет дефиницию «террористическое преступление». Террористическое преступление в общеевропейском документе понимается как любое из преступлений, предусмотренных международными договорами в данной сфере, перечисленные в специальном Приложении к этой Конвенции, и в которое включены все универсальные международные договоры антитеррористической направленности последних лет, среди которых Декларация ООН о мерах по ликвидации между-

¹ Крылов А. «Джабхат ан-Нусра» - террористическая организация и участник сирийского конфликта // Вестник РУДН. - 2017. - № 4. - С. 658.

² Joint Statement of the United States and the Russian Federation. [Электронный ресурс] // http://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher

³ Конвенция о борьбе с международным терроризмом 1999 г. [Электронный ресурс]: // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml

⁴ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма, подписанная в Варшаве 16 мая 2005 г [Электронный ресурс]: // <https://www.mchs.gov.ru/dokumenty/2616>

народного терроризма, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма¹.

Кроме того, согласно Варшавской конвенции 2005 г. террористическим преступлением признается «...публичное подстрекательство к совершению террористического преступления, вербовка и подготовка террористов, другие деяния, рассматриваемые как сопутствующие».

Практически все названные документы сводятся к закреплению международных обязательств любого демократического государства, сотрудничающего в борьбе с терроризмом по следующим направлениям:

по криминализации во внутригосударственном праве отдельных преступлений террористического характера, где фактически описываются объективные признаки конкретных составов;

по принятию национальных законов или иной процедуры, направленных на признание этих деяний уголовными преступлениями;

по правовому регулированию отдельных аспектов международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства по делам о терроризме;

процедурой выдачи (экстрадиции) лиц, обвиняемых в терроризме, в соответствии с международными договорами или национальным законодательством страны задержания либо предания национальному суду.

Правовая регламентация борьбы с терроризмом в Российской Федерации определяется общепризнанными принципами и универсальными нормами международного права. Также следует отметить, что уголовно-правовая юрисдикция России распространяется на многие международные преступления и преступления международного характера, за совершение которых предусмотрена уголовная ответственность, в соответствии с принятыми Россией международными обязательствами, в том числе преступления против мира и безопасности человечества.

В уголовном праве России «конвенциональным преступлением» признается виновное, общественно опасное уголовно-наказуемое деяние, норма о котором имплементирована в Уголовный кодекс РФ, посягающее на отношения по охране международного правопорядка². Так, в отечественной научной литературе выделяются следующие характерные черты конвенциональных преступлений:

общественная опасность, затрагивающая международный правопорядок;

противоправность, обусловленная предписаниями соответствующих международно-правовых соглашений;

производная вина государства за допущение, не пресечение противоправного поведения отдельных лиц;

выражается в действии или бездействии органов государства;

результатом совершения преступления является нарушение международного правопорядка и причинение ущерба другим субъектам международного права³.

Стратегия национальной безопасности России до 2020 года называет «деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц» одним из

¹ Розенко С. В. Об отдельных аспектах совершенствования наказуемости преступлений террористической направленности в Российском уголовном праве //Юридическая наука. - 2017. - № 6. - С. 90.

² Конвенциональное преступление в российском праве [Электронный ресурс]: <https://www.disserscat.com/content/konventionsnyye-prestupleniya-kak-vid-konventsionalnykh-prestuplenii>

³ См.: Бирюков П. Н. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и правовая система РФ. Воронеж: Истоки, 1997. С. 24; Василенко В. А. Ответственность государств за международные правонарушения. Киев: Вища школа, 1976. С. 85; Адельханян Р.А Преступность деяния по международному уголовному праву. М.: МЗ ПРЕСС, 2002. С. 10–12.

основных источников угроз национальной и общественной безопасности, а в соответствии с целями Концепции внешней политики, Россия в сфере международной безопасности неукоснительно соблюдает свои международные обязательства по поддержанию режима международной законности, применяет в соответствии с международным правом и российским законодательством все необходимые меры по предупреждению терроризма и противодействия ему, защите государства и своих граждан от террористических актов, борьбе с распространением идеологии терроризма.

Помимо этого следует отметить, что Российская Федерация также является активным участником предпринимаемых мировым сообществом совместных антитеррористических действий, государство внесло большой вклад в формирование и укрепление международной антитеррористической коалиции, которая была создана США сразу после трагических событий 11 сентября 2001 г.¹

Российская Федерация выступает с инициативой формирования под эгидой ООН Глобальной стратегии противодействия новым угрозам и вызовам на основе норм и принципов действующего международного права, которая получила практическое воплощение при формировании по решению Генерального секретаря ООН К. Аннана Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам («Группа мудрецов»), которая должна была разрабатывать рекомендации по механизмам и инструментам коллективного противодействия современным глобальным вызовам и угрозам.²

Также председатель Национального антитеррористического комитета А. В. Бортников в декабре 2018 г. отметил, что в ходе контртеррористических операций на территории России пресечена деятельность 37 террористических групп на территории Дагестана, Ингушетии, Чечни и Ставропольского края. На пограничных пунктах задержано более 60 российских и иностранных граждан, выезжающих в зоны вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, а внедрение автоматизированных систем мониторинга СМИ и сети Интернет позволило пресечь распространение информации террористической направленности более чем на 64 тыс. Интернет-ресурсах.³

В связи с этими удручающими фактами распространенности терроризма и ввиду особой общественной опасности данного вида преступлений, на наш взгляд, следует внести поправки в законодательство, ужесточающие виды уголовного наказания. Думается, необходимо реформирование системы уголовных наказаний в целом. М. Д. Шаргородский в свое время справедливо отмечал: «Эффективность конкретной меры наказания зависит от того, насколько действенны в определенных условиях те средства, которые в ней заключены для достижения конкретной цели»⁴.

Подчеркнем, что возникновение и конкретные формы проявления международного терроризма всегда связаны с социально-политической обстановкой в конкретном государстве, низким уровнем жизни, антинравственной атмосферой в обществе и рядом других факторов, которые служат показателем неэффективности усилий общества по решению наиболее острых проблем, в частности, по профилактике и пресечению проявлений самого терроризма.

¹ Игнатенко А.Г. Терроризм: взгляд в будущее // Обозреватель. 2012. № 7. С.31.

² Макушев Д.Н. Терроризм в условиях глобализации // Государство и право. 2011. № 3.С.25.

³ Заседание Национального антитеррористического комитета и Федерального оперативного штаба 2018 [Электронный ресурс]: <http://nac.gov.ru/nak-prinimaet-resheniya/v-moskve-proshlo-zasedanie-nacionalnogo-14.html>

⁴ Розенко С. В. Об отдельных аспектах совершенствования наказуемости преступлений террористической направленности в Российском уголовном праве //Юридическая наука. 2017. № 6. С. 94

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: К КРИТИКЕ ГАРАНТИЙНОГО ПОДХОДА

Установление режима законности является необходимым условием устойчивого социального развития, однако обеспечить должный уровень раз и навсегда принципиально невозможно. Совершенствование законности – это вечная «головоломка» для граждан и государства.

В рамках современного правоведения обозначились несколько подходов к пониманию проблемы обеспечения законности в общественной жизни, в частности, ряд ученых и практических работников убеждены, что состояние законности обусловливается, прежде всего, двумя факторами: во-первых, политическим режимом данного общества; во-вторых, пониманием законодателя идеи справедливости и взаимосвязи правовых норм с нравственными требованиями¹.

Нет никаких сомнений, что политический режим, понимаемый как совокупность методов и способов осуществления государственной власти, влияет на выстраивание в обществе модели законности. Верно и то, что учёт законодателем нравственных критериев и требований юридического равенства в процессе правотворчества является одним из необходимых условий обеспечения должного качества законов, которые, в свою очередь, выступают как нормативная предпосылка законности. Однако, этот подход вряд ли может быть взят за основу обеспечения законности в современной России. В качестве обоснования своей позиции, укажем, следующее: не ясно, почему в свете такого подхода состояние законности увязывается исключительно с пониманием идей справедливости только законодателем? Разве другие государственные органы и органы местного самоуправления, причастные к правотворческой деятельности, не должны в ходе ее осуществления учитывать требования морали? К тому же нормативные требования даже самого справедливого закона, как свидетельствует опыт правового регулирования, не реализуются автоматически. Наконец, главный недостаток такого подхода заключается в его «усечённости» (поскольку акцент делается лишь на политические и нравственные факторы), и за его пределами оказываются другие социальные детерминанты, которые порой способны радикально, изменить очертания законности и правопорядка в конкретном обществе.

В юридической литературе, достаточно часто встречается подход, согласно которому в качестве основных факторов обеспечения законности и реализации режима законности выступают так называемые «гарантии», которые трактуются как специальные меры, посредством которых обеспечивается реализация правовых норм² (традиционно в юридической литературе гарантии подразделяют на общие и специально-юридические³). Мы будем называть такой подход «гарантийным».

¹ Братевской Е.В. Законность и конституционная юстиция в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 8.

² Байтин М.И. Сущность права. М.: Право и государство. С. 346.

³ Фастов А.Г. Общетеоретические вопросы гарантий законности в деятельности органов внутренних дел. Волгоград: Волгогр. акад. МВД России, 2002. С. 24 – 25.

Достоинство этого подхода в том, что он в качестве факторов обеспечения законности называет большое количество различных проявлений общественной жизни: социально-экономические, политико-правовые и иные факторы. В тоже время, существует и ряд недостатков. Прежде всего, хочется отметить излишнюю детерминированность – зачем выделять такое большое количество факторов, если они не все реально влияют на обеспечение законности?

Мы считаем, что не все факторы, которые в литературе относят к гарантиям законности, являются реально гарантийными. Например, рассмотрим принцип многопартийности. Многопартийность – атрибут современного демократического правового государства. В тоже время, исторический опыт развития любого государства показывает, что количество партий не является действительным залогом эффективного воплощения режима законности. Не нужно даже приводить в качестве примера страны Латинской Америки или ряд азиатских стран, достаточно обратить внимание на состояние законности в современной России.

В то же время, важное значение для реализации принципа законности приобретает принцип разделения властей, поскольку его главное назначение – обеспечение законности, так как он призван исключить концентрацию (узурпацию) власти в одних руках. Вместе с тем, объективация любой разновидности модели разделения властей не означает, что деятельность должностных лиц различных государственных органов в процессе осуществления ими управленческих функций и ее результаты будут автоматически соответствовать букве и духу закона.

Следует также обратить внимание, что в рамках гарантийного подхода, как правило, необоснованно происходит абсолютизация отдельных факторов. Так, многие авторы необоснованно преувеличивают важность демократического политического режима. Как пишет О.П. Сауляк, взгляд на законность как на неотъемлемую часть демократии фактически превращает демократию в некий фетиш, панацею, способную исцелить общественный организм от всех «недугов», которые имеют место в социальной действительности¹.

Об опасности неоправданной абсолютизации демократической идеи предупреждал еще Г. Кельзен. Понятие «демократия», которым «злоупотребляют больше, чем каким-либо другим политическим понятием, принимает самые противоположные значения; это происходит до тех пор, пока интеллектуальная пустота, которая сопутствует вульгарному политическому языку, не выхолащивает это понятие до стояния условной фразы, не претендующий более ни на какой точный смысл»².

Мы считаем, что совершенствование законодательства, как гарантия правопорядка представляется необоснованным предложением. Совершенство законодательства не обеспечивает автоматически высокого уровня законности. Хотя законодательство и выступает главнейшим регулятором социальных отношений, однако, не стоит преувеличивать его роль, а принятие новых законов не решает в кратчайшие сроки проблемы общественно развития.

Главным недостатком гарантийного подхода можно назвать и то, что не существует «идеального» правового пространства. В эмпирической реальности существуют ошибки правоприменителя. Существует и сознательное злоупотребление правом, что в свою очередь ведет к правовому произволу. Можно привести примеры, когда факторы, воспринимаемые как гаранты законности в зависимости от

¹ Сауляк О.П. Законность и правопорядок: на пути к новой парадигме. – М.: Юрлитинформ, 2009. С. 87.

² Ковлер А.И. Кризис демократии. Демократия на рубеже XXI века. М.: ИГПАН, 1997. С. 11 – 12.

своего качественного состояния и уровня развития, в различных жизненных ситуациях могут «работать» на обеспечение законности и правопорядка либо носить нейтральный характер, а иногда и противодействовать ему.

Недостаток этого подхода можно усмотреть и в том, что обеспечение законности рассматривается с точки зрения объективно существующих факторов – совершенствование законодательства, государственный и общественный контроль и т.д. Субъективные же факторы многими авторами в расчёт не принимаются.

Очевидно, что в современных реалиях требуется разработка комплексного подхода к пониманию механизма обеспечения законности. Представляется, что такой подход должен учитывать многовариантные комбинации взаимодействия различных по своей природе детерминант, в том числе объективных и субъективных, влияющих на механизм законности.

УДК 341

С.В. ЛЕМЕХОВ

научный руководитель
доцент

Е.Е. АМПЛЕЕВА

**ПРИНЦИПЫ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА,
НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЕГО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА
И НЕРУШИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Современное международное право имеет собственную иерархию норм, среди которых выделяются основные принципы международного права как его основополагающие начала и важнейшие императивные нормы. Однако, не всегда в международных отношениях принципы международного права реализуются в полной мере. К сожалению, иногда, они становятся фикцией, то есть существуют, но не применяются на практике. Это происходит из-за того, что на современной геополитической арене, например на Балканах или Ближнем Востоке, время от времени сталкиваются интересы великих держав, и как результат, приходят в противоречие следующие принципы международного права – принцип территориальной целостности, принцип невмешательства во внутренние дела государства и принцип нерушимости государственных границ.

Принцип территориальной целостности представляет собой взаимное уважение государственной территории и целостности любого государства. Принцип невмешательства во внутренние дела представляет собой право государства осуществлять свою юрисдикцию в пределах государственной территории независимо от воли других субъектов международного права. Однако, в современном международном праве устанавливается несколько исключений, когда вмешательство во внутренние дела государства может иметь место как институциональное основание – обеспечение мира и безопасности, а обоснованием такого вмешательства выступает защита прав и свобод человека, то есть историческая и юридическая невозможность выполнения принципа в полном объеме ввиду со-

блюдения иных норм международного права.¹ Таким образом, подразумевается, что если одним государством нарушаются некоторые принципы международного права, то другое государство или группа государств, для защиты нарушенных принципов международного права, может «временно» вмешаться во внутренние дела государства-нарушителя.

Под принципом нерушимости государственных границ понимается обеспечение целостности государственной территории, запрет государствам нарушения неприкосновенности этих границ. Следовательно, все принципы связаны между собой, если нарушается один из перечисленных принципов, то, как правило, нарушаются и другие два. Если даже в случае нарушения одного принципа, а другие фактически не нарушаются, то нарушение одного конкретного принципа может привести к тому, что другие перестанут выполнять свое юридическое назначение.

Вышеперечисленная группа принципов международного права неоднократно нарушалась даже во второй половине XX в., уже после создания ООН. Были случаи, когда государства в открытую вмешивались во внутренние дела других государств, нарушали их границы или территориальную целостность, а другие – выдвигали обвинения по отношению к государству как предполагаемому нарушителю и уже на этом основании вводили миротворческие силы ООН или даже свои вооруженные силы. Иногда государства специально вводили другое государство в заблуждение, вследствие чего открыто нарушался принцип невмешательства во внутренние дела. Так, при подписании Соглашения о расширении полигона для испытания управляемых снарядов дальнего действия 1951 г. между Доминиканской Республикой и США в п. 2 ст. 15 предусматривалось, что «военнослужащие США обладают правом проведения любого расследования в отношении как доминиканских граждан, так и в отношении иностранцев, проживающих на территории Доминиканы».²

Отметим, любое государство обладает необходимым аппаратом принуждения, иначе это не государство. Причем, в пределах государственной территории действуют правоохранительные органы именно этого государства, они подчиняются законам и иным нормативно-правовым актам этого государства, руководствуются ими и несут ответственность за свои действия перед государством, в любом случае действуют в его интересах. Если же правоохранительные функции осуществляют представители иностранного государства, тем более иностранные военнослужащие, то, соответственно, они будут действовать исключительно в интересах своего государства, а не в интересах страны пребывания. Вместе с тем, в данном случае не будет нарушения принципа нерушимости государственных границ и территориальной целостности государства, хотя вмешательство во внутренние дела Доминиканы налицо. Данный пример является, скорее, исключением, чем общим правилом. Чаще всего, нарушаются все три названных принципа международного права одновременно.

Рассматривая ситуацию с применением силы (агрессией) по отношению к суверенному государству и предъявления ему обвинений при размещении миротворческого контингента ООН на его территории агрессор на правовой основе размещает свой военный контингент на территории такого государства. Наиболее ярким таким примером является югославская ситуация, а именно период боснийской войны 1992-1995 гг. В балканском конфликте участвовали три стороны: бо-

¹ Баршова О.А. Невмешательство во внутренние дела как основной принцип международного права // Общество: политика, экономика, право. 2016. № 12. С.112.

² Баршова О. А. Указ.соч. С.115.

снийские мусульмане, боснийские хорваты и боснийские сербы. Определенным сигналом к боснийской войне стало признание Боснии и Герцеговины в качестве самостоятельного государства со стороны США, Европейского Союза и Хорватии 7 апреля 1992 г.¹

Боснийские мусульмане во главе с А. Изетбеговичем применили новую тактику, апробированную в Хорватии. По всей территории Боснии и Герцеговины начались нападения на казармы и военнослужащих Югославской народной армии (ЮНА), которые обязывались немедленно передать оружие проправительственным силам нового государства и покинуть территорию страны. В нарастающий конфликт активно вмешивались внешние силы, а именно США, Турция, Саудовская Аравия и даже Иран. Оружие мусульманам шло главным образом через Хорватию, в обход введенного резолюцией Совета Безопасности ООН № 74725 от 25 сентября 1991 г. эмбарго на поставку оружия.² Иными словами, во внутренний конфликт Югославии активно вмешивались другие государства-члены ООН, причем используя как прямые способы воздействия, например признание части территории независимым государством, что нарушает обычные нормы международного права, так и косвенные способы воздействия путем финансирования одной из противоборствующих сторон вооруженного конфликта – боснийских мусульман и хорватов.

Мирные способы разрешения сложившейся ситуации, применяемые ООН в такой ситуации, не могли помочь и было принято решение ввести миротворческие силы ООН, основой которых стали войска НАТО. Более того, НАТО удалось легализовать себя как миротворческую структуру под эгидой ООН. При этом НАТО действовала самостоятельно, но наряду с контингентом ООН. 6 июня 1993 г. Совет Безопасности ООН одобрил резолюцию № 836, которая давала силам ООН по охране (СООНО) право применять любые средства в порядке самообороны, включая использование военной силы, в случае обстрела сербами «безопасных районов» или вооруженного вторжения в эти зоны»³. Можно сказать, что ООН легализовала участие НАТО, как одну из составных частей миротворческого контингента для подавления сопротивления одной из сторон конфликта, а именно боснийских сербов.

В качестве прямого принуждения без санкции Совета Безопасности ООН можно привести множество других примеров. Например, события в Ливии в 2011 г., когда 17 марта 2011 г. была принята резолюция Совета Безопасности ООН № 1973, содержащая следующие требования:

немедленного прекращения огня и насилия в отношении мирного населения в Ливии;

запрет на все полёты военной авиации над Ливией;

Совет Безопасности ООН санкционирует любые действия по защите мирных жителей и населённых ими территорий, за исключением ввода миротворческих сил;

Совет Безопасности ООН разрешает инспекцию тех судов и самолётов, на которых в Ливию могут быть доставлены оружие или наёмники;

Совет Безопасности ООН вводит запрет на все полёты в Ливию;

Совет Безопасности ООН замораживает активы ливийского руководства;

¹ Бажуков В. И. Миротворческая операция НАТО в Боснии и Герцеговине (1992–1995): концепция и реальность // Управленческое консультирование. 2018. № 1. С. 35.

² Бажуков В. И. Указ. соч. С. 38–38.

³ Там же.

Совет Безопасности ООН расширяет список ливийских чиновников, в отношении которых введены санкции на передвижение.¹

Однако, многие из этих запретов были благополучно нарушены. Например, 19 марта Н. Саркози, президент Франции, после принятия Советом Безопасности ООН резолюции № 1973, собрал в Париже лидеров Лиги Арабских Государств, Евросоюза и ООН, видимо, для оглашения плана дальнейших действий. В этот же день ВВС Франции нанесли первые удары по территории Ливии, уничтожив несколько единиц военной техники. Не заставив себя долго ждать, к операции против Ливии присоединились силы ВМС США и Великобритании, выпустив с кораблей ВМС более ста ракет «Томагавк» по объектам ливийской ПВО.²

Трудно характеризовать данные действия как необходимость защиты ливийского народа, поскольку Ливия до сих пор находится в состоянии вооруженного социального конфликта. Таким образом, можно говорить о вмешательстве во внутренние дела государства с целью свержения политического руководства страны, разрушение военной инфраструктуры, нарушение воздушной границы государства и, в конечном счете, нарушение принципа территориальной целостности, нерушимости границ и принципа невмешательства во внутренние дела государства. Нарушение данных принципов со стороны стран НАТО привело к обострению социально-экономической ситуации в Ливии, а состояние напряженности сохраняется уже в течение последних десяти лет.

В заключение хотелось бы еще раз сказать, что, нарушая хотя бы один из основных принципов международного права, нарушаются несколько принципов одновременно, а ситуация в целом полностью выходит из-под контроля ООН. Современное международное право, прибывая в затяжном кризисе, не всегда может обеспечить политическую ответственность за нарушение собственных императивных норм, не может призвать к ответственности государства за незаконное применение силы, за агрессию. Постоянные члены Совета Безопасности ООН, несущие ответственность за судьбы мира, все равно находят правовые способы «сухими выйти из воды», действуют под прикрытием миротворческого контингента ООН, который под предлогом защиты мирного населения активно воздействует на правительство государства, в том числе с применением вооруженной силы или предоставляя контингенту обширные полномочиями, в том числе в области обеспечения правопорядка, т.е. осуществляя косвенное вмешательство во внутренние дела государства-члена ООН.

До сих пор никаких юридических последствий за нарушение принципов международного права на территории бывшей Югославии или территории Ливии не понесло ни одно третье государство, осуществлявшие незаконное вмешательство во внутренние дела и нарушение территориальной целостности, да такие нормы и не предусмотрены, поскольку возможно только «осуждение со стороны международного сообщества», да и то чаще неофициальными представителями государств или международных организаций. Таким образом, полагаем, что Совету Безопасности ООН требуется радикальное реформирование, а принципы международного права нуждаются в особой правовой охране, которая будет обеспечивать их реализацию в полном объеме и на всех континентах для реализации концепции всеобъемлющей международной безопасности и социальной справедливости.

¹ Резолюция Совета Безопасности ООН 1973 (2011) от 17 марта 2011 г. [Электронный ресурс]. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/1973\(2011\)](https://undocs.org/ru/S/RES/1973(2011)). Дата обращения: 31.10.2019.

² Данилов А. П. Криминологический характер агрессии против Ливии //Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 4 (23). С.18.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ

Атомная энергетика в современном мире является неисчерпаемым ресурсом. Однако, энергия атома может использоваться как в мирных целях, так и при создании оружия массового поражения. Данная научная статья рассматривает особенности международного законодательства об использовании атомной энергии исключительно в мирных целях.

Мирное использование атомной энергии в мире состоит, прежде всего, в её использовании в работе атомных электростанций (далее по тексту – АЭС). Информационные источники утверждают, что в настоящее время в мире идет интенсивное строительство АЭС, и в перспективе, в 2030 году их будет насчитываться порядка 500. В тоже время нельзя утверждать, что использование атомной энергии состоит только в выработке энергетических ресурсов. Так, к отношениям в сфере использования атомной энергии можно отнести и отношения по транспортировке ядерного материала, проектированию, строительству и обслуживанию АЭС.

На международном уровне можно выделить две группы нормативных документов, регулирующих вопросы мирного использования атомной энергии. К первой группе предлагаем относить международные многосторонние договоры и конвенции, среди которых можно выделить те, в которых непосредственно участвует Российская Федерация: Венская конвенция о гражданской ответственности за ядерный ущерб (Заключена в г. Вене 21.05.1963), Объединенная конвенция о безопасности обращения с отработавшим топливом и о безопасности обращения с радиоактивными отходами (Заключена в г. Вене 05.09.1997), «Конвенция о физической защите ядерного материала» (Заключена в г. Вене 26.10.1979), «Конвенция о ядерной безопасности» (Заключена в г. Вене 17.06.1994) и ряд других конвенций, перечислять которые не позволяет объем работы.

Данными Конвенции регулируются вопросы, связанные с порядком обращения с ядерными отходами, которые используются при эксплуатации АЭС, ответственность должностных лиц, работающих на АЭС при возникновении аварии, обеспечение безопасности при работе с отходами ядерного производства, защите окружающей природной среды от вредного воздействия ядерного производства. Общая направленность указанных соглашений состоит в снижении возможного вредного воздействия и максимально эффективного использования атомной энергии в энергетической сфере. Заметим, что Российская Федерация принимает участие во всех вышеуказанных Конвенциях, в каких-то случаях безоговорочно, в каких-то случаях с оговорками.

Вторая группа международных соглашений в сфере использования атомной энергии представляет собой двухсторонние соглашения между странами о сотрудничестве. Российская Федерация заключает довольно много таких соглашений. Среди стран, с которыми осуществляется сотрудничество, можно выделить Турцию, Соединенные Штаты Америки, Беларусь, Вьетнам и многие другие.

Авторами отмечается, что все соглашения, заключаемые в данной области, не носят разового или единичного характера. Обычно, заключению такого двухстороннего соглашения предшествуют переговоры с компетентными структурами,

длительное согласование условий соглашений, заключение ряда последовательных документов, регулирующих все стороны данного правоотношения.

В числе документов, характеризующих международные отношения государств в области мирного использования атомной энергии нельзя не отметить акты Международного Агентства по атомной энергии (далее по тексту МАГАТЭ) и аналогичных структур на уровне межгосударственных объединений, например, Евратом и Комиссия государств-участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях.

МАГАТЭ, как международная организация, в рамках своих полномочий, определенных в том числе и Договором о нераспространении ядерного оружия, имеет право на проведение проверок на местах для того, чтобы убедиться в использовании ядерных материалов исключительно в мирных целях.

Евратом осуществляет свою деятельность на основании Договора в рамках стран-участниц Европейского союза. Таким образом, его территориальная компетенция ограничена только данными государствами. Евратом уполномочен на вмешательство как в вопросы деятельности в отношении ядерной промышленности любой из стран Европейского союза, так и в любую другую отрасль, так или иначе затрагивающую ядерное производство. Деятельность Евратома относится исключительно к вопросам мирного использования атомной энергии в странах Европейского союза. Помимо этого, Евратом имеет право на заключение соглашений о сотрудничестве. Среди стран, с которыми Евратом заключил соглашения можно выделить, например, США, кроме того, было заключено соглашение между Евратомом и МАГАТЭ.

В рамках еще одной наднациональной организации – Содружества Независимых Государств (далее по тексту СНГ), действует такой орган как Комиссия государств-участников СНГ по использованию атомной энергии в мирных целях. Среди актов данного органа можно выделить Концепцию ядерной и радиационной безопасности государств-участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях. Положения данной Концепции являются основополагающими в деятельности по использованию атомной энергии в мирных целях для стран СНГ, на территориях которых еще существуют АЭС, а так же для деятельности, связанной с их обслуживанием и утилизацией отходов, кроме того, в ней отражены основные направления утилизации ядерных отходов, реабилитация территорий, занятых ядерным производством, а так же научное направление деятельности.

Таким образом, анализируя особенности международного регулирования деятельности, связанной с мирным использованием атомной энергии, можно констатировать, что даже на международном уровне она представляет собой многоуровневую систему, во главе которой стоят многосторонние соглашения и конвенции, положения которых государства, подписавшие их, должны соблюдать и имплементировать в свое законодательство. Затем располагаются двухсторонние соглашения между странами по вопросам мирного использования атомной энергии. Обычно эти соглашения регулируют вопросы взаимодействия в связи с организацией работ по строительству и использованию АЭС в странах-участниках соглашения. На третьем уровне располагаются акты МАГАТЭ как основного международного органа в области мирного использования атомной энергии. И наконец четвертый уровень представляют собой акты наднациональных образований, распространяющих свое действие строго на определенную территорию, которая определена в документах о создании данного образования, например страны Европейского союза или СНГ. Следует учесть, что все положения международных договоров и соглашений должны неукоснительно соблюдаться теми странами, которые в них участвуют.

АНТРОПОЛОГИЯ ПРАВА КАК ТИП ПРАВОПОНИМАНИЯ

Проблематика правопонимания — «вечная» тема юридической науки. В настоящее время она стала актуальнейшей проблемой современной философии права в связи со сменой мировоззрения, картины мира. На наших глазах происходит переход от индустриального общества к обществу постиндустриальному, информационному, к эпохе постмодерна.¹ В то же время изменяются господствующие в эпоху модерна взгляды на человека, на критерии оценки человеческой деятельности, на сущность права.

В силу того, что произошедшая во второй половине XX века антропологическая революция, сделала особый акцент на жизненном мире человека, она повлекла за собой изменения в типах правопонимания. Поэтому господствующие в эпоху модерна классические типы понимания права оказываются недостаточно обоснованными для современного мира, так как становятся несоответствующими современной реальности. Если сегодня происходит переход к принципиально новой исторической эпохе, то неизбежен вывод о том, что правопонимание должно меняться; другими словами, новой эпохе должна соответствовать иная концепция права.²

Постклассическая теория права открыла тот факт, что в классической эпистеме отсутствовала субъектная саморефлексия.³ В следствие этого появляется новый тип правопонимания, рассматривающий действующего субъекта права во всем его многообразии — антропология права. С моей точки зрения, этот тип правопонимания является наиболее адекватным социокультурному контексту постиндустриального общества, и именно о нем пойдет речь ниже.

Данный тип правопонимания формируется в контексте антропологической научной программы, связанной с переосмыслением места человека в правовой реальности. Антропологический тип правопонимания — способ понимания права, в рамках которого человек и социальные условия его жизни оцениваются в качестве важнейших факторов возникновения и последующего развития права.

Принцип человекомерности права — это главное исходное положение и гносеологическая установка антропологической концепции права, предполагающая представление права и правовой реальности только в связи с существующим и действующим в ней человеком.⁴ Именно человек своими практическими действиями и ментальными представлениями формирует правовую реальность.

¹ Честнов И.Л. Социокультурная антропология права как постклассическая научно-исследовательская программа // Российский журнал правовых исследований. — № 4 (1) — 20014. С.77

² Павлов В. И. Антропологический тип правопонимания как открытие человекомерности права. [Электронный ресурс]// Институт синергической антропологии. URL: <http://synergia-isa.org/article/antropologicheskij-tip-pravoponimaniyakak-otkrytie-chelovekomernosti-prava> (дата обращения 04.02.2020).

³ Честнов И. Л. Принцип диалога в современной теории права (Проблемы правопонимания): диссертация доктора юридических наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2002. С. 110.

⁴ Честнов И.Л. Постклассическая антропологическая теория права в систематическом изложении В.И. Павлова. Рецензия на учебное пособие Павлова В.И. «Проблемы теории государства и права» // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 4. Т.4. [Электронный ресурс]. URL:<http://russianjls.ru/>(дата обращения 18.02.2020)

Следует сказать, что антропология права не задается вопросом о том, что же представляет собой право, главное внимание привлечено к выяснению того, как действует право применительно к человеку, к правовому бытию. Правовое бытие антропологическая концепция права рассматривает не метафизично, а человекомерно, антропологично; действие права в контексте данного типа правопонимания определяется как действие человека, обусловленное внешним контекстом и мотивацией. На этой идее и основывается антропологический тип правопонимания. Следует иметь в виду также историческую и социокультурную обусловленность субъекта права, его контекстуальную определенность. Именно культура (правовая культура) определяет своеобразие правовых систем мира, выступая специфическим механизмом их воспроизводства¹, а «человеческое» измерение права как явления культуры составляет предмет антропологии права.

Необходимо также подчеркнуть, что антропологический подход имеет ряд преимуществ перед классическими типами правопонимания. Антропология права является наиболее актуальным для современного мира типом правопонимания, так как соответствует времени и учитывает динамический аспект в праве, роль человека в конструировании и реализации норм права. Данный подход важен тем, что позволяет изучать многочисленные и разнообразные изменения в мире, обусловленные деятельностью человека и во многом влияющие на право. Антропология права учитывает диалог и взаимодействие субъектов права, рассматривая право не как метафизическую модель, в которой объекты и явления окружающего мира являются изолированными друг от друга, а как взаимосвязь субъектов права. Она также учитывает различие культур, которое во многом определяет различия и в правовых системах, правопорядке и эффективности законодательства.

Не менее важной является роль антропологии права в правоприменении. Ведь именно этот тип правопонимания помогает лучше разобраться в мотивах правоприменителя – человека. Действия любого человека обусловлены психической стороной, которая во много зависит от культуры общества, от менталитета конкретного народа. Правовой менталитет играет регулирующую роль в правотворчестве и правореализации. Полученные в ходе правовой социализации знания, ценности и установки в совокупности образуют правовой менталитет, который дает человеку возможность осознавать самого себя, возможность действовать определенным образом. Так, например, при квалификации или при вынесении решения по делу важную роль играет не только логика судьи, но и его уровень культуры, возрастные особенности, раса, особенности воспитания и т. п. Кроме того культуру, ментальность представителей конкретного общества необходимо учитывать и при разработке и принятии нормативно-правовой базы, при проведении экспертизы норм права. Таким образом, невозможно понять мотивы правоприменителя без учета контекстуальных характеристик. Именно данные особенности выявляет антропология права посредством таких методов, как «качественное» исследование, включающее в себя биографический метод, этнографическое исследование, глубинное интервью.

Антропологический тип правопонимания позволяет наиболее глубоко и подробно изучать психологические аспекты правового поведения человека. Для того, чтобы правовые установления реализовывались эффективно, они должны обладать таким обязательным свойством, как психологичность. Очень интересно выразился по этому поводу русский юрист Г.Ф. Шершеневич: «Когда возбуждается вопрос, что заставляет людей соблюдать установленные нормы права и что побуждает к нарушению их, когда возникает вопрос, чем поддерживается власть одних людей над

---

¹ Тонков Е. Н., Честнов И. Л. Постклассическая онтология права. Коллективная монография; под ред. И. Л. Честнова. СПб.: Алетея, 2016. С. 632.

другими необходимая для понятия о государстве, то исследователь должен искать ответ психологический, а не юридический».¹

Рассматриваемый мною тип понимания права, в силу своей специфики позволяет изучать психологические аспекты поведения людей, влияющие на их правомерную или же противоправную активность. Кроме того, хотелось отметить, что антропология как тип понимания права находит свое практическое применение непосредственно в предупреждение преступности. В данном процессе необходимо учитывать не просто субъективную сторону состава правонарушения, но и культуру, которая социализирует человека на соблюдение права. Культурная среда может способствовать сдерживанию противоправного поведения или, наоборот, способствовать такому поведению. Преступление как культурный феномен отражает сложившийся культурный контекст, без учета которого невозможно решение проблемы противодействия преступности. Это означает, что и преступность, и уровень противодействия этому явлению, помимо всего, подлежат культурному измерению.² Криминолог Я. И. Гилинский был одним из первых российских ученых, который отмечал, что свойства преступности заставляют думать о преступности как о культурном феномене, как об элементе культуры.³ Прежде всего, культура выявляет основные параметры системы противодействия преступности. Она определяет субъектов, осуществляющих противодействие, закрепляет средства осуществления данного процесса и его цели. Поскольку личность обуславливается культурным контекстом, приобщение человека к культуре оказывает серьезное влияние на предупреждение преступности, формирование модели правоуправляемого поведения человека. Я считаю, что культура должна рассматриваться как одно из основных средств противодействия преступности, поскольку именно она знакомит человека со стандартами поведения, принятыми в обществе, в том числе уголовно-правовыми запретами.

На мой взгляд, реализация практически-прикладного характера юридической антропологии в наиболее перспективной и оптимальной форме возможна в виде юридико-антропологической экспертизы. Юридическая антропология представляет собой не только теоретическое знание, но и новое направление в науке, способное предложить инновационную методiku в деле анализа и оценки права. Необходимо заметить, что применению экспертиз в различных отраслях правовой науки и юридической практики всегда уделялось достаточно мало внимания. В современном правоведении, в частности, отмечается, что «...отсутствие или слабая экспертиза законопроектов <...> могут «заложить» корни нарушений законности».⁴ Потребности в применении антропологических знаний при оценке нормативно-правовых актов существуют с тех пор, как современное законодательство обрело сложный по своему содержанию вид. На первый взгляд, может показаться, что речь должна идти об оценке нормативного акта с точки зрения требований юридической техники и законодательной стилистики. Однако это верно лишь до определенной степени. Если «просеивать» текст права сквозь сито требований юридической техники, то в случае успеха этой манипуляции, в итоге мы получим, возможно, совершенный

¹ Шершеневич Г.Ф. Философия права. Том 1: Часть теоретическая. Выпуск 1: Общая теория права / Г.Ф. Шершеневич. М.: Издание Бр. Башмаковых, 1910. [Электронный ресурс]. URL: <http://read.virmk.ru/h/Shershenevich.htm> (дата обращения 15.02.2020)

² Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2015.) [Электронный ресурс] URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/kulturnoe-izmerenie-ugolovno-pravovyh-i-kriminologicheskikh-issledovaniy.html> (дата обращения 08.02.2020)

³ Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. С.40

⁴ Тихомиров Ю.А. Закон: от принятия до реализации // Законность в Российской Федерации. М., 1998. С.13

с юридической точки зрения, - с точки зрения целей, предмета, метода правового регулирования - совершенный текст права.¹ Но, кроме технической правильности, необходимо еще и не забывать о том, что данный текст должен учитывать природу человека, положительно восприниматься и оцениваться индивидом, а также эффективно реализовываться. Поэтому, для оценки соответствия текста права человеческой индивидуальности необходимо применение антропологической экспертизы нормативно-правового акта.

Необходимо также отметить, что на протяжении длительного времени остается недостаточно исследованной проблема прогнозирования в праве. Используя знания, сформированные на основе антропологического типа правопонимания, можно практически проектировать последствия, наступление которых возможно при вступлении в силу и реализации тех или иных законодательных актов. Прогностическое назначение может также проявляться и в выявление правовых тенденций в обществе, создании для человека выбора вектора поведения в сфере права.

Таким образом, подводя итог своему исследованию, я хочу сказать, что предложенный подход к формированию антропологического типа правопонимания в контексте постклассической правовой мысли представляет, на мой взгляд, достаточно перспективное направление развития и юридической теории, и юридической практики. Нельзя не согласиться, что проблема понимания права, несомненно, имеет огромное методологическое и практическое значение. Можно говорить о том, что антропологический тип правопонимания способен приблизиться к ее решению. Антропология права, отказавшись от рассмотрения классического субъекта, позволяет рассматривать правовую реальность под собственно антропологическим углом зрения — не с позиции нормативно заданного субъекта права, а с позиции реального правового существования человека-в-праве. Перенос акцента на правовое существование и отказ от концепта «сущность права» в антропологическом подходе влечет за собой как требование переосмысления самого процесса правового регулирования общественных отношений, так и требование переноса «смыслового акцента» в понимание истоков права с основания на становление права, которое как раз и есть не что иное, как правовое существование человека- в-праве в практиках правовой субъективации.

УДК 341

И.С. ЭПОВ

научный руководитель
профессор И.Б. ЛОМАКИНА

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ИНДИВИДА С ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ

Изучение вопроса соотношения общественной безопасности с правами человека рассматривается в данной статье с позиций западной правовой традиции, в основе которой лежит индивидуализм, то есть эта традиция ориентирована на человека, который рассматривается как приоритетная и первичная ценность. В таком

¹ Пучков О.А. Юридическая антропология и развитие науки о государстве и праве: диссертация доктора юридических наук: 12.00.01. Екатеринбург. 2001 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissertcat.com/content/yuridicheskaya-antropologiya-i-razvitie-nauki-o-gosudarstve-i-prave-teoreticheskie-osnovy> (дата обращения 16.02.2020)

ракурсе индивид не растворяется в социальной массе, а выделяется из нее и противостоит ей в определенной мере. Индивид как личность имеет такие онтологические свойства как свобода и равенство. Поскольку эта проблема затрагивает, в первую очередь, рассмотрение личных, гражданских прав, то в данной статье не будут разделяться права и свободы гражданина и человека, поскольку очевидно, что каждый гражданин в первую очередь является человеком.

Справедливо отметить, что проблема отношения общественной безопасности к правам и свободам человека в условиях правового государства имеет не только национальный, но и наднациональный характер, как с точки зрения законности и незаконности ограничения отдельных прав и свобод индивида, рациональности и действительности в определенном случае, а также определения критериев и границ ограничения, что напрямую влияет на осуществление прав и свобод индивидов в полном объеме.

В свое время известный англо-ирландский политик Эдмунд Берк говорил: «чтобы обладать свободой, необходимо ее ограничивать». Но никто и подумать в то время не мог о том, что эта фраза через несколько веков найдет отражение в сегодняшнем расставлении приоритетов под вызовом мировых проблем современности. Первое место по государственной важности стали занимать вопросы осуществления общественной безопасности, связанные с определенным ограничением прав и свобод человека.

С представленной точкой зрения нельзя не согласиться, что при ограничениях прав и свобод индивида во благо безопасности социума мы должны учитывать противостояние интересов личности и государства. Паритет таких интересов должен быть уравновешен таким образом, чтобы, с одной стороны, государство в лице законодателей, ссылаясь на международно-правовые нормы и конституцию, могло вводить вынужденные ограничения определенных прав, а с другой — при подобных ограничениях гражданам была бы гарантирована защита от произвольных действий государства.

Так, в современном обществе остро возникла проблема, которая не требует отлагательств — проблема отношения ограничения прав и свобод индивида с общественной безопасностью, в рамках которой мною будет предпринята попытка дать ответы на следующие вопросы: что представляет собой понятие «ограничения прав и свобод индивида», какие существуют меры и критерии ограничения прав и свобод человека, есть ли условия допустимости ограничения прав человека в целях обеспечения общественной безопасности, каков опыт ограничения в других странах мира, а также какие существуют подходы в мировой практике.

Итак, что же всё следует понимать под словосочетанием «ограничение прав и свобод»? А. А. Подмарев в своей работе приводит следующее определение этому понятию путем перечисления признаков данного явления. Согласно представленной автором точке зрения «ограничение прав и свобод» — это «закрепленный в правовой форме предел свободы, поведения человека, направленный на определенные цели»¹. Автор отмечает, что цели ограничений могут быть разными, но в своем большинстве их можно отнести к мерам безопасности. Упоминается, что законодательное определение мер безопасности отсутствует. Н.В. Щедрин, в свою же очередь, сформулировал достаточно полное определение понятию «меры безопасности». Так, меры безопасности это «меры принудительного ограничения поведения физических и деятельности юридических лиц, применяемых при наличии

¹ Подмарев, А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.А. Подмарев. Саратов, 2001. С.235.

указанных в законе оснований, имеющие целью предотвращения вредоносного воздействия определенного источника опасности либо ограждения объекта защиты от вредного влияния источников опасности»¹.

Так же нельзя не сказать, что проблема отношения ограничения прав и свобод с общественной безопасностью нашла свое отражение в трудах других российских ученых, в результате чего, некоторыми правоведами были представлены меры ограничения прав и свобод индивида. К примеру, упомянутый Н.В Щедрин указывает, что еще более ста лет назад профессор И.Т. Тарасов в своем труде вывел три принципа ограничения прав и свобод человека, которые являются взаимодополняющими элементами, и их нельзя рассматривать по отдельности: это личностный, отличительные черты которого связаны с тем, что охраняемым объектом является сама личность, а источником опасности могут быть её свойства, территориальный, характеристики которого определяет законодатель (ориентиром для этого принципа является территория распространения воздействие, собственно, источника опасности, повышая вероятность причинения вреда объекту повышенной охраны в конкретном месте, таким образом) и временной принцип (временные параметры применения мер безопасности находятся в зависимости от вероятности, характера, степени наступления вреда).²

В.С. Устинов, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии юридических наук же в своей работе «Основания и критерии ограничения прав и свобод личности в законодательстве и теории» приводит такие критерии: 1) цель ограничения - обеспечение соответствующего уважения и признания прав и свобод всех граждан и удовлетворения объективных моральных требований, общего благосостояния и общественного порядка в современном обществе; 2) введение ограничений только на основе закона, отсюда — законность ограничений; 3) необходимость (похожий критерий освещается в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ)³.

Также имеется работа В.А.Толстика, который в качестве неких показателей определения степени ограничения прав человека наряду с уже перечисленными выделяет и общеправовые принципы права в целом, в виду того, что именно на эти критерии главным образом, при решении проблемы ограничения прав человека, ориентируются законодатель и правоприменитель. К сожалению, стоит признать, что до настоящего времени ни в теории права, ни в правоприменительной практике нет однозначного подхода к определению критериев ограничения прав и свобод человека, поскольку отсутствует общепризнанная, авторитетная, обладающая регулятивным потенциалом позиция по целому ряду ключевых проблем защиты основных прав.

Важно понимать, что обеспечение гражданских прав и свобод в каждом государстве является частью её системы безопасности, поскольку процесс жизнедеятельности общества неизбежно связан с обстоятельствами, требующими от законодателя принятия мер, порой даже в ущерб правам индивида, которые гарантированы основополагающими законами и нормами международного права. Хочется отметить, что любое введение норм, ориентированных на сужение объема гражданских прав и свобод, должно быть вызвано конкретной сложившейся ситуацией

¹ Щедрин, Н.В. Введение в правовую теорию мер безопасности: Монография / Н.В. Щедрин. Красноярск: Изд. центр Красноярского гос. ун-та, 2000. С.17.

² Тарасов, А.В. Ограничения конституционных прав и свобод человека в условиях особых правовых режимов в Российской Федерации : дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Тарасов Алексей Васильевич; Санкт-Петербургский университет МВД РФ. Санкт-Петербург, 2006. С.18.

³ Устинов, В. С. Основания и критерии ограничения прав и свобод личности в законодательстве и теории // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: Сборник научных трудов. Ч. 1. Н.Новгород, 1998. С.100.

или предложенными условиями, то есть вынужденной необходимостью. Сужение прав и свобод — это один из способов контроля степени свободы в обществе, тем не менее, в своем осуществлении не допускающий свободной интерпретации и злоупотребления.

Отсюда можно вывести главное требование к применению государством ограничений прав человека — абсолютно точная регламентация оснований, порядка и пределов их применения.

Как уже мной отмечалось, вопрос о том, каковы критерии ограничения прав и свобод человека не имеет универсального ответа. Одной из причин этого, вероятно, является отсутствие в правоприменительной практике, юриспруденции общепризнанного и унифицированного подхода к формулированию основополагающей номенклатуры, включая и такого определения, как ограничение прав и свобод. Единый подход не выработан даже мировым сообществом. Так, в общепризнанных международных актах, содержащих определенные правовые установки, используется ряд, напрямую или же опосредованно выражающих суждений о сужении прав и свобод. Например, обратившись к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, мы обнаруживаем термины «ограничения» (статьи 9 - 11, 18) и «отступление от соблюдения обязательств» (статья 15)¹, во Всеобщей декларации прав человека (параграф 2 статьи 29) употребляется понятие «ограничение»²; а в Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 4), в которых упоминается обязательства государств перед гражданами, используется понятие «отступление от своих обязательств»³.

Помимо этого, отсутствие общепринятого объяснения названного понятия влечет за собой различие в толковании содержания такого явления, как ограничение прав и свобод на теоретическом уровне, что не обошло внимание труды таких отечественных ученых, как А.В. Малько⁴, Е.А. Лукашева⁵, В.Н. Карташов⁶.

Важно отметить, что, в поисках ответа на вопросы, необходимо также учитывать разнообразие подходов к пониманию цели ограничения прав и свобод человека. Так, обращаясь ко Всеобщей декларации прав человека, принятой на Генассамблее ООН еще в 1948 году, служащей общепризнанным правовым образцом, широко используемым большинством государств для разработки определенных принципов конституций, всевозможных нормативно-правовых актов, отражающих информацию о правах человека, отметим, что целями сужения «прав и свобод» являются обеспечение общественного благосостояния и порядка в демократическом обществе. Согласно статье 29: «обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей; удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе»⁷.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 1950 года, также содержит положение о том, что главной целью ограничения прав и свобод является обеспечение и поддержание общественной и нацио-

¹ Комиссия по правам человека. Доклад о работе 59-й сессии, 17 марта по 24 апреля 2003 г. Ч. 1. Женева, 2003. С.164.

² Cassese A. *International Law in Divided World*. New York: Oxford University Press, 1987. P.128.

³ Cassese A. *International Law in Divided World*. New York: Oxford University Press, 1987. P.135.

⁴ Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве / А.В. Малько. М.: Юрист, 2004. С.250.

⁵ Лукашева, Е.А. Правовой статус человека и гражданина // *Права человека: учебник для вузов*; отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. С.573.

⁶ Карташов, В.Н. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод по российскому законодательству и международному праву // *Государство и право (Материалы круглого стола)*. 1998. № 7. С.33.

⁷ Карташкин, В.А. Россия и Всеобщая декларация прав человека / В.А. Карташкин // *Московский журнал международного права*. 1998. № 2. С.244.

нальной безопасности, согласно статьям 8 и 9¹. И, наконец, в нескольких статьях, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года также указывается, что ограничения прав и свобод человека могут использоваться в том случае, если это необходимо для государственной безопасности и охраны общественного порядка, согласно статьям 12, 18, 19, 21 и др.² Отметим, что понятие «государственная безопасность», как показывает практика, понимается правоведами международного права как «защита политической независимости государства и территориальной целостности от внешней силы или угрозы применения силы»³.

Более подробные условия для применения ограничений содержатся в Международном пакте о гражданских и политических правах и в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. Так, по статье 4 Пакта об экономических, социальных и культурных правах, в качестве цели ограничения рассматривается общественное благосостояние, а если взять во внимания статьи второго Пакта, а это статьи 12, 18, 19, ограничения могут быть использованы в случаях их исключительной необходимости для защиты прав и свобод других лиц, здоровья, государственной и общественной безопасности, а также нравственности⁴.

Сиракузские принципы от 1984 года, в частности 30 принцип, устанавливает недопустимость ввода ограничений в связи с внутренней или внешней опасностью. Составители этого пакта, в то же время, предостерегали, что «Постоянное нарушение прав человека ставит под угрозу государственную безопасность и может подвергнуть опасности международный мир и общественную безопасность. Виновное за это нарушение государство не может ссылаться на государственную безопасность, чтобы оправдать применения действий, направленных на противодействие нарушению его безопасности или же на предотвращение противозаконных действий в адрес населения этого государства»⁵.

Рассмотрев данные международно-правовые документы, можно прийти к выводу, что принятие индивидуальных прав — это составляющая безопасности государства и общества, его порядка, а, следовательно, является не просто возможной, но и нужной мерой государственного реагирования. Важно понимать, что поддержание общественной безопасности и обеспечения общественного развития населения всегда является главной целью ограничений, а отсюда — защита базовых ценностей в обществе, к которым относятся жизнь, свобода, достоинство. Исходя из приведенных положений, возможно сделать следующий вывод — целью общественной безопасности является обеспечение мирной жизни общества, социального согласия и исполнение решений властей внутри страны. Это понятие необходимо представлять, как принятие решений по охране всего общества от посягательств тех сил, которые затрагивают его интересы.

---

¹ Гомьен, Д., Харрис, Д., Зваак, Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия: право и практика. Перевод с английского / Д. Гомьен, Д. Харрис, Л. Зваак; науч. ред. Л.Б. Архипова. М.: Издательство МНИМП, 1998. С.483.

² Брэдли, М., Кей, Р., Брэдли, Э. Европейское право в области прав человека: Практика и комментарии. Перевод с английского / М. Брэдли, Р. Кей, Э. Брэдли; науч. ред. Н. Блинков; пер. А. Иванченков; ред. Л. Архипова. М.: Права человека, 1997. С.69.

³ Cassese A. *International Law in Divided World*. New York: Oxford University Press, 1987., P.14.

⁴ *The Oxford Handbook on the United Nations* / Ed. by Thomas G. Weiss and Sam Daws. Oxford University Press, 2008., P.124.

⁵ Сиракузские принципы толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах 1984 года / Пер. на рус. яз. Л.Н. Шестакова // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право*. 1992. № 4. С.59-68.

Как уже говорилось ранее, взамен на предоставление общественной безопасности страны зачастую стали рассматривать вариант ограничения прав и свобод своих граждан, поэтому, рассматривая политику отдельных государств в этой области необходимо представлять, что любые ограничения прав и свобод индивида не самоцель, а следствие объективных условий, действительностью существования государства.

УДК 341.48/.49

Е.С. ЯКИМЧУК

научный руководитель
доцент Е.Е. АМПЛЕЕВА

ПИРАТСТВО КАК УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА

Пиратство как один из самых древних видов уголовно-наказуемых преступлений¹, по-прежнему, как и сотни лет назад, посягает на безопасность государств и обеспечение свободы морского судоходства при использовании морских пространств. Пиратство является преступлением международного характера (конвенционным преступлением) и в международной юридической практике его иногда еще называют «морским разбоем». Правовые основы борьбы с данным преступлением содержатся в Женевской конвенции ООН об открытом море 1958 г.² и Венской конвенции ООН по морскому праву 1982 г.³

Современная трактовка международно-правовой нормы о пиратстве впервые появилась в Женевской конвенции об открытом море 1958 г., где в ст. 15 Конвенции под пиратством признается «любой неправомерный акт насилия, задержания или грабежа, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный, во-первых, в открытом море против какого-либо другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту; во-вторых, против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте, находящемся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государств».⁴ Ст. 101 Венской конвенции ООН по морскому праву 1982 г. в пункте «а» по сути дублирует ст. 15 Женевской конвенции, где под «пиратством» признается «любое из вышеперечисленных действий: а) любой неправомерный акт насилия, задержания или любой грабеж, совершаемый с личными целями экипажем или пассажирами какого-либо частновладельческого судна или частновладельческого летательного аппарата и направленный: во-первых, в открытом море

¹ Миронов С. М. Уголовная ответственность за пиратство: Автореф. дис. канд. юрид. наук. Ставрополь, 2001. С. 12-13.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1962. № 46. Ст. 457.

³ Венская конвенция ООН по морскому праву 1982 г. Текст с изм. от 23.07.1994. //Собрание законодательства РФ. 1997. № 48. Ст. 5493.

⁴ Конвенция об открытом море. Заключена в г. Женева 29.04.1958 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР синостранными государствами. Вып. XXII. М., 1967. С. 228.

против другого судна или летательного аппарата или против лиц или имущества, находящихся на их борту; во-вторых, против какого-либо судна или летательного аппарата, лиц или имущества в месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства». И далее по тексту добавляет: «b) любой акт добровольного участия в использовании какого-либо судна или летательного аппарата, совершенный со знанием обстоятельств, в силу которых судно или летательный аппарат является пиратским судном или летательным аппаратом; с) любое деяние, являющееся подстрекательством или сознательным содействием совершению действия, предусмотряемого в подпункте а или b¹».

Однако при этом следует учитывать тот факт, что без международного установления границ открытого моря, как единственно возможного места совершения пиратских действий, предоставление такого права было бы невозможно, ведь в противном случае пришлось бы нарушить принцип исключительной юрисдикции прибрежных государств в их территориальных и внутренних водах. Иными словами, ни одно государство не может вторгаться на суверенную территорию (акваторию) другого государства без особых на то разрешений и осуществлять там свою собственную уголовную юрисдикцию. В этом случае положения Венской конвенции по морскому праву 1982 г. противоречили бы положениям о правовом статусе внутренних морских пространств прибрежного государства. Таким образом, Венская конвенция 1982 г., с одной стороны, указывает на правила установления внешних границ морских пространств прибрежного государства, а с другой стороны, провозглашает универсальную юрисдикцию всех государств в отношении актов пиратства в открытом море.

Основная цель международных соглашений по поводу установления универсальной юрисдикции в отношении пиратства – это содействие межгосударственному сотрудничеству по борьбе против преступлений транснационального характера, в том числе и на море. Кроме того, Венская конвенция ООН по морскому праву 1982 г. является общепризнанным кодификационным международным соглашением в области международного мореплавания, где совершение действий, обозначенных как «пиратство», ограничивается совершением данного преступления в открытом море в соответствии с международным принципом уважения государственного суверенитета и неприкосновенности морских территорий прибрежного государства.

Захват судов за пиратские действия на море может совершаться только военными кораблями или военными летательными аппаратами либо другими судами или летательными аппаратами, которые имеют четкие внешние знаки, позволяющие опознать их как состоящие на правительственной службе, и уполномочены для этой цели (ст. 107 Венской конвенции 1982 г.)². Если захват судна по подозрению в пиратстве совершен без достаточных оснований, то государство, совершившее захват, отвечает перед государством, национальность которого имеет судно или летательный аппарат, за любой ущерб или любые убытки, причиненные захватом (ст. 106 Венской конвенции 1982 г.)³.

Таким образом, вопросы сотрудничества государств по борьбе с пиратством носят международный, а не национальный характер. Установление универсальной юрисдикции в отношении пиратства как уголовно-наказуемого преступления – это попытка решить данную проблему на международном уровне. Всем государствам-участникам международных соглашений одновременно предоставляется и

¹ Конвенция ООН по морскому праву. Заключена в г. Монтего Бее 10.12.1982 г. // Бюллетень международных договоров. 1998. № 1. С.138.

² Конвенция ООН по морскому праву. Указ. изд. С.145.

³ Там же. С. 146.

исключительное право во внутренних водах самостоятельно пресекать действия пиратов и осуществлять в их отношении уголовное преследование в соответствии с национальным законодательством.

В контексте отечественного уголовного права Уголовный кодекс Российской Федерации впервые определил состав и основные признаки пиратства, закрепленные в международно-правовых соглашениях. Так, появившаяся в Уголовном Кодексе Российской Федерации 1996 г. ст. 227 определяет пиратство как «нападение на морское или речное судно в целях завладения чужим имуществом, совершенное с применением насилия либо с угрозой его применения»¹.

На первый взгляд, определение термина «пиратство» в отечественном уголовном законе является более узким по сравнению с международно-правовой дефиницией (например, предметом посягательства для международного права сможет быть судно или летательный аппарат, а точки зрения российского уголовного закона – только водное судно). Однако сложно согласиться с таким однозначным выводом, ведь по другим параметрам взаимосвязь определений прямо противоположна, а диспозиция соответствующей статьи Уголовного кодекса Российской Федерации выглядит явно шире международно-правового определения пиратства².

Объект преступления в российском праве – это общественная безопасность в сфере морских перевозок. Предметом преступления является любое морское или речное судно, а также чужое имущество, находящееся на нем. При этом принадлежность судна не имеет значения, оно может принадлежать тому же государству, под юрисдикцией которого находится и пиратское судно, а может иметь иностранную принадлежность³. Судно, на которое осуществляется посягательство, может быть государственным либо частным, а по целевому назначению – военным, торговым, научно-исследовательским и др.⁴.

Вместе с тем, на наш взгляд, криминализация тех или иных деяний и включение их в Уголовный кодекс России происходит, в первую очередь, в силу их общественной опасности, то есть по объекту преступления. Следовательно, выделение пиратства в отдельный состав преступления в середине 90-х гг. XX в. диктовалось прежде всего необходимостью защитить общественные отношения в сфере безопасности международного судоходства. Напомним, данная статья Уголовного кодекса находится в главе «Преступления против общественной безопасности», а общественная опасность пиратства характеризуется тем, что водные суда, находясь на мировых морских и речных судоходных маршрутах, как правило, находятся вдали от прибрежной зоны действия правоохранительных органов, т.е. в открытом море, в территориальных или во внутренних водах, там, где гражданам не может быть обеспечена такая же степень защиты их прав, на какую они могли бы рассчитывать на суше.

Пиратство предполагает совершение нападения на судно лицом, находящимся вне этого судна. Если чужим имуществом, находящимся на судне, либо самим судном пытаются завладеть кто-либо из экипажа или пассажиров этого же судна,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

² Варфоломеев А.А. Современное пиратство с позиций международного и российского права: проблема определений //Международное публичное и частное право. 2015. № 3. С. 27.

³ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.[Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

⁴ Чучаев А.И., Пожарский А.Ю. Транспортные преступления: понятие, виды, характеристика: монография. М.: Проспект, 2018. С. 25.

состава пиратства в его действиях не будет. Преступление считается оконченным с момента нападения, независимо от того, удалось преступникам или нет захватить чужое имущество¹. Таким образом, анализируя ст. 227 УК РФ, можно выделить конкретизацию предмета нападения, а именно «морское или речное судно», и указание на место совершения преступных деяний, которое логично распространяется на «международное пространство».

На данном этапе возникает теоретический и практический вопрос о том, следует ли в таком случае признавать пиратством нападения на суда, совершаемые в пределах национальной юрисдикции российского государства. Сам по себе уголовный закон никаких ограничений места совершения пиратских преступлений не содержит, что грозит широким толкованием нормы.

Отметим, что объективная сторона пиратства как уголовного преступления выражается в нападении на морское или речное судно, сопряженном с применением насилия либо угрозой его применения. Признаком объективной стороны также является место совершения пиратства. Им может быть только открытое море, т.е. место, находящееся за пределами юрисдикции какого бы то ни было государства. Вместе с тем, с одной стороны, нормы международного права четко устанавливают возможность совершения пиратского нападения «только в открытом море или в ином пространстве вне юрисдикции какого бы то ни было государства»², например, международные проливы, соединяющие части открытого моря или международные каналы. С другой стороны, пиратство, согласно российскому закону, является в большей степени вопросом внутрисударственного уголовного права в отношении пространств и акваторий, находящихся под национальной юрисдикцией Российской Федерации.

Поскольку пиратство посягает на безопасность мирового судоходства в целом, с точки зрения теории уголовного права нападение будет считаться «пиратским» независимо от того находится ли судно в движении, либо стоит на якорной стоянке в открытом море. Нападение на судно, например, в порту или у причала должно квалифицироваться по другой статье Уголовного Кодекса Российской Федерации. Напомним, термин «порт» или «причал», согласно толковому словарю русского языка С. И. Ожегова, означает специальное место у берега, оборудованное для стоянки и обслуживания судов³. Таким образом, судно в этот момент является скорее продолжением суши, т.е. территорией государства, а не особым «элементом мирового судоходства», охраняемым по смыслу ст. 227 УК РФ.

Таким образом, действия, аналогичные пиратству, но совершенные в территориальных водах России, квалифицируются как разбой по статье 162 Уголовного Кодекса Российской Федерации, а именно как морской разбой⁴, рассматриваемый как «нападение с целью хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего»⁵.

В силу того, что и пиратство, и морской разбой представляют собой серьезную угрозу международному сообществу, а проблема противодействия этому явлению стала одной из постоянных тем, рассматриваемых ООН. В открытом море или любом другом месте вне юрисдикции какого бы то ни было государства любое государство может захватить пиратское судно или пиратский летательный аппарат либо

¹ Определение Верховного Суда РФ от 22.06.2011 № 1-О11-20. Действия лиц, совершивших нападение на морское судно в целях завладения чужим имуществом, квалифицированы по ст. 227 УК РФ (пиратство).

² Конвенция ООН по морскому праву. Указ. изд. С. 163-168.

³ Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Москва: Азбуковник, 1999. С. 753.

⁴ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Указ. изд. С.317.

⁵ Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Указ. изд. С.320.

судно или летательный аппарат, захваченные посредством пиратских действий и находящиеся во власти пиратов, арестовать находящихся на этом судне или летательном аппарате лиц и захватить находящееся на нем имущество.

Судебные учреждения государства, совершившего захват, могут выносить постановления о наложении наказаний и определять меры, которые должны быть приняты в отношении таких судов, летательных аппаратов или имущества, не нарушая прав добросовестных третьих лиц, что отмечено в ст. 105 Венской конвенции по морскому праву 1982 г.

При этом, согласно упомянутым Женевской конвенции 1958 г. и Венской конвенции 1982 г., сохраняется универсальная юрисдикция государств по борьбе с актами пиратства в открытом море и иных водах, находящихся вне юрисдикции какого-либо государства. Однако речь идет о более конкретной цели пиратства, а также о квалификации в качестве пиратства только непосредственное нападение на судно, но не подстрекательство, содействие или иные деяния, которые необходимо признавать соучастием в совершении пиратства, следуя общей логике уголовного закона¹.

В заключение, можно сказать, что Уголовный кодекс Российской Федерации имеет некоторые различия в определении термина «пиратство» по сравнению с международными соглашениями. По нашему мнению, сгладить противоречие норм внутреннего и международного права по борьбе с пиратством можно лишь одним способом – прямой имплементацией положений международных конвенций в российское законодательство посредством адаптации и переноса ключевых признаков пиратства в отечественный уголовный закон либо установлением отсылочного характера диспозиции ст. 227 Уголовного Кодекса Российской Федерации².

Кроме того, более ранняя Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.³, участником которой на сегодняшний день является и Российская Федерация, обязывает государства применять нормы международного соглашения к судам, совершающим плавание в водах, расположенных за внешней границей территориального моря какого-либо одного государства или за боковыми границами его территориального моря с сопредельными государствами (ст. 4 Конвенции 1988 г.). Каждое государство-участник Конвенции должно включить в национальные уголовные законы соответствующие наказания за пиратство и морской разбой и принять меры, которые могут оказаться необходимыми для установления его юрисдикции в отношении указанных преступлений.

В целях обеспечения заинтересованности капитанов судов сообщать обо всех случаях пиратства и вооруженного разбоя против судов в резолюциях комитета Международной морской организации под эгидой ООН⁴ содержатся указания, согласно которым прибрежные государства и государства портов должны предпринимать все усилия для обеспечения того, чтобы подобные сообщения не влекли за собой для таких капитанов и их судов неоправданные задержки или обременяющие их дополнительные расходы. Прибрежным государствам рекомендуется заключать двусторонние или многосторонние соглашения, которые должны облегчать расследование актов пиратства и вооруженного разбоя против судов любых категорий.

¹ Цит. по: Додонов В.Н. Ответственность за пиратство (морской разбой) в современном уголовном праве // Транспортное право. 2008. № 4. [Электронный ресурс]. СПС КонсультантПлюс.

² Варфоломеев А.А. Указ. соч. С. 27.

³ Бюллетень международных договоров. 2002. № 1. С. 3 - 12.

⁴ Резолюция А. 738 (18) ИМО [Электронный ресурс] // sea-man.org/resolution.html/Morkniga.ru

**КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ
ОГРАНИЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ
И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Конституция Российской Федерации и Конституция Республики Беларусь содержат немалое количество сходных по своему внутреннему смыслу положений: о демократическом режиме, праве на социальное обеспечение, идеологическом многообразии и т.д. К их числу относятся и нормы, определяющие основы ограничения прав и свобод личности.

В конституционном законодательстве двух государств зафиксированы как общие цели ограничения прав и свобод, так и основания ограничения конкретных прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с ч. 3 ст. 55 Основного Закона России, ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно только в ситуациях, ставящих под угрозу основы конституционного строя, нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, оборону страны и ее безопасность. Конституция Республики Беларусь (абз. 1 ст. 23) устанавливает аналогичные основания ограничения прав и свобод личности: интересы национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности и здоровья населения, а также прав и свобод других лиц. И в том, и в другом случае конституционно закрепленные перечни не подлежат расширительному толкованию.

Кроме этого, Конституция Российской Федерации конкретизирует ограничение права на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), права на тайну переписки, телефонных переговоров и почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 23), права на свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (ст. 29) и права избирать и быть избранными (ст. 32)¹. Исходя из Основного Закона Республики Беларусь, в особом порядке ограничиваются личная свобода (ст. 25), пользование информацией (ст. 34) и избирательные права граждан (ст. 64)².

Если отечественная конституционная норма допускает ограничение прав и свобод федеральным законом, то Конституция Республики Беларусь разрешает его в случаях, предусмотренных законом. Существенное отличие нормативных конструкций заключается в следующем: в России полномочие по ограничению прав и свобод принадлежит только федеральному законодателю, в Республике Беларусь права и свободы теоретически могут быть ограничены и другими нормативными правовыми актами. Сазон К.Д. считает, что пример тому – Закон Республики Беларусь от 4 января 2010 г. № 105-З «О правовом положении иностранных граждан и

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета. 1993. № 237, 25 дек.; СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

² Конституция Республики Беларусь от 15.03.1994. [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс». Режим доступа: локальный (дата обращения: 19.12.2019).

лиц без гражданства в Республике Беларусь», не исключая возможности ограничения прав и свобод иностранцев временными декретами Президента, имеющими силу закона¹. Отметим лишь, что абз. 2 ст. 101 Основного Закона Республики Беларусь запрещает делегирование Президенту полномочий на ограничение конституционных прав и свобод граждан².

Предусмотренные конституционным законодательством критерии допустимости ограничения прав и свобод комментируются и Конституционным Судом Российской Федерации. Судебный орган конституционного контроля сформулировал целый ряд конкретизирующих их правовых позиций. Проанализируем несколько из них.

Постановление от 17 сентября 1993 г. № 17-П: дело о проверке конституционности постановлений Верховного Совета Северо-Осетинской ССР по вопросу возвращения граждан, из-за вооруженного конфликта покинувших ее территорию. Основываясь на идее о невозможности совместного проживания представителей осетинской и ингушской национальностей, Верховный Совет Северо-Осетинской ССР предложил решить проблему возвращения граждан ингушской национальности путем создания новых поселений и расселения в них указанных лиц. Конституционный Суд Российской Федерации признал оспариваемые положения противоречащими Основному Закону страны ввиду отнесения им регулирования прав и свобод человека и гражданина к ведению Российской Федерации. При этом подчеркивалось, что «... ограничения возможны только на основании закона, в предусмотренных Конституцией целях и лишь в пределах, необходимых для нормального функционирования демократического общества»³. Спустя некоторое время подобные критерии появились в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Постановление от 13 июня 1996 г. № 14-П: дело о проверке конституционности ч. 5 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, устанавливавшей правило, согласно которому при исчислении срока содержания под стражей в качестве меры пресечения не учитывается время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела. Как указал судебный орган конституционного контроля, с одной стороны, такое правило призвано исключить возможность обвиняемого помешать расследованию или скрыться от следствия и суда, а с другой – направлено на воспрепятствование злоупотреблению правом. В то же время государство «должно использовать ... только необходимые и строго обусловленные целями меры»; «принцип соразмерного ограничения прав и свобод ... означает, что публичные интересы ... могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям»⁴. Считаем, что этот критерий также закреплен в ч. 3 ст. 55 Основного Закона страны, где устанавливается круг публичных интересов, для защиты которых могут быть ограничены права и свободы человека и гражданина.

Постановление от 30 октября 2003 г. № 15-П: дело о проверке конституционности положений Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных

¹ Сазон К.Д. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод иностранцев в Республике Беларусь // Труды Академии МВД Республики Таджикистан. 2017. № 2 (34). С. 49.

² См. 2.

³ Решения Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 19.12.2019).

⁴ Решения Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> (дата обращения: 19.12.2019).

гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», которым запрещалось представителям организаций, выпускающих средства массовой информации, проводить предвыборную агитацию и агитацию по вопросам референдума в процессе осуществления ими своей профессиональной деятельности. Конституционным Судом Российской Федерации было отмечено, что свободу выражения мнений стоит ограничивать от свободы предвыборной агитации. Информирование избирателей можно признать агитацией только при наличии цели побудить избирателей сделать тот или иной выбор, поддержать определенного кандидата или конкретное избирательное объединение либо обеспечить им противодействие. Важное сделанное им уточнение: законодательный орган «... не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания»¹. Главным правовым средством, препятствующим произвольному ограничению прав и свобод, выступает запрет издания отменяющих или умаляющих их законов. Однако он установлен лишь ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации – Основной Закон Республики Беларусь не включает в свое содержание подобную норму.

Тем временем категория «умаление» встречается в тексте Послания Конституционного Суда Республики Беларусь Президенту и палатам Национального собрания «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году». В абз. 4 п. 2.2. этого документа указывается, что ограничение «не должно приводить к умалению или отрицанию прав и свобод»².

Конституционный Суд Республики Беларусь также неоднократно обращался к критериям допустимости ограничения прав и свобод личности.

Решение от 28 декабря 2017 г. № Р-1117/2017: проверка Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции», которым были введены новые запреты и уточнены действующие императивные нормы. Конституционный Суд Республики Беларусь пришел к выводу, что они обеспечат баланс не только между публичными интересами государства и общества, но и между всеми правами и свободами, закрепленными в Основном Законе страны. При этом ограничения прав «должны быть юридически допустимыми, социально оправданными, адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты других конституционно значимых ценностей, а также отвечать требованиям справедливости»³.

Решение от 12 июля 2018 г. № Р-1143/2018: проверка Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)», предусмотревшего порядок формирования списка поставщиков и других лиц, временно не допускаемых к участию в процедурах государственных закупок. Конституционный Суд Республики Беларусь посчитал, что такое положение ограничивает право на осуществление предпринимательской деятельности по поставке товаров, работ или услуг для государственных нужд, но ограничивает его правомерно.

---

¹ Там же.

² О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь в 2018 году: Послание Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционный Суд Республики Беларусь: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kc.gov.by/> (дата обращения: 19.12.2019).

³ Акты Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционный Суд Республики Беларусь: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kc.gov.by/> (дата обращения: 19.12.2019).

Обоснование: «Данные ограничения соответствуют принципу соразмерности и являются пропорциональными и необходимыми для ... соблюдения баланса между интересами общества и государства и интересами граждан и организаций»¹.

Решение от 10 декабря 2019 г. № Р-1199/2019: проверка Закона Республики Беларусь «О судебной-экспертной деятельности». Законодатель установил ряд ограничений: личный обыск содержащихся под стражей и помещенных в судебно-психиатрический экспертный стационар лиц, цензура их переписки и т.д. Конституционный Суд Республики Беларусь констатировал, что эти ограничения прав и свобод «не ведут к утрате их реального содержания ... »².

Как видно, в Российской Федерации и Республике Беларусь действует практически идентичная концепция допустимости ограничения основных прав и свобод: конституционно закреплены общие цели ограничения прав и свобод и предусмотрена возможность ограничения отдельных прав и свобод личности; сформулированы принципы их соразмерного и пропорционального ограничения. Существенное отличие между ними – наличие и отсутствие (в Конституции Российской Федерации и Конституции Республики Беларусь, соответственно) запрета издания законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина. Полагаем, что появление такого запрета в структуре Основного Закона Республики Беларусь положительно повлияло бы на защиту конституционных прав и свобод ее граждан.

---

¹ Акты Конституционного Суда Республики Беларусь // Конституционный Суд Республики Беларусь: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kc.gov.by/> (дата обращения: 19.12.2019).

² Там же.

II

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО – ПРАВОВОЙ НАУКИ

УДК 343.346

Г.В. ГАЛЕКБАРОВ,
Л.А. ШЕРЕМЕТЬЕВ

научный руководитель
доцент Я.Ю. ВАСИЛЬЕВА

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ВИНЫ В ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТ. 264 УК РФ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Проблема дорожно-транспортной преступности остается актуальной для современной России по настоящее время. Наиболее распространенными неосторожными преступлениями являются преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации в 2019 году зарегистрировано 26 400 преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ (из них по ч. 3-6 ст. 264 УК РФ – 6782 преступления), что составляет ~1,3% от общего числа зарегистрированных преступлений за указанный период¹.

Верное установление формы и вида вины в каждом конкретном случае обеспечивает принятие законного, обоснованного и справедливого судебного решения, соответствующего основополагающим принципам уголовного права. Неосторожная форма вины в преступлении, предусмотренном ст. 264 УК РФ, сама по себе свидетельствует о меньшей общественной опасности деяния, а уточнение вида вины способствует индивидуализации ответственности и наказания, ведь разница между преступными легкомыслием и небрежностью является существенной, ощутимой.

В юридической литературе по сей день наличествует спор о форме вины в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил, в т. ч. правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств.

---

¹ Отчет формы № 4-ЕГС раздел 2 за январь-декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://crimestat.ru/analytics> (дата обращения: 15.03.2020).

Так, например, Лукьянов В. В. указывает, что «дорожно-транспортные преступления, в одних случаях (при умышленной форме вины по отношению к действию и последствиям) должны быть отнесены к разряду умышленных деяний, а в других (при умышленном или неосторожном отношении к действию, и неосторожности – к последствиям) признаваться неосторожными»¹. Необходимость такой дифференциации возникает в виду того, что при ныне существующей практике квалификации деяний по ст. 264 УК РФ возникают случаи, когда «в одном ряду перед законом оказываются лица, проявляющие эгоистическое пренебрежение к безопасности других участников дорожного движения, хулиганство, хамство за рулем, и водители, допустившие случайную ошибку по невнимательности или недостатку опыта»².

Однако необходимо учитывать, что волевой элемент умышленной и неосторожной форм вины кардинально отличается. Так, на наш взгляд, нельзя говорить о том, что лицо, допускающее лихачество на дороге, относится к возможным последствиям с косвенным умыслом, т.е. не желает, но сознательно их допускает, либо относится к ним безразлично. Важно, что при любом виде умысла, виновное лицо осознает, что общественно опасное последствие будет иметь место в действительности. В то время, как при неосторожной форме вины, лицо «желает», чтобы такие последствия никогда не наступили. Отсюда, «дорожный хулиган», лишь в силу своей самонадеянности, рассчитывает на ненаступление общественно опасных последствий, а, значит, совершает преступление по легкомыслию, но никак не умышленно.

Из вышеуказанной позиции проистекает мнение, что преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, имеют двойную форму вины.

Ряд авторов, в частности Долгова А. И., считают преступлениями с двумя формами вины всевозможные составы преступлений, связанные с нарушениями специальных правил.

Вместе с тем, в ст. 27 УК РФ говорится об умышленном преступлении, которое влечет наступление тяжких последствий, отношение к которым неосторожно. Само по себе нарушение правил уголовной ответственности не влечет, следовательно, для анализируемых составов криминообразующим признаком является тяжкое последствие, наступающее по неосторожности, а значит и в целом преступление совершается по неосторожности.

Развивая вышеуказанную точку зрения, Бондарчик О. Н. указывает, что «в преступлении фактически смешиваются не две формы вины, а две вины в области нарушения различных отраслей права – административного (или иных) и уголовного»³. По ее мнению, необходимо признать преступления, связанные с нарушением специальных правил, со «смешанной» формой вины. Вместе с тем, действующий уголовный закон не оперирует подобными понятиями и в принципе не рассматривает отдельно вину к деянию и последствию.

Рассматривая состав ст. 264 УК РФ, как преступление со смешанной формой вины, мы как бы разделяем действия водителя транспортного средства на два этапа: во-первых, сознательное или совершенное по неосмотрительности нарушение правил дорожного движения, и, во-вторых, причинение по неосторожности ука-

¹ Лукьянов В. В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. М. : Юрид. лит., 1979. С. 108-111.

² Лукьянов В. В. Форма вины в дорожно-транспортных правонарушениях // Российская юстиция. 2012 (дек.). № 12. С. 59-61.

³ Бондарчик О.Н. Преступные нарушения правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств и их предупреждение (криминологический и уголовно-правовой аспекты). Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08: СПб., 2005. С. 150 (226 с.)

занных в диспозиции соответствующей правовой нормы последствий, но неосторожные преступления по своей юридической конструкции представляет собой неразрывное сочетание неосмотрительного поведения с общественно опасными последствиями, указанными в диспозиции уголовно-правовой нормы, и, следовательно, данную ситуацию необходимо рассматривать как единый непрерывный процесс.

Совершенно справедливо по данному вопросу высказался Кудрявцев В. Н., указав, что «форма вины для определенного преступного деяния едина, поскольку в соответствии с законом в материальных составах она определяется отношением лица к общественно опасным последствиям, а в формальных — к своим общественно опасным действиям; если преступное деяние (действие или бездействие) вызывает одно последствие, то отношение к нему может характеризоваться только умыслом либо неосторожностью, а следовательно и преступление в целом надлежит признать совершенным умышленно или по неосторожности; «смешанной» формы вины тут быть не может»¹.

Согласно ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Поскольку в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил, в т. ч. правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, криминообразующим признаком являются общественно опасные последствия, к которым виновное лицо относится неосторожно, а само по себе нарушение правил не влечет уголовной ответственности, занимаем позицию большинства правоведов, считающих такие преступления исключительно неосторожными. Отметим, что по этому пути следует и следственно-судебная практика.

Дифференциация ответственности и наказания в анализируемых преступлениях должна достигаться за счет разграничения вида неосторожности, поскольку преступное легкомыслие, по смыслу закона, обладает повышенной степенью общественной опасности, чем преступная небрежность.

Однако, как показал анализ правоприменительной практики, суды Российской Федерации зачастую, описывая в приговоре субъективную сторону совершенного преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, создают конструкцию вида вины, не предусмотренной действующим уголовным законом. Речь идет о синтезе признаков небрежности и легкомыслия, встречающегося в каждом восьмом обвинительном приговоре по делу анализируемой категории.

Так, например, 29 августа 2019 года Чистопольский городской суд Республики Татарстан признал Е. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. При этом суд указал, что «водитель Е., при достаточной внимательности, предусмотрительности и соблюдении требований действующих Правил, должен был и мог предвидеть возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, при управлении автомобилем (автобусом), но, не учитывая ширину проезжей части, не выбрав для себя безопасную скорость движения, позволяющую контролировать автомобиль (автобус), с учетом дорожных и погодных условий, самонадеянно рассчитывал на предотвращение дорожно-транспортного происшествия и возможных наступлений общественно опасных последствий»².

¹ Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений / В. Н. Кудрявцев. 2-е изд., перераб. и доп. . М.: Юристъ, 2007. С. 173-174.

² Приговор Чистопольского городского суда Республика Татарстан от 29 августа 2019 г. // Архив Чистопольского городского суда Республика Татарстан за 2019 год. Уголовное дело № 1-193/2019.

29 августа 2019 года Ачхой-Мартановским районным судом Чеченской Республики М. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 264 УК РФ. В приговоре суд констатирует, что М., «легкомысленно относясь к возможности наступления общественно опасных последствий своих действий, имея возможность предвидеть наступление тяжких последствий при необходимой внимательности и предусмотрительности, совершил нарушение требований Правил дорожного движения Российской Федерации...»¹.

Также, 21 августа 2019 года Кабанским районным судом Республики Бурятия А. была признана виновной по ч. 1 ст. 264 УК РФ. Мотивируя принятое решение, суд указал, что осужденная «предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своих действий, в виде причинения вреда здоровью И., но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывала на предотвращение этих последствий, совершила наезд на И., лежащего на земле в указанном месте, хотя в указанной дорожной обстановке, при должной внимательности и предусмотрительности, имела реальную возможность избежать наезда на последнего»².

Установление субъективной стороны в процессе квалификации преступлений, предусмотренных ст. 264 УК РФ действительно представляет повышенную сложность для правоприменителя, связанную с законодательной конструкцией состава преступления. Указанные примеры свидетельствуют о непонимании судами конструкций небрежности и легкомыслия, неполной работе органов предварительного расследования по установлению механизма совершения преступления. Выявленные недостатки показывают, что, по факту, принятые решения не основаны на принципах уголовного права, основных началах назначения наказания.

Категорически неверно создавать некие синтезированные конструкции видов неосторожности, поскольку это явно противоречит Общей части УК РФ. В связи с этим, видим необходимость рекомендовать правоприменительным органам в каждом конкретном случае достоверно устанавливать форму и вид вины, в целях обеспечения дифференциации уголовной ответственности и наказания.

УДК 343.2/7

П.А. ЗАЙЦЕВА

научный руководитель
доцент Д.Ю. КРАЕВ

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА (СТ. 110 УК РФ)

Вопрос о характере объекта и предмета доведения до самоубийства на сегодняшний день продолжает сохранять свою актуальность и дискуссионность в научном сообществе.

Объект преступления – это взятые под охрану уголовным правом общественные отношения, на которые направлено посягательство.³ С помощью объекта определя-

¹ Приговор Ачхой-Мартановского районного суда Чеченской Республики от 29 августа 2019 г. // Архив Ачхой-Мартановского районного суда Чеченской Республики за 2019 год. Уголовное дело № 1-122/2019.

² Приговор Кабанского районного суда Республики Бурятия от 21 августа 2019 г. // Архив Кабанского районного суда Республики Бурятия за 2019 год. Уголовное дело № 1-125/2019.

³ Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовное право России. Общая и Особенная части: Учебник – М.: Контракт, 2017 – 288 с.

ются социальная сущность и общественная опасность деяния. Кроме того, точное определение объекта играет большую роль в правильной квалификации преступных действий.

Объекты преступления можно классифицировать по нескольким основаниям: в зависимости от степени общности охраняемых отношений их принято подразделять на общий, родовой, видовой и непосредственный; в зависимости от сложности состава – на основной, дополнительный и факультативный. Именно в рамках указанных классификаций и будет исследоваться проблема объекта доведения до самоубийства в настоящей работе.

Статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) находится в разделе 7, посвященном преступлениям против личности. Стало быть, родовым объектом являются отношения по охране личности. Глава 16 включает в себя составы преступлений против жизни и здоровья, следовательно, видовым объектом выступает жизнь и здоровье личности.

Проблема кроется в том, что же вкладывать в понятие «личность». Т.В. Кондрашова утверждает, что потерпевшим в данном преступлении может быть лишь человек, достигший определенного уровня социализации, которому известно понятие смерти. Малолетние лица или лица с расстройствами психики, которым неведомо значение таких категорий как «жизнь» и «смерть», по ее мнению, не могут быть потерпевшими при доведении до самоубийства.¹ Аргументируя свою позицию, Кондрашова Т.В. ссылается на то, что подобные деяния надлежит квалифицировать как убийство или неосторожное причинение смерти. В дополнение указанной позиции Градовская О.А. пишет, что несовершеннолетние, особенно в возрасте от 10 до 14 лет, сверхвозбудимы и очень эмоциональны. Подвергшись такому психологическому насилию, они совершают акт суицида, до конца не понимая сути происходящего.²

Обосновывая дифференцированный подход, обусловленный возрастом, состоянием здоровья потерпевшего и его способностью осознавать свои действия и руководить ими, Шарапов Р.Д. и Дидрих Р.П. отмечают, что «посредственное причинение вреда, предусмотренное ч. 2 ст. 33 УК РФ, возможно лишь при условии, что сознание и воля потерпевшего ограничены настолько, что он не отдает отчета своим действиям или не может ими руководить. Так, если взрослый человек скажет трехлетнему ребенку засунуть гвоздь в розетку и от удара током ребенок погибнет, то не возникнет никаких сомнений в том, что это не самоубийство трехлетнего ребенка, а его убийство взрослым лицом».³

В силу того, что в законодательстве не указан минимальный возраст, до достижения которого несовершеннолетний потерпевший не способен к самостоятельному и добровольному принятию решения об уходе из жизни, Егорова Н.А. предлагает признавать потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. ст. 110 и 110.1 УК РФ, лиц, достигших 12, но не достигших 18 лет. При этом ученый в своих суждениях ориентируется на примечание к ст. 131 УК РФ, согласно которому, лицо, не достигшее 12-летнего возраста, «находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий».

¹ Кондрашова Т.В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. – 348 с.

² Градовская О.А. Большинство подростковых самоубийств в России за полгода связаны с закрытыми группами «ВКонтакте». [электронный ресурс] URL: <http://www.ppravmir.ru> (дата обращения: 17.02.2020 г.)

³ Шарапов Р.Д., Дидрих Р.П. Вопросы квалификации преступлений против жизни несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет: статья / Р.Д. Шарапов, М.П. Дидрих. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу, 2017, № 6. - С. 81 - 90.

Подобная позиция подкрепляется материалами следственной и судебной практики. Так, в июне 2018 г. Левобережный районный суд г. Воронежа вынес обвинительный приговор в отношении З. и С. по пп. «а», «г» ч. 2 ст. 110 УК РФ – доведение до самоубийства путем угроз и жестокого обращения, совершенное в отношении несовершеннолетней группой лиц по предварительному сговору. В ходе расследования установлено, что виновные обнаружили пропажу 1000 рублей в своей квартире. Их подозрения пали на 13-летнюю подругу их дочери. Девочку заманили в квартиру и в присутствии других несовершеннолетних лиц стали требовать, чтобы она призналась в воровстве. Угрозы и оскорбления несовершеннолетней продолжались несколько часов. В результате несовершеннолетняя проследовала на открытый балкон лестничной клетки и намеренно покончила с собой.¹

Однако, видится, что применение подобной аналогии в данном случае не совсем корректно. Проблемы, связанные с определением объекта доведения до самоубийства, кроются в совершении указанного преступного деяния в отношении малолетних лиц или лиц с глубокими психическими аномалиями. Каждый человек по-своему переживает процесс социализации. Нельзя «подогнать» всех под единый шаблон и прийти к выводу о том, что лишь наступление конкретного возраста будет говорить о достаточной социализированности индивида и о его способности понимать значение различных жизненных и нравственных категорий. В целом, нельзя полностью исключить указанные выше категории потерпевших из-под уголовно-правовой охраны по ст. 110 УК РФ. Малолетние и психически нездоровые лица в судебной практике по делам, связанных с доведением до самоубийства не попадают под категорию, указанную в п. «в» ч. 2 ст. 110 УК РФ – «лица, заведомо для виновного находящиеся в беспомощном состоянии». Видится, что «беспомощность» в рамках статьи 110 УК РФ следует трактовать ограничительно: она включает в себя лишь пребывание в физической беспомощности лица, т.е. неспособность его оказать сопротивление виновному и защитить себя. У потерпевших при доведении до самоубийства должна сохраняться возможность руководить своими действиями, проявлять свою волю и самостоятельно принимать решение о совершении суицида.

Отсюда следует, что к непосредственному объекту доведения до самоубийства можно отнести еще и общественные отношения по охране права на свободу выбора. Аюпов В.Ш., аргументируя указанную позицию, отмечает, что в этом заключается специфика состава преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ. В отличие от убийства, в котором виновный не оставляет выбора потерпевшему, при доведении до самоубийства он воздействует на психику и волю потерпевшего, оставляя, все же, выбор варианта поведения за последним. Таким образом, субъективное право выбора потерпевшего и свободу его воли, подвергаемых воздействию преступника также можно отнести к непосредственному объекту преступления.²

Состав доведения до самоубийства включает еще один объект посягательства – человеческое достоинство. Человеческое достоинство в рамках статьи 110 УК РФ выступает как дополнительный объект в тех случаях, когда виновный применяет в качестве способа совершения преступления, например, систематическое унижение человеческого достоинства, предусмотренное в диспозиции ст. 110 УК РФ. При подобном психологическом воздействии у потерпевшего возникают низкие, отрицательные ассоциации о своей личности, которые в конечном итоге, могут привести его к решению покончить жизнь самоубийством.

¹ Официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации. [электронный ресурс] URL: <https://sledcom.ru/news/item/1292310/?pdf=1> (дата обращения 17.02.2020 г.)

² Аюпов В.Ш. К вопросу об объекте доведения до самоубийства // Вестник Томского государственного университета. Право. № 363. 2012. [электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-obekte-dovedeniya-do-samoubiystva/viewer> (дата обращения 17.02.2020 г.)

Относительно предмета преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, существует две точки зрения: предмет выступает как овеществленный элемент материального мира, на который осуществляется преступное воздействие. Чукаева Н.Г. под предметом доведения до самоубийства понимает как тело потерпевшего, так и его психику, поскольку при совершении преступления оба эти предмета подвергаются негативному воздействию со стороны виновного; согласно второй точке зрения только психика лица выступает предметом преступления.¹

Позиция Чукаевой Н.Г. представляется мне наиболее полной и верной. Воздействие на тело потерпевшего обуславливается способами совершения доведения до самоубийства, прямо указанными в диспозиции ст. 110 УК РФ, например, жестокое обращение, которое в большинстве случаев предполагает применение физического насилия.

Верное определение объекта и предмета преступления влияют на правильность квалификации того или иного преступного деяния. Что касается доведения до самоубийства, то его особенность в том, что непосредственным объектом, наряду с жизнью, будут являться общественные отношения по охране права личности на свободу выбора, а дополнительным объектом по праву можно считать человеческое достоинство личности. Двойственная структура непосредственного объекта преступления обуславливает и двойственность предмета, в рамках которого наряду с физической неприкосновенностью личности страдает еще и ее психическая составляющая.

УДК 343.412.2

Д.Ю. КОЛЕСНИКОВА

научный руководитель
профессор **С.В. ПАРХОМЕНКО**

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ
НОРМ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНА
ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ
«О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ»**

Торговля людьми как вид преступной деятельности носит преимущественно групповой и трансграничный характер. Поэтому противодействие этому негативному социальному явлению ведется не только на национальном, но и на межгосударственном уровне путем заключения международных соглашений.

Среди таких соглашений центральное место занимают универсальные конвенции в сфере противодействия торговле людьми. К ним относятся: Конвенция относительно рабства от 25 сентября 1926 г., Конвенция ООН о борьбе с торговлей людьми с эксплуатацией проституции третьими лицами от 2 декабря 1949 г., Дополнительная конвенция ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством от 7 сентября 1956 г., Факультативный протокол к Конвенции ООН о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 г., Протокол о предупреждении и

¹ Цыркалюк А.А. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: монография / А.А. Цыркалюк – Тамбов, 2011 – 163 с. [электронный ресурс] URL: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnaya-otvetstvennost-za-dovedenie-do-samoubiistva-0> (дата обращения 17.02.2020 г.)

пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г¹.

Данный вопрос также регулируется на уровне региональных международных организаций. В рамках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) действует Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с торговлей людьми, органами и тканями человека от 25 ноября 2005 г. Для реализации положений указанного соглашения были приняты Модельные законы «О противодействии торговле людьми» (далее – Модельный закон) и «Об оказании помощи жертвам торговли людьми» от 3 апреля 2008 г.

Модельный закон содержит комплекс уголовно-правовых и криминологических мер по противодействию торговле людьми. Уголовно-правовые меры направлены на криминализацию и пенализацию деяний, образующих торговлю людьми, и деяний, тесно связанных с нею. Криминологические же меры имеют своей целью воздействие на причины и условия совершения торговли людьми. Эффективное использование криминологических мер позволяет предупреждать преступные посягательства, пресекать их на ранних стадиях совершения.

С точки зрения уголовно-правовых мер противодействия торговле людьми российское уголовное законодательство в целом соответствует положениям Модельного закона. Среди уголовно-правовых мер в нем указаны:

Криминализация преступлений, составляющих торговлю людьми, и преступлений, связанных с торговлей людьми. Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривает ответственность за торговлю людьми в ст. 127¹. Преступления, связанные с торговлей людьми, криминализированы в ст. 120, 127², 131, 132, 133, 134, 154, 126, 127, 150, 151, 241, 242¹, 242², 322, 322¹, 325, 327 УК РФ.

Отнесение преступлений в сфере торговли людьми в соответствии с уголовным законодательством государства к категориям тяжких и особо тяжких преступлений². Основной и квалифицированные составы преступления, предусмотренного ст. 127¹ УК РФ, относятся к категории тяжких преступлений, а особо квалифицированные составы – к особо тяжким.

Санкции, устанавливаемые уголовным законодательством государства за преступления в сфере торговли людьми, в качестве основного наказания должны предусматривать обязательное лишение свободы сроком не менее пяти лет. Санкция ч. 1 ст. 127¹ УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 6 лет³.

В качестве дополнительного вида наказания за совершение преступлений в сфере торговли людьми, уголовным законодательством государства должно предусматриваться лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью⁴. Эта мера в российском законодательстве реализуется в ч. 2 ст. 127¹ УК РФ. В ней в качестве квалифицированного состава торговли людьми предусмотрено ее совершение с использованием служебного положения. Только к лицам, виновным в совершении этого преступления, может быть применен обозначенный выше вид наказания.

¹ Жинкин А.А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2006. С. 99.

² Модельный закон о противодействии торговле людьми : принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 3 апр. 2008 г. № 30-11 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2008. № 42. С. 323.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13 июня. 1996 г. № 63-ФЗ : по состоянию на 18 февр. 2020 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Модельный закон о противодействии торговле людьми : принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 3 апр. 2008 г. № 30-11 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2008. № 42. С. 324.

Деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступлений в сфере торговли людьми, и (или) доходы от этого имущества, а также принадлежащие виновным орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, которые использовались или предназначались для использования в качестве орудия торговли людьми, в соответствии с законодательством государства должны подлежать конфискации¹. Согласно п. «а, б» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ торговля людьми относится к преступлениям, в рамках которых применяется конфискация имущества.

В уголовном законодательстве государства должно предусматриваться выделение общественно опасных посягательств против несовершеннолетних и малолетних жертв торговли людьми в качестве самостоятельных составов преступлений либо в общих составах преступлений в сфере торговли людьми в качестве специальных квалифицирующих признаков². Ранее в российском уголовном законе имелась специальная статья, посвященная торговле детьми, – ст. 152 УК РФ, однако с введением ст. 127¹ УК РФ данная норма была перемещена в п. «б» ч. 2 ст. 127¹ УК РФ в качестве квалифицированного состава торговли людьми.

С криминологическими мерами противодействия торговле людьми ситуация немного иная. Большинство из криминологических мер, установленных Модельным законом, не отражено в законодательстве Российской Федерации и не реализуется на практике.

В числе криминологических мер в Модельном законе предусмотрены:

разработка и утверждение национального плана противодействия торговле людьми. В России такой план отсутствует. А в иных государствах-участниках СНГ национальные планы разработаны и действуют, например, в Казахстане, Беларуси, Туркменистане³;

создание межведомственной комиссии по противодействию торговле людьми и ее территориальных представительств. В Российской Федерации такая комиссия не создана ни как отдельный орган власти, ни как подразделение уже существующего органа. Хотя имеется положительный опыт соседних государств, таких как Казахстан и Узбекистан. Создание такого органа могло бы положительно сказаться на обобщении информации о преступных посягательствах в сфере торговли людьми, координации действий государственных, муниципальных и правоохранительных органов, общественных организаций по профилактике и противодействию торговле людьми;

создание и своевременное обновление единого национального информационного банка данных о преступлениях в сфере торговли людьми. В России такой информационный ресурс не создан до сих пор, что препятствует ознакомлению населения с ситуацией в сфере торговли людьми, поскольку в данных официальной статистики сведения о торговле людьми отдельно не отражаются;

лицензирование деятельности определенных организаций, которые могут способствовать вербовке потенциальных жертв торговли людьми: модельных агентств, а также организаций, занимающихся подготовкой моделей, в качестве вида образовательной деятельности; туроператоров и турагентств; частных агентств занятости;

¹ Там же. С. 327.

² Там же. С. 336.

³ О плане мероприятий Правительства Республики Казахстан по профилактике, предотвращению и борьбе с преступлениями, связанными с торговлей людьми, на 2018-2020 годы : постановление Правительства Республики Казахстан от 1 окт. 2018 г. № 609 // Правительство Республики Казахстан : официальный сайт. 2019. URL: <https://egov.kz/cms/ru/law/list/P1800000609> (дата обращения: 15.03.2020).

брачных агентств¹. Весьма неоднозначная мера, поскольку ее применение может создать необоснованные административные барьеры и ограничения для добросовестных участников данной сферы услуг. Возможно, по этой причине, Россия рассматриваемую меру не реализует.

Отдельно стоит заметить, что в России отсутствует единый федеральный закон, регулирующий вопросы противодействия торговле людьми и защиты пострадавших от нее. 18.03.2003 в Государственную Думу РФ был внесен проект федерального закона «О противодействии торговле людьми», однако он не принят до сих пор, что препятствует созданию единой и эффективной системы противодействия торговле людьми.

На основании изложенного можно прийти к выводу, что Россия не в полной мере реализует положения Модельного закона в части комплексного подхода к противодействию торговле людьми. Уголовно-правовые меры реализуются в полном объеме, лица, виновные в совершении актов торговли людьми привлекаются к уголовной ответственности, и им назначается наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности деяния, что в полной мере соответствует положениям международных соглашений в сфере противодействия торговле людьми. Однако криминологические меры применяются не в полную силу. К мероприятиям по предупреждению торговли людьми, по формированию единой законодательной базы и системы противодействия торговле людьми российский законодатель и правоприменитель подходят сугубо формально.

УДК 343.35

Н.Х. МАРЖОХОВ

научный руководитель
доцент Ю.А. КОНДРАТЬЕВ

ВЛИЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

На сегодняшний день коррупция выступает в качестве деструктивного явления, оказывающего прямое или опосредованное влияние на большинство сфер жизни общества во всех странах независимо от их уровня социально-экономического развития, значимости на политической арене, численности населения, размеров территории и иных характеристик. Общеизвестно, что масштабные коррупционные проявления, в том числе совершение преступлений коррупционной направленности, создают реальную угрозу безопасности государства. Председатель Следственного комитета Российской Федерации Бастрыкин А.И. подчеркивает, что «коррупция является одной из глобальных угроз национальной безопасности страны. Она тормозит крупномасштабные экономические и социальные преобразования, расширяет сектор теневой экономики, уменьшает налоговые поступления в бюджет»².

¹ Модельный закон о противодействии торговле людьми : принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 3 апр. 2008 г. № 30-11 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников СНГ. 2008. № 42. С. 348.

² Бастрыкин А.И. Правовые проблемы борьбы с коррупцией // Российский следователь. 2017. № 24. С. 6.

Особую актуальность приобретает проблема установления механизма негативного воздействия коррупционных преступлений на экономическую безопасность государства как основы функционирования иных сфер жизнедеятельности граждан в целях определения причин, условий и последствий влияния коррупции на государственную безопасность и прогнозирования возможных мер, направленных на уменьшение этого дестабилизирующего влияния.

Прежде чем рассматривать вопрос о влиянии преступлений коррупционной направленности на экономическую безопасность государства необходимо определить два важных момента:

что следует понимать под «экономической безопасностью государства»;
какие преступления можно отнести к категории «коррупционных».

Поскольку анализ данных понятий не является основным предметом исследования в рамках подготовки данной работы, то полагаем возможным представить лишь в обобщенном виде содержательный аспект обозначенных терминов.

Под экономической безопасностью понимается «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических приоритетов»¹. При этом одной из наиболее существенных угроз для экономической безопасности России является высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере².

Уголовное законодательство не использует формулировку «коррупционные преступления» или «преступления коррупционной направленности», однако с учетом подхода к пониманию коррупции, отраженном в Федеральном законе от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»³ и иных нормативных правовых актов, можно сделать вывод, что под коррупционными преступлениями или преступлениями коррупционной направленности следует понимать общественно опасные, противоправные, виновные и наказуемые умышленные деяния должностных лиц или лиц, заинтересованных в осуществлении определенных действий (бездействия) должностных лиц, совершаемые исходя из корыстных мотивов, направленные на получение выгоды, имущества, услуг имущественного характера, имущественных прав или незаконного предоставления определенных преимуществ как для себя, так и для третьих лиц⁴.

Преступления коррупционной направленности можно классифицировать на две группы: безусловные (ст. 141.1, 184, п. «б» ч. 3 ст. 188, ст. 200.5, 201.1, 204, 204.1, 204.2, п. «а» ч. 2 ст. 226.1, п. «б» ч. 2 ст. 229.1, ст. 289, 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ) и преступления, приобретающие статус коррупционных при наличии определенных условий (например, совершение преступлений, предусмотренных ч.ч. 3 и 4 ст. 159.1, ч.ч. 3 и 4 ст. 159.2, ч.ч. 3 и 4 ст. 160 УК РФ и др., должностным лицом, государственным служащим и муниципальным служащим, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, с использованием своего служебного положения; совершение преступлений, предусмотренных ст. 285, ч.ч. 1 и 2 и п. «в» ч. 3 ст. 286, ст. 292 УК РФ и др., с корыстным мотивом)⁵. Здесь полагаем необходимым отметить качественную характеристику преступлений обозначен-

¹ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // СЗ РФ. 15.05.2017. № 20. ст. 2902.

² Там же.

³ О противодействии коррупции: федер. закон Рос. Федерации от 25.12.2008 № 273-ФЗ // СЗ РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). ст. 6228.

⁴ Соловьева Ю.И. Коррупционные преступления // СПС «КонсультантПлюс». 2020.

⁵ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генерального прокурора РФ № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 06.03.2020).

ной категории: из 30991 преступлений коррупционной направленности, зарегистрированных за 2019 г., каждое третье преступление связано со взяточничеством (получение взятки, дача взятки и пр.)¹. Кроме этого, результаты анализа статистических данных за последние несколько лет свидетельствуют о росте зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 290 УК РФ (2017 г. – 3188; 2018 г. – 3499; 2019 г. – 3988)². Данный факт имеет особое значение в контексте рассматриваемой в работе проблематики, поскольку взяточничество не только приводит к нарушению законного порядка оказания государственных услуг, осуществления административных процедур и пр., но и влечет бесконтрольное перемещение между субъектами значительных денежных средств, нередко имеющих преступное происхождение, что создает угрозу экономической безопасности государства.

Безусловно, в рамках ограниченного объема данной работы невозможно отразить всю многоаспектность затронутой проблематики, в связи с чем остановимся на анализе лишь некоторых форм проявления негативного влияния обозначенных преступлений на экономическую безопасность страны.

Во-первых, имеет место нарушение нормального функционирования рыночных механизмов регулирования экономики, так как преимущества получают не более конкурентоспособные и эффективные субъекты предпринимательской деятельности, а лица, которые незаконным образом через дачу взяток добились «лояльности» представителей государственной власти (некоторые комментарии по проблеме взяточничества были представлены выше). Кроме того, для погашения дополнительных издержек на такого рода услуги от должностных лиц предприниматели вынуждены закладывать потраченные суммы в конечную стоимость товаров и работ, что ведет к необоснованному повышению цен и нарушению процедур ценообразования.

Во-вторых, можно говорить о неэффективном использовании бюджетных ресурсов и противоправном выведении значительного объема денежных средств, вследствие чего невозможно разрешение социально-экономических проблем, результативное финансовое планирование внутри муниципальных образований, субъектов Российской Федерации и государства в целом. Указанное не способствует экономической стабильности, порождает необходимость изыскания денежных средств из иных ресурсов, потребность пересмотра предоставления межбюджетный трансфертов и т.д.

В-третьих, распространенность коррупционных преступлений снижает инвестиционную привлекательность государства и конкурентоспособность национальной экономики в мировом сообществе³.

В-четвертых, коррупция подрывает уровень доверия граждан, субъектов предпринимательской деятельности к праву как основному регулятору общественных отношений, к авторитету государственной власти. Рассматривая преступления коррупционной направленности, важно отметить, что зачастую речь идет о системных противоправных деяниях, совершаемых организованными криминальными формированиями внутри государственных структур или так или иначе с ними связанными. Дискредитация закона и государственных органов побуждает к уходу предпринимателей в теневой сектор экономики.

¹ Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2019 года. Официальный сайт МВД России. [Электронный ресурс] URL: <https://мвд.рф/reports/item/1941245/> (дата обращения: 01.03.2020).

² Показатели преступности России. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс] URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 07.03.2020).

³ Гладких В.И., Сухаренко А.Н. Криминальные угрозы экономической безопасности России: состояние и меры нейтрализации // Российский следователь. 2018. № 2. С. 50.

В-пятых, к существенным негативным последствиям приводят коррупционные преступления в высших эшелонах власти, поскольку принятие управленческих решений или нормативных правовых актов в интересах отдельных субъектов способствует незаконному распоряжению государственной собственностью, природными ресурсами и пр., что обуславливает сокращение потенциала для экономического роста.

В-шестых, международный бизнес зачастую использует коррупцию как инструмент проникновения на рынок и закрепления на нем, посредством коррупционных преступлений создаются условия для благоприятствования развитию зарубежного предпринимательства на территории страны в ущерб интересам отечественных производителей.

Таким образом, распространенность преступлений коррупционной направленности имеет крайне негативное влияние на жизнедеятельность общества и государства, способствует увеличению теневого сектора экономики и выступает одним из ключевых факторов, создающих угрозу экономической безопасности страны.

УДК 343.72

Д.Р. НАСУФОВИЧ

научный руководитель
доцент **В.Ю. ДРОЗДОВ**

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРЕДИТНОГО МОШЕННИЧЕСТВА И НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА

Преступления в сфере кредитования в Российской Федерации являются серьезной проблемой для нормального функционирования рыночных отношений и создают угрозу для экономической безопасности государства. Совершение преступлений в обозначенной сфере, в первую очередь, посягает на интересы субъектов осуществления предпринимательской деятельности.

Одним из самых затруднительных для разрешения вопросов разграничения преступлений в сфере кредитования является соотношение ст. 159.1 и ст. 176 УК РФ, поскольку при первом ознакомлении с данными правовыми нормами можно сделать вывод, что обозначенные деяния отличаются лишь предусмотренной уголовным законодательством санкцией (для незаконного получения кредита она выше).

Разграничение указанных видов преступлений осуществляется по субъектному составу: в ст. 159.1 УК РФ – это общий субъект, а в ст. 176 УК РФ – специальный. В обеих статьях предусмотрен одинаковый предмет преступления – кредит. Предоставления заведомо ложных сведений как способ совершения преступления может совпадать. Последствия в виде имущественного ущерба только тем различаются, что в случае преступления, предусмотренного ст. 176 УК РФ, ущерб обязательно должен быть крупным, что составляет квалифицирующий признак мошенничества в сфере кредитования (ч. 3 ст. 159.1 УК РФ).

Вместе с тем ключевым критерием, по которому проводится разграничение указанных преступлений, является цель получения денежных средств. При незаконном получении кредита лицо намерено временно позаимствовать денежные средства, потому что не имеет легальной возможности получить кредит либо льготы на его получение, но виновный намеревается в конечном итоге вернуть указанные

денежные средства кредитору. При незаконном получении кредита умысел преступника направлен на получение кредита либо льготных условий кредитования без корыстной цели, то есть без намерения безвозмездного обращения денежных средств в свою пользу или в пользу третьих лиц. При совершении кредитного мошенничества виновный преследует корыстную цель изъятия денежных средств заведомо без намерения возратить.

Для определения намерений в отношении денежных средств виновного в п.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» признаки, свидетельствующие о наличии умысла, направленного на хищение, предусмотрено следующее:

«...О наличии такого умысла могут свидетельствовать, в частности, заведомое отсутствие у лица реальной возможности исполнить обязательство в соответствии с условиями договора, использование лицом при заключении договора поддельных документов, в том числе документов, удостоверяющих личность, уставных документов, гарантийных писем, справок, сокрытие лицом информации о наличии задолженностей и залогов имущества, распоряжение полученным имуществом в личных целях вопреки условиям договора и другие.

Судам следует учитывать, что указанные обстоятельства сами по себе не могут предрешать выводы суда о виновности лица в совершении мошенничества. В каждом конкретном случае необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо не намеревалось исполнять свои обязательства...»¹.

Однако следует учесть то обстоятельство, что незаконное получение кредита без цели хищения может совершить любой гражданин, в том числе не обладающий статусом индивидуального предпринимателя.

При таких обстоятельствах возможно два варианта развития событий: либо субъект привлекается к уголовной ответственности за совершение мошенничества в сфере кредитования, либо уголовная ответственность не наступает. Однако следует отметить, что в данном случае нарушается принцип презумпции невиновности, поскольку если не доказано наличие цели хищения (при этом необходимо учитывать, что изначально при получении денежных средств у гражданина могло отсутствовать намерение совершить хищение и он полагал, что сможет вернуть полученную сумму), то не может идти речи о совершении мошенничества.

Кроме этого возникает другая проблема: каким образом квалифицировать действия лица, не являющегося ни индивидуальным предпринимателем, ни руководителем юридического лица, если лицо, не имея цели хищения заемных средств, идет на подлог представляемых в банк или кредитное учреждение документов в целях незаконного получения кредита, к примеру, для проведения срочной дорогостоящей операции, намереваясь затем в установленный кредитным договором срок погасить полученный кредит? При отсутствии цели хищения денежных средств нельзя говорить о мошенничестве в сфере кредитования. Для вменения ст. 176 УК РФ необходимо наличие специального субъекта, что не наблюдается в приведенном примере.

В результате такое лицо не подпадает под норму уголовного закона, хотя разумнее было бы по аналогии со ст. 177 УК РФ добавить в ст. 176 УК РФ к числу субъектов уголовной ответственности за незаконное получение кредита гражданина-должника.

С другой стороны, руководитель юридического лица или индивидуальный предприниматель может совершить мошенничество в сфере кредитования, что позво-

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: пост. Пленума Верховного суда РФ 30.11.2017 № 48 // Российская газета. № 280. 11.12.2017.

ляет, с одной стороны, расширить субъектный состав как ст. 159.1 УК РФ, включив в него как общего, так и специального субъекта, так и ст. 176 УК РФ, рассматривая в ней общий субъект.

С учетом диспозиции ст. 176 УК РФ субъектом преступления выступает заемщик – индивидуальный предприниматель или руководитель организации. Заемщиком, как отмечается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица. В случаях, когда в целях хищения денежных средств лицо, например, выдавало себя за другое, представив при оформлении кредита чужой паспорт, либо действовало по подложным документам от имени несуществующего физического или юридического лица, либо использовало для получения кредита иных лиц, не осведомленных о его преступных намерениях, основание для квалификации содеянного по ст. 159.1 УК РФ отсутствует, ответственность виновного наступает по ст. 159 УК РФ¹.

Результаты анализа судебных решений показывают, что большинство судов руководствуется указанным подходом.

Так, приговором суда Т. признан виновным по ст. 176 УК РФ в том, что он совместно с не установленными следствием лицами совершил хищение денежных средств, принадлежащих ОАО «Банк 1» и ОАО «Банк 2», путем представления банкам заведомо подложных документов о своей личности и месте работы, на основании которых он получал потребительские кредиты. В апелляционной жалобе Т. выразил несогласие с квалификацией своих действий, указывая на то, что его умысел был направлен исключительно на хищение заемных денежных средств. Т. считает, что действия должны быть переквалифицированы на ч. 1 ст. 159.1 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, проверив материалы дела, нашла, что доводы осужденного о необходимости квалификации его действий по ч. 1 ст. 159.1 УК РФ противоречат положениям уголовного закона. Согласно диспозиции ст. 159.1 УК РФ мошенничество следует считать совершенным в сфере кредитования, если оно совершено непосредственно заемщиком, т.е. лицом, которое на законных основаниях обратилось в кредитную организацию за получением кредитных средств. Однако судом установлено иное: Т. обращался в банки по поддельным документам, представляясь другим лицом, и заемщиком в связи с этим в соответствии с законом не являлся².

Учитывая изложенное, совершенные Т. преступления не могут расцениваться как мошенничество в сфере кредитования, поскольку у него отсутствовали законные основания для получения данных кредитов, и он не мог являться заемщиком денежных средств, то и не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.1 УК РФ.

Подводя итог проведенному анализу некоторых вопросов, связанных с разграничением смежных деяний в сфере кредитования, следует отметить, что даже при наличии выведенных Верховным судом РФ критериев, в научной литературе и на практике продолжаются дискуссии, требующие совершенствования действующего законодательства путем внесения изменений в ст. 159.1 УК РФ с учетом обозначенных в работе проблем.

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: пост. Пленума Верховного суда РФ 30.11.2017 № 48 // Российская газета. № 280. 11.12.2017.

² Апелляционное определение Московского городского суда от 21.07.2015 г. по делу № 10-9869/15 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 28.02.2020).

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Согласно данным Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018 год судами общей юрисдикции было вынесено более 7 тыс. приговоров за совершение преступлений, предусмотренных ст. 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)¹, при этом значительное количество лиц было привлечено к ответственности за присвоение или растрату с использованием служебного положения. Несмотря на распространенность обозначенных преступлений и наличие нарабатанной практики привлечения виновных лиц к ответственности по ч. 3 ст. 160 УК РФ, имеют место примеры отмены приговоров из-за ошибочности юридической оценки деяний, что позволяет говорить об актуальности анализа особенностей квалификации хищений вверенного имущества с использованием служебного положения.

При рассмотрении особенностей квалификации хищений вверенного имущества с использованием служебного положения одним из ключевых моментов является вопрос о разграничении присвоения или растраты, совершенных с использованием служебного положения, с преступлением, предусмотренным ст. 285 УК РФ (злоупотреблением должностными полномочиями).

Следует подчеркнуть, что разрешение обозначенного вопроса помимо теоретического значения носит ярко выраженный прикладной характер, поскольку зачастую у практических работников правоохранительных органов, прокуроров и судей при осуществлении своей деятельности возникают сложности в применении положений ст. 160 и ст. 285 УК РФ (имеют место примеры, когда уже в рамках судебного разбирательства на стадии судебных прений прокурор заявляет ходатайство о переквалификации обвинения с ч. 3 ст. 160 УК РФ на ч. 1 ст. 285 УК РФ²).

Так, судами первой и апелляционной инстанций Ф. признан виновным в присвоении денежных средств государственного автономного учреждения с использованием своего служебного положения, действия Ф. квалифицированы по ч. 3 ст. 160 УК РФ. Однако суд кассационной инстанции данную юридическую оценку фактическим обстоятельствам дела посчитал ошибочной, указав на отсутствие умысла на безвозмездное обращение денежных средств, поскольку Ф. брал денежные средства из кассы учреждения в долг и обязался их вернуть, что подтверждается свидетельскими показаниями, но был задержан сотрудниками правоохранительных органов в день предполагаемого возвращения денежных средств³.

¹ Судебный Департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.cdpr.ru/index.php?id=79&item=4890> (дата обращения: 01.03.2020).

² Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2020 № 77-66/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2020).

³ Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27.11.2019 № 77-18/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2020).

В приведенном примере основное значение имел вопрос о характере изъятия имущества. В связи с тем, что присвоение и растрата являются формами хищений, при квалификации деяний по ст. 160 УК РФ необходимо руководствоваться законодательно закрепленным в примечании к ст. 158 УК РФ определением хищения и выводимыми из данного определения признаками хищения, в том числе таким признаком как безвозмездность изъятия и (или) обращения имущества. На это обращено внимание и в п. 24, п. 25 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»¹ (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 48). Кроме того, в соответствии с п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» в отличие от хищения чужого имущества с использованием служебного положения злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества, либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества². Фактически, в рассматриваемом примере судебной практики отсутствовал признак безвозмездности изъятия, вследствие чего действия Ф. не подлежали квалификации по ст. 160 УК РФ.

Отметим, что в научной литературе обозначенному аспекту проблемы разграничения преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 и ст. 285 УК РФ, уделяется значительное внимание и указывается на необходимость его учета в качестве одного из критериев разграничения³.

Предметом широкого научного обсуждения в контексте рассмотрения особенностей квалификации хищений вверенного имущества с использованием служебного положения является вопрос о статусе субъекта совершения преступления. Характерным признаком субъекта преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 160 УК РФ, является использование лицом своего служебного положения при совершении присвоения или растраты, что позволяет отнести субъектов анализируемых составов преступлений к категории «специальных»⁴. В п. 29 Постановления Пленума ВС РФ № 48 содержатся разъяснения относительно того, кого следует понимать под лицами, использующими свое служебное положение при совершении присвоения или растраты. Вместе с тем на практике далеко не всегда имеется однозначное понимание и толкование указанного положения, приводящие к неверной квалификации и последующей отмене или изменению судебных актов. К примеру, приговором суда Н., работавшая почтальоном, была осуждена за присвоение с использованием своего служебного положения. Обосновывая наличие признака специального субъекта, суд сослался на наличие у Н. административно-хозяйственных функций, однако из анализа имеющихся полномочий почтальона этого не следовало⁵. В другом примере судом первой

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: пост. Пленума Верховного суда РФ 30.11.2017 № 48 // Российская газета. № 280. 11.12.2017.

² О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: пост. Пленума Верховного суда РФ 16.10.2009 № 19 // Российская газета. № 207. 30.10.2009.

³ Специальные вопросы квалификации преступлений против собственности: учебное пособие / Д.А. Безбородов, А.В. Зарубин, Д.Ю. Краев, А.Н. Попов; под общ. ред. А.Н. Попова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2019. С. 115.

⁴ Долгих Т.Н. Понятие и признаки субъекта преступления. Особенности специального субъекта преступления // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2020).

⁵ Постановление Президиума Верховного суда Республики Мордовия от 19.09.2019 № 44У-57/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 02.03.2020).

инстанции С. призван виновным в присвоении вверенного чужого имущества с использованием своего служебного положения, но суд кассационной инстанции указал, что из должностной инструкции продавца не следует наличие у С. полномочий по распоряжению, управлению, использованию имущества компании, а также организационно-распорядительных и административно-хозяйственных функций¹.

Более того, формулировка ч. 3 ст. 160 УПК РФ предполагает, что лицо может быть наделено соответствующими полномочиями, однако если имеющиеся полномочия не использовались для совершения хищения, то содеянное им не может быть квалифицировано как совершение присвоения или растраты с использованием своего служебного положения². Полагаем заслуживающими внимания позиции исследователей³, которые считают необходимым расширение толкования приведенного подхода, так как сам факт определенного положения субъекта преступления прямо или косвенно оказывает влияние на самого виновного. Можно говорить о том, что уверенность в безнаказанности, убежденность в наличии широких возможностей сокрытия преступления и пр. опосредованно свидетельствуют об использовании служебного положения. Несомненно, указанная точка зрения носит скорее теоретический, отчасти даже философский характер, однако при рассмотрении конкретных уголовных дел нередко крайне сложно собрать доказательственную базу, позволяющую однозначно подтвердить использование субъектом своего служебного положения в форме каких-то конкретных действий и решений, имеющих отражение в материальном мире, в связи с чем считаем перспективным дальнейшую разработку приведенной позиции.

Также нельзя не отметить, что рассматриваемый признак специального субъекта фигурирует в иных статьях УК РФ, но в других постановлениях Пленума Верховного суда РФ⁴ имеет отличное от приведенного выше понимание, обусловленное спецификой правоотношений, что, безусловно, разумно, но не всегда способствует ясности и однозначности в правоприменении.

В заключение еще раз отметим необходимость учета при квалификации хищений вверенного имущества с использованием служебного положения обозначенных особенностей для предотвращения ошибок в юридической оценке деяний.

---

¹ Постановление Президиума Московского областного суда от 12.12.2018 № 547 по делу № 44у-255/2018 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.03.2020)

² См. подробнее: Квалификация преступлений против собственности: учебное пособие / [Д. А. Безбородов, Я. И. Гилинский, А. В. Зарубин, Р. М. Кравченко, Д. Ю. Краев, М. А. Любавина, А. Н. Попов, П. В. Федышина]; под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 154.

³ См. подробнее: Бычков В. В., Бражников Д. А. О концепции отягчающего обстоятельства «совершение преступления с использованием своего служебного положения» // Российский следователь. 2019. № 3. С. 37-41.

⁴ О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: пост. Пленума Верховного суда РФ 12.03.2002 № 5 // Российская газета. № 48. 19.03.2002; О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: пост. Пленума Верховного суда РФ 15.07.2006 № 14 // Российская газета. № 137. 28.06.2006 и др.

III

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

УДК 343.140.02

А.Л. АСРЯН

научный руководитель
доцент Э.Е. МАНИВЛЕЦ

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ

С появлением Всемирной сети человечество обрело уникальную возможность хранить и передавать относительно большие объемы информации мгновенно на неопределенные расстояния. С каждым новым годом общее количество информации, хранимой в сети Интернет, растет экспоненциально, что нельзя не заметить с учетом видимого прогресса в данной области.

Глобальная оцифровка информации, позволяющая переводить все без исключения существенные характеристики объектов и явлений из реального мира в виртуальный, закономерно детерминирует целую систему уязвимостей, связанных, прежде всего, с недостаточной осведомленностью пользователей киберпространства в области информационной безопасности и защиты. Так, современные правовые реалии уже частично основаны на взаимоотношениях субъектов в сфере пользования Мировой сетью, подавляющее большинство которых характеризуются как общественно опасные посягательства на конституционные права человека и гражданина, связанные, преимущественно, с неприкосновенностью частной жизни. Резяпова А.Ф. и Гареева Э.Р. по данному поводу справедливо отмечают, что киберпреступность занимает одно из главных мест среди тех проблем, которые тревожат людей в различных, прежде всего, высокоразвитых странах мира¹.

---

¹ Резяпова А. Ф., Гареева Э. Р. Сеть, интернет и киберпреступность: проблемы расследования преступлений. Томск. 2018. С. 660.

Важно подчеркнуть, что, как указывает, Шаталов А.С., в настоящее время наблюдается устойчивая причинно-следственная связь между количественным разнообразием современных информационных технологий и качественными изменениями в структуре российской преступности, а повсеместное распространение и стремительное развитие подобных технологий формирует практически безграничные возможности для подготовки, совершения и сокрытия преступлений абсолютно новыми способами и средствами¹. По данной причине расследование киберпреступлений является сложным и трудоемким процессом, требующим от органов предварительного расследования специальных знаний и опыта в области информационных технологий и, как утверждают Дульцев М.В. и Нурлыбаева Г.К.: «Наличие квалифицированных сотрудников, прошедших специальное обучение является необходимым условием снижения уровня киберпреступности»².

Необходимо также добавить, что совершение киберпреступления в отличие от иных видов преступлений не требует от правонарушителя взаимодействия с реальным миром, за исключением необходимости использовать при этом электронный носитель информации или технологическое средство, имеющее доступ к сети Интернет. Из этого следует, что киберпреступление может быть совершено на территории любого государства, вне зависимости от того, где в этот самый момент находится сам киберпреступник. По мнению Кайгородовой А.А., данный факт является одной из основных проблем в расследовании киберпреступности, ведь в результате этого оказывается огромное негативное влияние на оперативность розыскных действий, сбор доказательств, проведение неотложных следственных действий по конкретному делу о преступлении³. Подобное также справедливо касательно времени совершения преступления, т.к. с помощью функции удаленного доступа и активации сетевых команд преступники имеют прямую возможность «отложить» совершаемое преступление для того, чтобы в виртуальном пространстве оно произошло в строго определенный момент, когда, к примеру, в реальном мире злоумышленник будет иметь неоспоримое алиби.

Проблемы подобного характера практически полностью исключают возможность осуществлять уголовно-процессуальное доказывание в части установления предмета доказывания и достижения его пределов по конкретному уголовному делу о киберпреступлении. Это связано с тем, что в современной правоприменительной практике Российской Федерации не существует четких правил осуществления уголовного преследования в связи с совершаемыми преступлениями в сфере информационных технологий. Иными словами, опыт в ведении дознания и следствия по подобным категориям дел относительно мал, а идеи о создании автоматизированной поисковой системы учета киберпреступлений, которая бы позволяла отслеживать и анализировать динамику преступлений в сфере информационных технологий, пока еще не рассматривается всерьез субъектами, имеющими полномочия по внедрению подобных изменений в механизм правового регулирования государства.

¹ Шаталов А. С. Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы, тенденции. Красноярск. 2018. С. 9.

² Дульцев М. В., Нурлыбаева Г. К. Сотрудничество в сфере борьбы с киберугрозами. М. 2016. С. 47.

³ Кайгородова А. А. Актуальные вопросы расследования и доказывания киберпреступности. Екатеринбург. 2019. С. 458.

Следует заметить, что перечисленные проблемы прочно закрепились не только в отечественном праве, они уже долгое время не могут быть разрешены на международном уровне. Так, например, основополагающий международный документ в сфере борьбы с киберпреступностью – Конвенция Совета Европы по киберпреступности (ETS № 185), подписанная в Будапеште 23 ноября 2001 года¹, помимо изложения основных понятий не предлагает четких путей решения проблем, связанных с набирающей обороты преступностью в виртуальном пространстве. Вместе с тем, даже те страны, что ратифицировали данный международный акт, так и не предприняли должных попыток к имплементации соответствующих норм с целью усовершенствовать свой национально-правовой механизм регулирования отношений по расследованию и борьбе с преступлениями в информационной среде, не говоря уже о том, что в последние годы усилия в сфере международного правотворчества по данному вопросу были минимальными².

Усовершенствование законодательства, а также правового механизма расследования и доказывания по делам о киберпреступлениях на отечественном уровне, равно как и на международном, требует в первую очередь сотрудничества всех развитых и развивающихся стран в борьбе с глобальной угрозой, возникшей во второй половине прошлого столетия. Как уже частично указывалось ранее, достижение указанных целей возможно, посредством создания единых реестров и поисковых систем учета киберпреступлений; повышения уровня правосознания в сфере кибербезопасности у должностных лиц правоохранительных органов, в частности, путем разработки специальной программы повышения квалификации соответствующих субъектов по расследованию киберпреступлений; обновления технических возможностей криминалистических лабораторий, специализирующихся в области расследования преступлений, связанных с использованием информационных технологий.

УДК 343.9

М.О. БЕЛЕВА

научный руководитель
профессор **Н.А. ДАНИЛОВА**

ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТА ПОЛУЧЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ВЗЯТКИ В ВИДЕ НЕЗАКОННОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА

Неоспорим тот факт, что такое преступление, как получение взятки (ст. 290 УК РФ) является сложным с точки зрения доказывания факта его совершения, что обусловлено серьезной подготовкой взяткодателя и взяткополучателя к передаче взятки, совершением преступления в отсутствие свидетелей, выбором сложных способов передачи взятки должностному лицу, совершением действий по сокрытию следов преступления и др.

¹ Текст документа: Convention on Cybercrime. URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/185> (дата обращения: 09.11.2019)

² Тропина Т. Л. Борьба с киберпреступностью: возможна ли разработка универсального механизма? / М.: Институт права и публичной политики, 2012. С. 90.

Согласно п.9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» предметом взяточничества наряду с деньгами, ценными бумагами, иным имуществом могут выступать незаконное как оказание услуг имущественного характера, так и предоставление имущественных прав. Под незаконным оказанием услуг имущественного характера, как указано в упомянутом постановлении, следует понимать предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, в том числе освобождение его от имущественных обязательств (например, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования и др.)¹.

На основании разъяснения высшей судебной инстанции можно прийти к выводу, что предметом взятки в виде незаконного оказания услуг имущественного характера может выступать: освобождение от имущественных обязательств, оказание услуг или выполнение работ в пользу взяткополучателя или иного лица, если должностное лицо, его родные или близкие извлекают из этого имущественную выгоду². Однако, как показывают результаты анализа судебно-следственной практики, доказывание факта передачи взятки в виде услуги (работы) представляет еще большую трудность, чем факт передачи денежных средств, ценных бумаг, иного имущества. В первую очередь это обусловлено тем, что обнаружить предмет взятки, зафиксировать его зачастую представляется невозможным; если по итогам выполнения работы предполагается создание какого-либо материального объекта, то в случае оказания должностному лицу услуги, материальный объект не создается; факт оказания услуги (выполнения работы) в пользу должностного лица зачастую нигде не фиксируется, а если и находит отражение в документах, то виновными предпринимаются меры по сокрытию следов преступления (например, составляются расписки о якобы получении исполнителем услуги (работы) оплаты от взяткополучателя).

В юридической литературе отмечается, что при расследовании преступления, предусмотренного ст.290 УК РФ, в случае, если предметом взятки являлась услуга имущественного характера, должны быть установлены следующие обстоятельства: каков объект услуги или работы, как документально оформлен заказ и исполнение работы, кто исполнитель, время и место исполнения, на какие средства выполнены работы, оказаны услуги, иные обстоятельства, связанные с исполнением. Также должна быть определена стоимость предмета взятки, которая устанавливается по показаниям лиц, имевших отношение к его приобретению или оценке; на основании цен на услуги, сложившихся в данной местности на момент совершения преступления; либо на основании заключения эксперта³.

Так, по одному из уголовных дел судом был вынесен приговор, согласно которому Д. осужден за получение от директора ООО «А.» взятки в виде выполнения работ по строительству двух коттеджей, впоследствии оформленных на родственников Д. Сторона защиты в суде настаивала на том, что работы со стороны директо-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

² Любавина М. А. Комментарий к постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 9 июля 2013 года № 24. СПб., 2014. С.25.

³ Противодействие коррупции : прокурорский надзор, уголовно-правовая характеристика, уголовное преследование / Т.А. Васильева, Н.П. Дудин, Г.В. Дыгченко и др.; науч. ред. Н.П. Дудин. СПб., 2009. С. 595.

ра ООО «А.» в пользу должностного лица не являются предметом взятки, поскольку они выполнены с целью погашения долга, образовавшегося у ООО «А.» перед ООО «К.», директором которого является родственник Д.

Тем не менее, вина Д. в получении взятки была установлена судом на основании комплексного анализа следующих доказательств:

показаний взяткодателя - директора ООО «А.», который указывал на факт вымогательства Д. взятки, а также на факт выполнения ООО «А.» в интересах взяткополучателя строительных работ в качестве предмета взятки;

протокола осмотра места происшествия и фототаблицы к нему, подтверждающих факт строительства двух коттеджей, построенных на огороженном земельном участке;

приобщенной к материалам уголовного дела выписки из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество, согласно которой построенные помещения зарегистрированы на сына и дочь Д.;

приобщенных к материалам уголовного дела документов, изъятых в ходе выемки у ООО «А.», на основании анализа которых установлено, что какого-либо договора на проведение строительных работ между взяткодателем и взяткополучателем не составлялось, отсутствовали документы, подтверждающие оплату строительных работ ООО «А.» со стороны взяткополучателя или лиц, на которых зарегистрировано право собственности на данные помещения;

приобщенных к материалам уголовного дела документов, изъятых в ходе выемки у ООО «К.»: бухгалтерских документов, в которых содержались сведения о наличии невыплаченной задолженности со стороны ООО «А.»; договоры между юридическими лицами, подтверждающие, что ООО «К.» оказывало ООО «А.» услуги по оформлению иностранным гражданам документов, необходимых для осуществления трудовой деятельности на территории Российской Федерации;

показаний свидетелей (работников ООО «А.»);

заключения строительно-технической экспертизы, на основании которой определена стоимость выполненных работ по строительству коттеджей, которая является несоразмерно высокой по отношению к сумме задолженности ООО «А.» перед ООО «К.»¹.

Приведенный пример достаточно наглядно свидетельствует не только о сложности расследования данного вида преступления, даже при условии признания вины взяткодателем, но и о необходимости исследования значительного числа доказательств, прямо или косвенно подтверждающих факт получения должностным лицом взятки в виде услуги (работы) и опровергающих доводы стороны защиты о правомерности действий должностного лица.

На основании изложенного полагаем целесообразным сформулировать примерный перечень доказательств, по результатам изучения которых представляется возможным установить факт получения должностным лицом взятки в виде услуги (работы):

протокол осмотра местности, помещения, где находится материальный объект – результат работы, выполненной в пользу взяткополучателя;

протокол осмотра материального объекта - результата работы, выполненной в пользу взяткополучателя;

протоколы выемки документов, свидетельствующих о выполнении в пользу взяткополучателя работы, оказании ему услуги (например, договор на выполнение работы (оказание услуги)); документов, в которых отражаются сведения об испол-

¹ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 48-АПУ15-17 [Электронный ресурс] Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»

нителе, времени, месте выполнения услуги (работы), о ее стоимости; документов, в которых содержатся сведения о лице, оплатившем работу (услугу); указанные документы, приобщенные к материалам уголовного дела;

протоколы выемки финансовых документов, подтверждающих выдачу или перечисление со счетов взяткодателя денежных средств для оплаты услуг (работ), выполненных в пользу взяткополучателя; указанные документы, приобщенные к материалам уголовного дела;

протоколы выемки документов, в которых содержатся сведения о размере заработной платы должностного лица (на основании изучения которых представляется возможным установить факт выполнения в пользу взяткополучателя работы (услуги), стоимость которой превышает размер его заработной платы); указанные документы, приобщенные к материалам уголовного дела;

показания взяткополучателя, взяткодателя, пособника во взяточничестве, лица, непосредственно выполнившего работу (услугу) в пользу должностного лица, иных свидетелей;

заключения экспертов по установлению стоимости услуги (работы); показания экспертов;

материалы оперативно-розыскной деятельности.

Приведенный перечень доказательств является примерным и не носит исчерпывающий и универсальный характер. Особенности доказывания факта передачи взяткополучателю предмета взятки в виде услуги (работы) будет зависеть от особенностей совершения каждого конкретного преступления и следов, оставленных после его совершения.

УДК 343.13

А.А. БОЯРИНЦЕВ

научный руководитель
профессор **В.С. ШАДРИН**

ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА, ПРИВЛЕКАЕМОГО К УЧАСТИЮ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ В ОТНОШЕНИИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Федеральным законом от 30.10.2018 № 376-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» УПК РФ дополнен положениями, определяющими правовой статус лица, уголовное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением досудебного соглашения о сотрудничестве, а также особенности правового регулирования его участия в процессуальных действиях, проводимых по уголовному делу в отношении соучастников преступления.

Необходимость такого регулирования возникла в связи с особым - дуалистическим характером статуса соучастника преступления, одновременно являющегося лицом, подвергнутым уголовному преследованию, но в то же время привлекаемым подобно свидетелю для дачи показаний, изобличающих иных лиц, совершивших преступление в соучастии с ним.

Несмотря на то, что судебное разбирательство в отношении лиц, являющихся соучастниками преступления, но в отношении которых уголовное дело выделено в отдельное производство, в рамках основного уголовного дела не проводится, возможность использования доказательств, полученных по выделенным делам, не утрачивается.

Поскольку вопрос о виновности такого лица в судебном процессе по основному уголовному делу не исследуется, оно должно допрашиваться только по вопросам, касающимся подсудимого по этому делу.

Отсюда возникает необходимость надлежащего обеспечения конституционных прав такого лица, и прежде всего его права на защиту от выдвинутого в отношении его соучастника обвинения, напрямую затрагивающего его права, в силу преюдициально предопределяющего исхода рассмотрения «будущего» уголовного дела в отношении него же.

Также лицо, являющееся обвиняемым (в том числе осужденным) по выделенному уголовному делу, не может при рассмотрении судом основного уголовного дела наделяться процессуальным статусом обвиняемого (подсудимого), а потому на него не распространяются правила допроса подсудимого.

В то же время, не будучи подсудимым по основному уголовному делу, такое лицо привлекается к участию в судебном заседании по этому делу для дачи показаний именно как обладатель сведений об обстоятельствах, имеющих значение для его расследования и разрешения. При этом, в отличие от свидетеля, не имеющего личной заинтересованности в исходе дела, такое лицо обладает своим четко выраженным процессуальным интересом.

Следовательно, обвиняемый по уголовному делу, выделенному в отдельное производство, при производстве допроса в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении лица, обвиняемого в совершении преступления в соучастии с ним, приобретает в процессе по основному делу некий специальный статус, который не может быть соотнесен в полной мере ни с правовым положением свидетеля, ни с правовым положением подсудимого. Соответственно, процессуальный статус такого лица в случае привлечения его для дачи показаний в судебном разбирательстве по основному уголовному делу - учитывая, что в судебной практике не сложилось единообразное понимание его правового положения в качестве участника этого судебного разбирательства, - требует интерпретации в контексте гарантируемых Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, вытекает из правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации об обусловленности их обеспечения наличием определенных сущностных признаков, а не одним лишь формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, но и фактическим положением данного лица, которое дает показания, не будучи по этому делу ни подсудимым, ни свидетелем¹.

На «смешанный» процессуальный статус такого лица указывает в своей статье В.С. Шадрин, именуя такого участника «свидетельствующий соучастник». В своей статье автор справедливо отмечает длительное существование на практике правила допроса обвиняемых, уголовное дело в отношении которых прекращено либо закончено вынесением обвинительного или оправдательного приговора, по делам их соучастников в инкриминированных им преступлениях, позволяющее учитывать права такого «особого» свидетеля.

---

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.07.2016 № 17-П «По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко»

Выходом из сложившегося казуса и стала разработка и принятие дополнений в УПК, регламентирующих процессуальный статус такого соучастника, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве.

Вместе с тем положения ст. 56.1 УПК РФ призваны регулировать лишь процессуальный статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, что является частным случаем использования в производстве по уголовному делу показаний соучастника преступления, уголовное преследование которого осуществляется в рамках иного производства.

Анализ правоприменительной практики, сформированной задолго до появления указанных новел, показывает, что подобным набором специфических свойств, определяющих дуалистическую природу лица, привлекаемого к производству по делу в отношении его соучастника, обладают все без исключения лица, поименованные в статье 33 УК РФ, уголовное преследование которых в рамках единого дела не осуществляется, а также тех лица, которые в силу формально-определенных признаков хотя и не являются подозреваемыми или обвиняемыми, однако фактически проверяются на причастность к расследуемому преступлению, а их показания используются при доказывании обвинения, выдвинутого в отношении их соучастниками по основному уголовному делу.

В этой связи, правовая позиция, сформулированная в указанном выше Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 20.07.2016 № 17-П, открывает для таких лиц «путь» к обретению самостоятельного процессуального статуса, закрепленного в соответствующей статье УПК РФ.

Подобными изъятиями обладает процессуальный статус лиц: в отношении которых ранее уголовное дело было выделено в отдельное производство для его завершения; в случае возобновления производства по уголовному делу в отношении обвиняемого, находившегося в розыске, когда уголовное дело в отношении его соучастников было передано в суд, или в отношении последних судом вынесен приговор; осужденные по групповому преступлению и т.д.

Некоторыми исследователями не без основательно высказывается определенный скепсис по поводу дополнения УПК РФ подобными «неклассическими» участниками уголовного судопроизводства. Так, по мнению В.С. Шадрина, представляется более правильным не заниматься умножением такого рода всё новых и новых участников уголовного судопроизводства и соответствующих новых статей с дублирующим описанием их процессуального статуса. Исходя из признания всех лиц, привлекаемых к участию в производстве следственных действий для получения показаний по уголовным делам в отношении соучастников (за пределами «своих» уголовных дел) свидетелями особой категории, желательно выделить им место в статье 56 УПК РФ «Свидетель», предусмотрев в отношении каждого из них условия дачи показаний, включая ответственность¹.

В дискуссии относительно особенностей процессуального положения столь данного участника уголовного судопроизводства приняли участие многие ученые-процессуалисты с изложением своей позиции по возникшим проблемным вопросам². Так, А.В. Победкин, анализируя особенности привлечения лица, уго-

¹ См.: Шадрин В.С. «Новый» участник уголовного судопроизводства – свидетельствующий соучастник // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 33-36.

² См.: Васильев О.Л. Новый участник уголовного процесса или видимость совершенствования Уголовно-процессуального кодекса РФ? // Уголовное судопроизводство. 2019. № 1. С. 37 – 41; Багаутдинов К.Ф. Некоторые вопросы процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при допросе в суде по уголовному делу в отношении его соучастников // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 40 – 44; Авдеев В.Н., Воскобойник И.О. Некоторые размышления относительно регламентации в ст. 56.1 УПК РФ процессуального статуса нового участника уголовного процесса // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 42 - 44, и др.

ловное дело в отношении которого выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, по основному делу в отношении соучастников преступления, предлагает ограничиться закреплением в ст. ст. 164 и 278 УПК РФ (или других статьях УПК РФ) правило, по которому такое допрашивается по уголовному делу в отношении соучастников преступления без предупреждения его об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний, не придавая ему какого-либо специального статуса¹.

Вместе с тем, проблемы, возникшие в результате конкуренции норм, регулирующих процессуальное положение таких лиц, участвующих в качестве обвиняемого по выделенному уголовному делу, и свидетельствующих по основному, до настоящего времени законодателем в полной мере не разрешены.

В частности, по делам о взяточничестве, где законодательно предусмотрена самостоятельная уголовно-правовая ответственность за дачу взятки, ее получение, а также посредничество в этом, участники «цепочки» передачи взятки не являются в подлинном смысле соучастниками преступления. Это следует из положения статьи 32 УК РФ, определяющей их как лиц, совместно участвующих в совершении единого умышленного преступления.

Схожесть привлечения таких лиц к участию в процессуальных действиях в отношении иных участников коррупционной схемы не вызывает сомнений. Данные участники, как и в ранее исследованном случае одновременно наделяются статусом обвиняемого по своему уголовному делу и статусом свидетеля по уголовному делу о преступлении иного участника. При этом, в случае с посредничеством во взяточничестве, где законодателем установлена уголовная ответственность лишь в случае, когда размер взятки является значительным, лицо, выступившее посредником в передаче взятки, размер которой не образует такового, может и не подлежать уголовной ответственности.

На практике не редки случаи производства допроса таких лиц по основному уголовному делу в качестве участника уголовного процесса, располагающего сведениями об обстоятельствах совершения преступления подсудимыми по основному уголовному делу и вызванного по ходатайству стороны обвинения, по аналогии с процедурой заслушивания показаний свидетелей, но с учетом особенностей правового положения лица, являющегося обвиняемым по выделенному уголовному делу, а равно осужденному по такому обвинению. Отметим, что, как и в случае с лицом, заключившим досудебное соглашение о сотрудничестве, подобная необходимость не превращает таких лиц в свидетеля в собственном смысле этого слова.

Предоставление лицу, дающему показания в судебном заседании по основному уголовному делу в отношении другого лица, обвиняемого в соучастии в том же преступлении, возможности в целях своей защиты отказаться от дачи показаний без наступления для него последствий, указанных в ст. 307 УК РФ, должна стать гарантией реализации права такого лица на защиту. В этой связи представляется необходимым выработка законодателем универсальных форм привлечения лиц для производства процессуальных действий в отношении соучастников преступления по уголовным делам, выделенным в отдельное производство. В конечном итоге более четкая законодательная регламентация производства по уголовному делу будет более способствовать как реализации уголовного преследования, так и обеспечению законности в уголовном судопроизводстве².

¹ Победкин А.В. Ни обвиняемый, ни свидетель: создание «сущего без нужды» // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 47 - 54.

² Шадрин В.С. Современные особенности реализации прокурором функции уголовного преследования в досудебном производстве // Криминалистика. 2015. № 1 (16). С. 23.

**ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ПРОЦЕДУРЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ
СУДЕБНОГО ШТРАФА В ПОРЯДКЕ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА
В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ¹ в уголовный процесс введено новое особое производство, регламентирующее освобождение от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. В соответствии со ст. 25¹ УПК РФ² суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в случаях, предусмотренных ст. 76² УК РФ³, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить этому лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

В научной литературе это нововведение было встречено неоднозначно.

Профессор Серебренникова А.В. критикует данную новеллу и утверждает: «Никакие соображения, связанные с гуманизацией и либерализацией, не освобождают от соблюдения требований здравого смысла. Освобождение от уголовной ответственности не может реализовываться посредством возложения на лицо мер уголовной ответственности в виде наказания»⁴. В то же время, профессор Давлетов А.А. считает, что прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа «должно стать привлекательным и востребованным на всех уровнях судопроизводства»⁵.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ количество прекращенных уголовных дел с назначением судебного штрафа в 2017 г. составило 20 692, а в 2018 г. – 33 329⁶. Как видно, институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа «набирает популярность». Но при этом регламентированный УПК РФ порядок досудебного производства по прекращению дела с назначением судебного штрафа имеет существенные недостатки.

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в УК РФ УПК РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // СЗ РФ. 2016. № 27. Ст. 4256.

² Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

³ Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Серебренникова А.В. Нужен ли нам мораторий на внесение изменений в УК РФ: постановка вопроса // Российский следователь. 2017. № 5. С. 35.

⁵ Давлетов А.А. Новое особое производство в уголовном процессе – прекращение уголовных дел с назначением судебного штрафа // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 3 (52). С. 168.

⁶ Сводные статистические сведения о состоянии судимости в РФ // URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572> (дата обращения: 03.10.2019).

В отличие от прежних оснований освобождения от уголовной ответственности прекращение уголовного дела с назначением судебного штрафа имеет специальную юридическую процедуру, закрепленную в гл. 51¹ УПК РФ. В то же время применение судебного штрафа возможно и в рамках общего производства. Таким образом, в настоящее время УПК РФ предусматривает 2 порядка прекращения уголовного дела с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа: а) по ходатайству следователя или дознавателя, которое представляет собой особое уголовно-процессуальное производство; б) по инициативе суда, когда уголовное дело прекращается в порядке общего производства.

Прекращение уголовного дела в общем порядке особых сложностей в практической реализации не имеет, т.к. и предварительное расследование, и судебное производство осуществляются в обычной процедуре, когда уголовное дело по завершении предварительного расследования с обвинительным заключением, обвинительным актом, обвинительным постановлением поступает в суд первой инстанции и рассматривается им в общей процедуре судебного разбирательства либо в порядке гл. 40 УПК РФ. Если в ходе такого движения дела и даже позже в суде второй инстанции заявляется ходатайство о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа, то суд при наличии необходимых предпосылок может принять данное решение. Именно таким образом вот уже много лет прекращаются уголовные дела в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием, возмещением ущерба.

Достоинством введения производства по прекращению дела с назначением судебного штрафа является наличие специальной процедуры, закрепленной в гл. 51.1 УПК РФ. Тем самым законодатель, продолжая дифференциацию современного уголовного процесса, выделил еще одно особое производство, направленное на более ускоренное и упрощенное разрешение уголовного дела. Однако содержащийся в нормах УПК РФ порядок данного производства не лишен недостатков, которые проявляются, прежде всего, в стадии предварительного расследования.

Согласно ч. 2 ст. 446² УПК РФ при установлении основания, предусмотренного ст. 25¹ УПК РФ следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель с согласия прокурора выносит постановление о возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа и направляет материалы в суд. Соответственно, можно полагать, что инициатором прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа является орган предварительного расследования. Однако это не согласуется с публичным характером деятельности следователя, который как участник стороны обвинения осуществляет функцию уголовного преследования, и потому заинтересован не в освобождении виновного от уголовной ответственности, а в его осуждении и уголовном наказании.

В освобождении от уголовной ответственности заинтересована сторона защиты – само уголовно преследуемое лицо и его адвокат-защитник. В некоторых случаях, когда прекращение дела связано с возмещением материального и морального вреда, в таком разрешении дела также заинтересован потерпевший. Неслучайно в ст. 25 УПК РФ инициатором освобождения лица от уголовной ответственности за примирением сторон назван потерпевший, от которого должно исходить заявление о прекращении уголовного дела¹.

---

¹ Давлетов А.А. Актуальные проблемы деятельности адвоката в уголовном процессе. Екатеринбург, 2018. С. 182-183.

По тем уголовным делам, в которых нет потерпевшего, вопрос о заглаживании вреда также решается самим уголовно преследуемым лицом, а не следователем или дознавателем. Подозреваемый, обвиняемый самостоятельно или с помощью защитника предпринимают меры по возмещению ущерба, причиненного преступлением (если такой ущерб определяется в денежной форме) либо совершает иные действия позитивного характера, которые могут быть расценены судом как заглаживание вреда (помощь благотворительным фондам, детским домам и т.д.).

Только после производства таких действий, причем оформленных документально, следователю передаются материалы, подтверждающие факт заглаживания вреда. Затем обвиняемый (подозреваемый) заявляет ходатайство о прекращении уголовного дела, и у органа предварительного расследования появляются необходимые условия для принятия решения о направлении материалов в суд для освобождения лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа.

Исходя из изложенного, целесообразно внести в УПК РФ дополнения, указывающие на совершение уголовно преследуемым лицом позитивных посткриминальных действий и заявлении им ходатайства о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа как исходных условий для начала производства об освобождении от уголовной ответственности. Такое уточнение позволяет решить еще на этапе досудебного производства проблему выбора одного компромиссного основания из нескольких. Чаще всего это конкуренция двух оснований – примирения сторон и назначения судебного штрафа.

Ясно, что для стороны защиты выгодно первое решение, а не второе, так как прекращение дела в связи с примирением сторон не влечет денежных затрат. Поэтому подозреваемый, обвиняемый, достигнув соглашения с потерпевшим, обращаются к следователю с просьбой прекратить уголовное дело по основанию, предусмотренному ст. 25 УПК РФ. В такой ситуации решающее слово остается за следователем.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 38, ст. 159 УПК РФ следователь разрешает заявленные по делу ходатайства по своему усмотрению, руководствуясь публичным интересом органа уголовного преследования. Кроме того, в стадии предварительного расследования следователь не возлагает на себя права освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию, т.к. это относится к исключительной компетенции органа правосудия. Поэтому следователь разъясняет стороне защиты, что он может начать процедуру прекращения дела лишь по основанию, предусмотренному ст. 25¹ УПК РФ, и предлагает обвиняемому и его защитнику заявить ходатайство о прекращении уголовного преследования по данному основанию, а не в связи с примирением сторон. Если же защита не согласна с таким вариантом и настаивает на прекращении уголовного дела за примирением сторон, то следователь отказывает в удовлетворении данного ходатайства, и разъясняет стороне защиты, что она может ходатайствовать о прекращении дела по указанному основанию перед судом при рассмотрении им дела в общем порядке.

В литературе по вопросу выбора следователем одного нереабилитирующего основания прекращения уголовного дела из нескольких высказаны иные мнения. Так, Рыжаков А.П. считает, что при наличии различных диспозитивных оснований прекращения уголовного преследования выбор такого основания относится к прерогативе правоприменителя¹.

Стельмах В.Ю. полагает, что «при одновременном наличии таких оснований прекращения уголовного преследования, как примирение сторон и деятельное

¹ Рыжаков А.П. Новое основание прекращения дела и последствия его введения // Уголовный процесс. 2016. № 10. С. 56.

раскаяние, с одной стороны, и применение судебного штрафа – с другой, следователь должен прекратить дело именно в связи с примирением сторон, либо деятельным раскаянием»¹.

Мы не разделяем данные точки зрения, так как они не соответствуют назначению следователя как государственно-властного лица, осуществляющего публичное уголовное преследование. Выбор между уголовной ответственностью и освобождением от нее – прерогатива суда, но не органа предварительного расследования, и потому следователь не правомочен возлагать на себя функцию правосудия. Кроме того, публичная направленность уголовного преследования ставит на первое место в деятельности следователя государственный, а не частный интерес уголовно преследуемого лица. Поэтому, выбирая между прекращением дела с назначением судебного штрафа и прекращением по иным основаниям, следователь должен избрать первый вариант. Именно в этом случае соблюдается баланс публичного и частного интересов, в соответствии с которым орган предварительного расследования отстаивает государственный интерес, а уголовно преследуемое лицо приобретает возможность освобождения от уголовной ответственности по решению суда.

Таким образом, для более эффективного применения судебного штрафа необходимо закрепить в УПК РФ нормы, регулирующие действия уголовно преследуемого лица и его защитника по заглаживанию вреда и обращению к следователю с ходатайством о прекращении дела по данному основанию.

УДК 343

О.А. ЗАЙЦЕВА

научный руководитель
профессор Н.А. ДАНИЛОВА

ХИЩЕНИЯ ГРУЗОВ ИЗ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ

В Российской Федерации, как и в других развитых странах, транспорт является важнейшей составной частью производственной и социальной инфраструктуры, имеющей тесные связи со всеми отраслями отечественной экономики. Важное место в транспортной системе занимают железные дороги, обеспечивающие 12% общего объема грузовых перевозок и 82% общего грузооборота, осуществляемого всеми видами транспорта.

Отличаясь от иных видов транспортировки грузов регулярностью движения в сочетании со значительными объемами, железнодорожный транспорт, по сути, является основным связующим звеном единой экономической системы страны. Железнодорожные грузовые перевозки играют важную роль в социально-экономическом развитии России, обеспечивая бесперебойное функционирование промышленного сектора, оборонно-промышленного комплекса, миллионов хозяйствующих субъектов, мобильность Вооруженных Сил РФ и, как следствие, обороноспособность, экономическую и национальную безопасность государства

¹ Стельмах В.Ю. Процессуальные аспекты прекращения уголовного преследования с назначением судебного штрафа // РЮЖ. 2018. № 6. С. 117-118.

в целом. Посредством использования разнообразных типов вагонов, полувагонов, хопперов, цистерн, платформ осуществляется доставка различных видов грузов (наливных, сыпучих, продукции металлургической, угольной, нефте- и газодобывающей промышленности, а также продукции стратегического значения, тяжелой подвижной техники, включая военную, взрывчатых и взрывоопасных веществ, щелочей, кислот, других опасных грузов, товаров народного потребления, и др.). Наряду с этим они обеспечивают внешнеэкономические связи России, а также получение значительных доходов от экспорта грузов и транзитных грузоперевозок.

Однако указанные преимущества делают железнодорожные грузоперевозки привлекательными для криминальной среды и, как следствие, наиболее уязвимыми. Прежде всего, речь идет о преступлениях против собственности, в том числе кражах грузов из подвижного состава, особенности подготовки, совершения и сокрытия которых обусловлены спецификой функционирования железнодорожного транспорта: значительной протяженностью маршрутов железных дорог; круглосуточным режимом работы практически во всех климатических зонах страны в любое время года в сочетании с регулярностью и ритмичностью грузоперевозок; разнообразием и многочисленностью различного рода операций, выполняемых в ходе погрузо-разгрузочных работ и перевозки грузов; сосредоточенностью на подвижном составе значительного объема и количества товарно-материальных ценностей, свободный доступ к которым имеет широкий круг лиц.

Ввиду указанных особенностей расследование краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта сопряжено со значительными сложностями, в частности, при установлении обстоятельств, входящих в предмет доказывания, например, места совершения преступления, которое, как правило, не совпадает с местом его обнаружения, что, в свою очередь, затрудняет установление времени совершения противоправного деяния и очевидцев происшедшего. Не менее значимо и то, что с момента совершения кражи до ее выявления зачастую проходит значительное время. Данное обстоятельство способствует уничтожению и повреждению следов преступления, что отрицательно сказывается на качестве и полноте доказательственной базы. Существенно осложняет расследование и тот факт, что в подавляющем большинстве случаев рассматриваемое преступление совершается группой лиц с участием работников железной дороги, располагающих сведениями о характере, ценности и охране перевозимых грузов, графике движения поездов, запорно-пломбировочных устройствах на вагонах, цистернах, контейнерах и возможностях несанкционированного проникновения к местам нахождения грузов.

Указанные обстоятельства не только негативно сказываются на эффективности предварительного расследования, но и порождают проблемы при поддержании государственного обвинения по уголовным делам о рассматриваемом преступлении. Об этом свидетельствуют как результаты анализа судебной практики и личный опыт работы автора в органах прокуратуры, так и результаты проведенного анкетирования прокуроров городов и районов, заместителей, старших помощников и помощников прокуроров городов и районов, участвующих в рассмотрении уголовных дел судами, проходивших обучение в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале) Университета прокуратуры Российской Федерации, согласно которым 83% респондентов неудовлетворительно оценивают качество предварительного расследования преступлений против собственности на железнодорожном транспорте, в том числе краж грузов из подвижного состава. Вследствие чего 91% респондентов отметили неполноту доказательств, которые прокурор может представить суду. В процессе судебного следствия не всегда нахо-

дят подтверждение такие обстоятельства как способ, место и время преступления, количество соучастников, их роль в подготовке, совершении и сокрытии преступления, размер причиненного ущерба и др. В результате отдельные эпизоды преступной деятельности остаются недоказанными, а противоправные действия подсудимых квалифицируются судом как преступление меньшей тяжести.

В связи с этим, огромную роль в деятельности государственного обвинителя играет подготовка к судебному разбирательству, основу которой составляет работа с материалами уголовного дела. Уголовные дела о краже грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта в большинстве своем многотомны в связи с чем, в случае непредставления следственным органом списка содержания томов уголовного дела, прокурору необходимо самому составить список материалов, с указанием, в каком томе расположены материалы уголовного дела, представляющие интерес, с целью определения порядка, очередности, тактики, объема доказательств, которые планируется представить суду. Работу с материалами уголовного дела о краже грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта следует организовать таким образом, чтобы государственный обвинитель изучил не только основные процессуальные документы, но и ознакомился со всеми без исключения документами и объектами, формирующими уголовное дело, в том числе с теми, которые могут показаться второстепенными. Используя полученные сведения о способе совершения преступления и обстоятельствах кражи, государственный обвинитель получает возможность последовательно изложить фактические обстоятельства совершенного преступления, их проанализировать, а при необходимости критически оценить достоверность доказательств обвинения и защиты, обоснованно предположить, в каких источниках может содержаться информация о совершенном преступлении, и использовать ее в процессе доказывания.

Как правило, кражи грузов, перевозимых железнодорожным транспортом, совершаются группой лиц по предварительному сговору, либо организованной группой. Системный подход к изучению материалов уголовного дела предоставит государственному обвинителю возможность акцентировать внимание как на доказательствах, которые позволят в последующем прогнозировать позицию подсудимых, так и на доказательствах, подтверждающих наличие указанного квалифицирующего признака. Наряду с этим прокурору целесообразно составить схему преступных связей, характеризующих механизм хищения. Такая схема в последующем позволит ему достаточно свободно ориентироваться в материалах уголовного дела, а также последовательно изложить фактические обстоятельства совершенного преступления в своей речи.

Таким образом, деятельность прокурора при подготовке к поддержанию государственного обвинения по уголовным делам о рассматриваемом преступлении направлена на изучение процесса и результатов познавательной деятельности следователя (дознателя), отраженных в определенном порядке систематизированных процессуальных и иных документах, предметах, которые имеют отношение к расследованию рассматриваемого преступления.

Наряду с этим необходимо отметить, что к числу причин, значительно затрудняющих поддержание государственного обвинения по уголовным делам о краже грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта, относится отсутствие адресованных государственному обвинителю научно обоснованных рекомендаций. Изложенное дает основание для вывода, что в настоящее время назрела необходимость углубленного, всестороннего и комплексного исследования проблем, возникающих при подготовке и поддержании государственного обвинения по уголовным делам о краже грузов с подвижного состава железнодорожного транспорта.

ТИПИЧНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ФССП РОССИИ, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Мысль об использовании информации о личности преступника в процессе производства предварительного следствия была взята из учений Гросса Г., который придерживался мнения, что «важным условием точной деятельности судебного следователя является основательное знание человека, как главного материала предварительного следствия»¹. Изучением личности преступника, с точки зрения криминалистики, занимались: Ахмедшин Р.Л., Тазин И.И., Хоменко А.Н., Якимов И.Н. и др.

Важность изучения данного структурного элемента криминалистической характеристики приобретает при расследовании преступлений, совершаемых отдельными специфическими субъектами. Характеристика личности сотрудника Федеральной службы судебных приставов Российской Федерации (далее – ФССП России), совершившего коррупционное преступление, является своего рода системообразующим элементом криминалистической характеристики, так как такие характерные признаки как: пол, возраст, образование, должностное положение, психологические качества вполне могут обуславливать сферу совершения преступления, способ подготовки, совершения и сокрытия, а также выбор преступного посягательства, а в зависимости от ситуации, выбор личности взяткодателя (потерпевшего). Данный вывод сделан исходя из того, что совершение коррупционного преступления невозможно без использования сотрудником ФССП России своего должностного положения и полномочий. Кроме всего вышеизложенного можно также отметить то, что отличительные черты и качества, которыми обладают сотрудники ФССП России могут иметь крайне важную, а иногда решающую роль на стадии предварительного следствия.²

Специфика деятельности сотрудников ФССП России заключается в том, что из-за необходимости выполнения определенных задач, поставленных перед ними законом, данным должностным лицам необходимо ежедневно общаться с различными категориями граждан (должниками и взыскателями), которые, в свою очередь, обладают различными чертами характера, уровнем воспитания и уважения к представителю власти, при этом не стоит забывать об ответственности, которая возлагается на сотрудника ФССП России за принятие им того или иного решения; сюда же можно добавить: большой объем работы (в среднем у одного судебного пристава-исполнителя 1,5 – 2 тысячи исполнительных производств), ненормированный рабочий день, отсутствие престижа службы, недостатки в управлении личным составом, низкий уровень оплаты труда – именно эти особенности службы ФССП России постепенно приводят к профессиональной деформации личности сотрудника ФССП России, являющиеся результатом негативных условий служебной деятельности. На наш взгляд, помимо вышеперечисленных фактов, наличие

¹ Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики // под ред. Крылова В.В. М.: ЛексЭст, 2002. С. 41-42.

² Ануфриева Е.А. Особенности методики предварительного расследования и судебного разбирательства по делам о коррупционных преступлениях, совершаемых сотрудниками ОВД: монография. Новосибирск, 2014. С. 91.

властных полномочий у некоторых сотрудников ФССП России, также может послужить основанием для чрезмерного и необоснованного использования таких прав в личных корыстных целях.

Мы считаем, что для выявления типичных свойств личности подлежат изучению следующие данные:

характеристика социально-демографических свойств личности (пол, возраст, семейное положение, уровень образования);

сведения, характеризующие профессиональную деятельность сотрудников ФССП России (стаж работы, занимаемая должность);

сведения о личности коррумпированного сотрудника ФССП России, характеризующие его преступную деятельность (совершение преступления в одиночку, в соучастии с лицами одного должностного положения или разного, с лицами не являющимися сотрудниками ФССП России).

В процессе изучения 32 обвинительных заключений по уголовным делам Брянской, Новосибирской областей, Краснодарского края и г. Москвы нами были получены следующие результаты:

более чем по 80 % уголовных дел, преступления совершались женщинами, остальной процент мужчины;

из числа рассмотренных обвинительных заключений сделан вывод, что средний возраст сотрудников ФССП России от 30 до 40 лет (более реже до 25 лет, и после 45 лет). На наш взгляд, молодые сотрудники до 25 лет не предпринимают никаких попыток к совершению противоправных деяний из-за: непродолжительного срока пребывания на государственной службе, неопытности, возможно, отсутствия нужных связей. В ходе осуществления деятельности сотрудник ФССП России постепенно набирается опыта, изучает систему, рабочую обстановку, контингент лиц, с которыми приходится работать, тем самым начинает видеть возможные лазейки и способы, совершения незаконной деятельности, незаметной для руководства и иных лиц. Также длительный период нахождения в должности позволяет сотруднику обзавестись необходимыми «связями» в различных государственных органах, что иногда может позволить облегчить процесс совершения или сокрытия преступления;

в 100 % случаев сотрудники ФССП России имеют высшее образование (судебные приставы-исполнители, специалисты-эксперты (дознаватели или по ведению депозитного счета)), исключение составляют специалисты-эксперты (делопроизводители) и судебные приставы по обеспечению установленного порядка деятельности судов;

информация о семейном положении исследуемой категории должных лиц говорит о том, что это, как правило, лица, состоящие в законном браке, имеющие детей на попечении. То есть, исходя из имеющихся данных, личность сотрудника ФССП России – это примерный семьянин, имеющий высшее образование, устоявшуюся психику и отдающий отчет своим действиям;

исследование следственной практики показало, что коррупционные преступления сотрудниками ФССП России чаще всего совершаются в одиночку, реже – в соучастии с коллегами или лицами, не имеющими отношение к службе в ФССП России. При совершении коррупционных преступлений с участием нескольких сотрудников ФССП России, из материалов следственной практики следует, что соучастниками могут быть как лица одного должностного положения, например, несколько судебных приставов-исполнителей, так и руководящий состав.

Например, Л.С.В., временно исполняя обязанности начальника отдела – старшего судебного пристава городского районного отдела судебных приставов УФССП России по Краснодарскому краю, вступил в преступный сговор с К.П.А., который вре-

менно состоял в должности заместителя начальника отдела – заместителя старшего судебного пристава того же городского отдела. К.П.А. по устному указанию Л.С.В. было изучено исполнительное производство, возбужденное в отношении М*на о взыскании с последнего задолженности на сумму 29 560 000 рублей. О результатах К.П.А. доложил Л.С.В., после чего Л.С.В. предложил К.П.А. вступить в преступный сговор с целью получения взятки лично от должника М*на в сумме 400 000 рублей. Далее К.П.А. и Л.С.В. находясь в служебном кабинете Л.С.В., осознавая неправомерный характер планируемых к совершению ими действий, достигли согласованности относительно преступного умысла, обусловленного корыстным стремлением в получении взятки, определили цели, конкретные способы их достижения и распределили между собой преступные роли. Согласно ранее оговоренному плану роль Л.С.В. заключалась в том, что он должен был в ходе личной встречи с должником, предложить последнему передать денежные средства в сумме 400 000 рублей, за отсрочку на максимально возможный срок передачи на оценку имущества последнего. То есть роль Л.С.В. заключалась в определении суммы взятки и распределении денежных средств между участниками преступной группы, с дальнейшей дачей указания судебному приставу-исполнителю, у которого в производстве находилось исполнительное производство в отношении должника, о максимальной отсрочке по передачи имущества должника на оценку. Преступная роль К.П.А. заключалась в установлении контакта с М*ном, вхождении к последнему в доверие, требовании взятки с дальнейшим ее получением и передачей Л.С.В. Таким образом, Л.С.В. и К.П.А. вступили в преступный сговор на совершение преступления группой лиц и заранее согласовали свои будущие противоправные действия, распределили между собой преступные роли, достигли совместного преступного умысла на получение взятки в виде денег в крупном размере¹.

Исследуя мотив совершения коррупционных преступлений, мы пришли к выводу, что таковым является корысть. Однако, на наш взгляд, утверждение о том, что основным мотивом совершения коррупционных преступлений является корысть – это неправильно. Так, в ходе изучения следственной практики, мы неоднократно сталкивались с тем, что сотрудники ФССП России совершали указанные преступления из-за желания «выслужиться» перед руководством, повысить свои рабочие показатели, стремления не испортить отношения с кем-либо, по указанию руководства, просьбе друзей или собственного пренебрежения своими полномочиями. Однако, в любом из указанных случаев корысть может выступать в качестве дополнительного мотива.

Следует отметить, что на практике перечисленные мотивы встречаются довольно часто, но в совокупности с другими, и, как правило, основным мотивом является корысть. Даже в случаях совершения коррупционного преступления в пользу иных лиц стоит учитывать, что должностное лицо, совершающее подобного рода преступление имеет личную заинтересованность.

Например, Ш.Е.В., являясь начальником одного из отделов судебных приставов Брянской области, в один из дней, действуя умышленно, из ложно понимаемых интересов службы, желая искусственно завысить показатели служебной деятельности возглавляемого ею подразделения УФССП РФ по Брянской области и создать видимость осуществления ею грамотного руководства вверенным подразделением по линии организации исполнительного производства, и, как следствие, заручиться поддержкой руководства УФССП Российской Федерации по Брянской области с

¹ См.: Обвинительное заключение по уголовному делу № 16217149 следственного отдела по г. Геленджик СУ СК России по Краснодарскому краю. По материалам Московской академии СК России.

целью дальнейшего получения выгод материального характера в виде установления надбавок к заработной плате в максимально возможном размере, а также получения мер материального стимулирования за высокие показатели служебной деятельности, решила, используя имеющиеся у нее в распоряжении сведения о лицах, трудоустроенных в различных организациях, совершать действия, явно выходящие за пределы ее должностных полномочий, а именно вносить в официальные документы заведомо ложные сведения, искажающие их действительное содержание – изготавливать решения КТС, якобы созданных в данных организациях, о взыскании с вышеуказанных юридических лиц заработной платы, якобы не выплачиваемой их сотрудникам, организуя впоследствии возбуждение на основании изготовленных ею подложных исполнительных документов исполнительных производств и вынесение на их основе незаконных решений¹.

Подводя итог всему вышеизложенному, можно составить определенный портрет коррумпированного сотрудника ФССП России. Это лицо средней возрастной группы, со стажем работы чаще всего не менее 5 лет, в большинстве случаев, занимающее должность подчиненного сотрудника. Как правило имеющего непосредственный контакт с потерпевшим или имеющего доступ к счетам и возможностями пользования этими счетами в любой момент. Данное лицо является примерным семьянином, родителем, имеет высшее образование. Хорошие отзывы руководства и коллег по работе, отсутствие судимостей.

Однако это неполный список тех черт, которые свойственны указанным лицам. Для более детального и полного портрета необходимо применять знания, полученные наукой «психология»; сведения, полученные в результате бесед именно с бывшими сотрудниками ФССП России, совершавших и осужденных за коррупционные преступления.

Наличие достаточных данных позволит сотрудникам органов предварительного следствия выявить и подобрать для себя наиболее эффективные способы и источники получения информации, которые в дальнейшем могут иметь доказательственное значение, направленное на доказывание факта совершения сотрудником ФССП России коррупционного преступления. А также предотвратить возможность оказания противодействия следствию от указанных лиц, и возможность спрогнозировать вероятностное поведение на этапе предварительного следствия.

УДК 343.131

Т.О. ЛАВРЕНТЬЕВА

научный руководитель
доцент О.А. МАКСИМОВ

«СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В настоящее время, современное общество рассматривает проявление справедливости как общечеловеческую ценность, которая охватывает все сферы общественной жизни. Справедливость отражает основные концепции о нравственных основах, которые позволяют создать демократическое и правовое государство.

¹ См.: Обвинительное заключение по уголовному делу № 37317 Брянского МСО СУ СК России по Брянской области. По материалам Московской академии СК России.

Определение правового принципа справедливости дается В. П. Нажимовым, который объясняет, что «справедливость» – это общая правовая необходимость разрешать вопросы дела согласно объективной истине, законом, правосознанием и собственной совестью, аргументируя принятые решения отчетливыми, неоспоримыми доводами и установленными по делу фактами¹.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод² в ст. 6 отражает право на справедливое судебное разбирательство. Каждый человек в случае возникновения спора о гражданских правах и обязанностях или при представлении ему уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом.

Справедливость в виде принципа нашла свое закрепление только в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее УК РФ)³, несмотря на то, что справедливость должна охватывать все отрасли законодательства РФ, в том числе также и отрасль уголовно-процессуального права. Можно ли утверждать, что, если «справедливость» не закреплена в виде принципа на законодательном уровне в уголовном судопроизводстве, значит она не имеет значения на практике?

Если рассматривать Уголовно-процессуальное законодательство, то стоит отметить, что до 2001 года в нем не были нормативно закреплены принципы уголовного судопроизводства. Позже, с принятием нового Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее УПК РФ)⁴ принципы уголовного судопроизводства нашли свое отражение во 2 главе. При этом следует подчеркнуть, что несмотря на отсутствие «справедливости» как принципа уголовного процесса, вся конструкция уголовно-процессуальных средств и институтов направляется на реализацию справедливого судебного разбирательства. «Процессуальная» справедливость – это решения, результаты, которые достигнуты благодаря правильному механизму функционирования закона. На всех стадиях уголовного судебного производства необходимо неукоснительно соблюдать права подозреваемого, обвиняемого и подсудимого.

УПК РФ, устанавливая границы реализации уголовного законодательства, определяет обязательные правила, в соответствии с которыми:

необходимо, чтобы приговор суда был законным, обоснованным и справедливым; приговор будет считаться законным, обоснованным и справедливым, если он выносится в соответствии с требованиями кодекса и основывается на правильном применении уголовного закона (ст. 297 УПК РФ);

несправедливость приговора выступает основанием для отмены или изменения приговора в апелляционном и кассационном порядках. Приговор будет признаваться несправедливым если по нему назначено наказание, которое не соответствует тяжести преступления, личности осужденного, либо наказание хотя и не выходит за пределы, предусмотренные соответствующей статьей Особенной части УК РФ, но по виду или размеру является несправедливым как вследствие чрезмерной мягкости, так и вследствие чрезмерной суровости (ст. 389.18 УПК РФ).

¹ Нажимов В. П. Справедливость как принцип правосудия и важнейшее свойство приговора в СССР // Принцип справедливости при осуществлении правосудия по уголовным делам: межвузовский тематический сб. науч. трудов. Калининград, 1989. С. 10.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2001. № 2.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 № 63 ФЗ (ред. от 10.08.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. ст. 2954.

⁴ Уголовно – процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ (ред. от 13.08.2019) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I). ст. 492.

Проверке судом кассационной инстанции подлежат жалобы и представления на несправедливость приговора по ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ в том случае, если такое решение суда явилось следствием ошибочного применения норм уголовного закона, включая положения статьи 60 УК РФ.¹

УПК РФ закрепляет определенный набор признаков уголовного процесса, с помощью которых можно раскрыть понятие справедливости. К примеру, принцип презумпции невиновности, закрепленный в статье 14 УПК РФ на сегодняшний день, является одним из вариантов выражения справедливости в уголовном процессе. Этот принцип выступает показателем новой российской государственности, поскольку в уголовном процессе Советской эпохи его значительность отрицалась.² Также справедливость имеет непосредственную взаимосвязь с законностью. Это мотивируется тем, что исключительно законные приговор, решение, действие могут быть справедливыми, но следует помнить, что справедливость и законность – это разные вещи: если законность – понятие исключительно правовое, то справедливость в свою очередь выражает еще и нравственные чувства, оценки. Справедливость также имеет связь с объективностью, т.е. с беспристрастностью.

Без сомнения, принять законное и обоснованное решение нельзя без справедливой оценки судьей, прокурором, следователем, дознавателем поступков и действий лиц, участвующих в уголовном процессе.

Стоит заметить, что реализация справедливости через равенство и свободу в уголовном судопроизводстве – это правовой императив. Обязательность осуществления данного принципа признается мировыми сообществами.

Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (далее Конституционный Суд) относительно сущности критериев справедливости российского судопроизводства имеют огромное значение. Производя проверку конституционности некоторых положений УПК РФ Конституционный Суд в своих решениях неоднократно применяет и использует такие понятия, как «принцип справедливости», «справедливое судебное разбирательство», «справедливая судебная защита», «справедливость судебных решений (судебных актов)». Таким образом, Конституционный Суд имеет ввиду справедливость как оценку конечного результата разрешения уголовно-правового спора, а также как совокупность процедурных требований к судебному разбирательству по уголовным делам.³

Проводя анализ конкретных примеров, можно увидеть какие разъяснения в отношении понимания справедливости уголовного процесса Конституционный Суд имеет ввиду.

Прежде всего, необходимо отметить, что ошибочное решение, принимаемое судом, в принципе, не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и поэтому необходимо его исправить.

Второе разъяснение заключается в том, что Конституционный Суд утверждает, что в рамках уголовного судопроизводства предполагается как минимум установление на основе проверенных доказательств обстоятельств происшествия, непосредственно связанных с возбуждением уголовного дела, истинностью правовой оценки, установлением конкретного вреда, который был причинен обществу и по-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС КонсультантПлюс.

² Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. М., 1960. С.154.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 уголовно-процессуального кодекса российской федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других», Постановление Конституционного Суда от 16.05.2007 №6 П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 уголовно-процессуального кодекса российской федерации в связи с запросом президиума курганского областного суда» // СПС КонсультантПлюс.

терпевшим, а также фактической степени вины лица в совершении общественно опасного деяния.¹

Позиции, которые приводит Конституционный Суд РФ в основном объясняют справедливость через призму объективной истины, благодаря которой суд обязан установить обстоятельства преступления, которые действительно имели место.

Рассматривая сформированное наднациональными органами (ЕСПЧ и др.) сущность права на справедливое судебное разбирательство, замечаем, что оно реализуется с помощью большого ряда процессуальных прав:

- 1) на доступ к правосудию;
- 2) на суд, который создается на основании закона;
- 3) на независимый и беспристрастный суд;
- 4) на равенство сторон;
- 5) на защиту;
- 6) на гласное судебное разбирательство;
- 7) на получение мотивированного судебного решения;
- 8) на обжалование судебного решения;
- 9) на окончательное и устойчивое судебное решение;
- 10) на исполнение судебного решения;
- 11) на рассмотрение дела в разумный срок.²

Справедливость носит основательный характер для уголовно-процессуального права. В ней сходятся в одно целое юридический «идеал» надлежащего уголовного судопроизводства и запрос общества на установления судом правды и истины. Также необходимо разуместь, что справедливость служит постулатом любого правомерного процессуального действия или решения, потому что является «началом начал» правильного понимания и применения закона.

На практике довольно часто в аналогичных условиях принимаются совершенно разные процессуальные решения. Это доказывает факт того, что индивидуальные обстоятельства, к которым можно отнести правовое сознание, социально-психологические условия труда, правовую психологию, индивидуальные качества, необходимые для профессии, личные ценностные ориентации, а также юридические знания, умения и навыки оказывают большое влияние на законность, обоснованность и справедливость судебного приговора.³

Анализ статистических данных, приведенных Судебным Департаментом при Верховном Суде РФ за первое полугодие 2019 г. показывает, что из вынесенных 212 576 приговоров, 2 411 приговоров были изменены или отменены вследствие именно их несправедливости. Это говорит о том, что категория справедливость воспринимается судьями неоднозначно, и самое главное, зачастую не всегда правильно.

В качестве примера можно исследовать дело, которое рассматривалось Верховным Судом Республики Крым 30 мая 2019 года. На судебном заседании было установлено, что приговором Белогорского районного суда Республики Крым Щербатюк М.А. осуждена по ч. 1 ст. 157 УК РФ за злостное уклонение от уплаты по решению суда средств в размере 1/3 части всех видов заработка и (дохода) ежемесячно, но не менее 30 % от прожиточного минимума, который установлен для ребенка соответствующего возраста до достижения совершеннолетия на содержание детей. Суд приходит к выводу назначить осужденной наказание в виде исправительных ра-

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // СПС КонсультантПлюс.

² Гимгина М.Е., Егоров К.И. Справедливость судебного разбирательства с позиций Европейского суда по правам человека // Российский юридический журнал. 2014. № 2. С. 55.

³ Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 1976. С. 42.

бот (как и положено за такое преступление). В данном случае судом не было учтено обстоятельство того, что осужденная имеет малолетнего ребенка. Принимая во внимание данный факт, суд апелляционной инстанции пришел к выводу, что назначение Щербатюк М.А. наказания в виде исправительных работ не отвечает требованиям ст. 6, 60 УК РФ и ч. 5 ст. 50 УК РФ. С учетом данных обстоятельств, а также принимая к сведению другие обстоятельства, смягчающие наказание, принятые судом первой инстанции, суд приходит к выводу, что приведенные обстоятельства целесообразно и необходимо признать исключительными. Таким образом, они позволят назначить осужденной более мягкий вид наказания - штраф.¹ Этот наглядный пример демонстрирует один из фактов нарушения справедливости и это далеко не единичный случай.

Рассмотрев данный пример, можно сделать вывод, что в настоящее время на практике встречаются случаи, когда судами допускаются существенные нарушения уголовно-процессуального закона в форме нарушения процедуры судопроизводства, которые лишают или ограничивают права участников судебного разбирательства. Эти обстоятельства имеют определяющую роль при вынесении законного, справедливого, а также обоснованного судебного решения.

Справедливо вынесенный судом приговор – это в первую очередь «идеал», к которому нужно стремиться. Тогда встает вопрос: на каких аспектах основывается справедливость в уголовном судопроизводстве? В конечном итоге, вынесенный приговор должен обладать следующими признаками:

- 1) судье необходимо в полном объеме устанавливать фактические обстоятельства дела и данные, характеризующие личность обвиняемого, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и другие сведения, которые в дальнейшем в общей сложности будут учитываться при назначении наказания;
- 2) назначаемое наказание должно быть максимально соразмерно степени общественной опасности и тяжести совершенного деяния;
- 3) вынесенный приговор обязан полностью или частично учитывать интересы потерпевшей стороны, иначе говоря, назначаемое наказание должно породить у потерпевшего чувство неизбежности наказания и справедливости;
- 4) виновное лицо должно признавать себя виновным и полагать, что заслуживает наказания, которое назначается судом;
- 5) другие участники уголовного судопроизводства (адвокат, следователь, законный представитель), а также общество должны быть удовлетворены вынесенным приговором.²

Понятие справедливости имеет непосредственную связь с истиной и правдой. Без истины невозможно установить справедливость, поскольку, установив истину, можно разрешить дело, по существу, а также правильно проанализировать и оценить доказательства в суде, и убедить присутствующих в безошибочности решения.

Подводя итог, следует отметить, что каждая отрасль, институт и норма должны сопровождаться справедливостью. Рассматривая уголовный процесс, нужно иметь в виду, что он призван восстанавливать нарушенные общественные отношения, а также предполагать ограничение наиболее существенных прав и свобод человека.

В конечном итоге, справедливость должна выступать средством разрешения общественных конфликтов, урегулирования спорных вопросов, удовлетворения сторон при вынесении решения, соблюдения всех правил судопроизводства и таким образом, она позволит достигнуть этих целей наиболее оптимальным образом.

¹ Судебные и нормативные акты РФ. Апелляционное постановление № 22-1278/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 22-1278/2019 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

² Юнусов, А.А. Сущность категории «справедливость» теории российского права / А.А Юнусов, М.В. Водопьянова, Юнусов С.А. // История полиции Орловской области (к 300 летию российской полиции). 2018. С. 157.

ЗАДАЧИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СВЕДУЩИХ ЛИЦ К УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Несовершеннолетие одного из участников уголовного судопроизводства зачастую является усложняющим ход расследования фактором, поскольку возрастные особенности несовершеннолетних по своей сути являются особенностями психическими. По замыслу законодателя свойственные исключительно уголовному процессу с участием несовершеннолетних сведущие лица (педагог, психолог) обладают специальными знаниями о психике несовершеннолетних и призваны данные особенности компенсировать. Тем не менее, специфика уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних не ограничивается привлечением только вышеуказанных лиц.

На производство по делу способны оказывать влияние и другие особенности несовершеннолетних. Принадлежность несовершеннолетних к субкультурам и использование молодежного сленга (в частности, компьютерного) объективно требуют применения специальных лингвистических и культурологических знаний. Немалое количество преступлений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности, совершается несовершеннолетними, что также обуславливает необходимость привлечения сведущих лиц иных компетенций (переводчиков, религиоведов и др.). Кроме того, в современном мире среди молодежи все более популярным становится осуществлять выбор гендерной принадлежности, что может потребовать привлечения сексолога (особенно по делам о преступлениях против половой неприкосновенности).

Как отмечает С.П. Щерба¹, дознаватели органов дознания России не в состоянии обеспечить максимальную индивидуализацию уголовного процесса по делам несовершеннолетних вследствие ряда причин. Кроме того, на досудебной стадии уголовного судопроизводства перед следователем могут встать такие задачи, которые он не сможет эффективно решить в рамках своей компетенции. Сказанное свидетельствует о необходимости привлечения к уголовному процессу с участием несовершеннолетних различных сведущих лиц. В качестве таковых выступают: «эксперт», «специалист», «педагог», «переводчик».

Для всех задач привлечения сведущих лиц является релевантной их классификация по тому результату, который должен быть достигнут в ходе их реализации; таковыми являются задачи идентификационные и диагностические. Также автор предполагает, что имеется основание выделять группы компенсационных и организационных задач; основания выделения указанных категорий будут приведены ниже.

Разрешение идентификационной задачи всегда связано с определением групповой принадлежности исследуемого объекта, которое осуществляется в ключе исследования общих признаков, являющихся свойственными для всех объектов этой группы. Круг идентификационных задач, разрешать которые необходимо

¹ Щерба С.П. Реализация в уголовном процессе России и Казахстана общепризнанных принципов и норм международного права по делам несовершеннолетних // Проблемы усиления гарантий прав участников уголовного процесса. Материалы международной научно-практической конференции. г. Алматы, 2003 г. С. 72 – 77

в рамках производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних, не представляется обширным: такими задачами могут выступать, в частности, установление факта принадлежности почерка конкретному несовершеннолетнему (но не являющемуся малолетним) лицу, проводимое в рамках экспертизы рукописного текста.

Диагностическими задачами являются задачи, касающиеся определения свойств и состояния объекта исследования, установления отклонений от определенных характеристик нормативов. Диагностические задачи могут решаться как при непосредственном исследовании объекта (предмета или человека), так и по его отображениям (следам)¹. Применительно к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних таковыми могут выступать, в частности, определение идеологической составляющей продукта речевой деятельности и выявление особенностей религиозного дискурса, установление диалекта при проведении фоноскопической экспертизы, выявление психических патологий и особенностей при проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Хотя указанное выше основание классификации в большей мере применимо к задачам экспертных исследований, сведущие лица иных категорий (специалисты и участвующие в процессуальных действиях педагоги и психологи) также могут, хотя и в меньшей степени, способствовать разрешению диагностических задач. В частности, участвующие в следственных действиях педагог и психолог в рамках внепроцессуального взаимодействия со следователем и экспертом могут изложить свои наблюдения об особенностях конкретного несовершеннолетнего лица либо предположить наличие определенной патологии; представляется, что имеет смысл фиксировать результаты взаимодействия педагогов и психологов с несовершеннолетними участниками процесса, и впоследствии учитывать их при производстве экспертных исследований.

Разграничение задач сведущих лиц в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних может быть проведено по тому основанию, какими особенностями несовершеннолетних обусловлена необходимость привлечения сведущего лица. Так, необходимость привлечения педагогов, психологов, психиатров, тифло- и сурдопереводчиков, сексологов обусловлена психофизиологическими особенностями несовершеннолетних; привлечение таких сведущих лиц, как лингвисты, религиоведы, культурологи, этнологи и переводчики обусловлено социальными характеристиками несовершеннолетних, которые имеют значение для следствия: это, в частности, политические взгляды, особенности языковой компетенции и использования языка, религиозные взгляды и принадлежность к религиозным течениям.

В свою очередь, для сведущих лиц, привлечение которых обусловлено возрастными особенностями несовершеннолетних, задачи могут быть классифицированы по таким основаниям, как форма применения специальных знаний, статус несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, а также по вышеупомянутому критерию результата, который должен быть достигнут впоследствии реализации задачи. Остановимся подробнее на каждом из оснований классификации.

Задачи сведущих лиц по форме применения специальных знаний, что следует из самого критерия для классификации, подразделяются на задачи экспертов, специалистов, а также задачи психологов и педагогов - участников следственных действий. Необходимо оговориться, что в научной литературе до сих пор отсутствует

---

¹ Энциклопедия судебной экспертизы / Под ред. Т.В. Аверьяновой, Е.Р. Россинской. - М.: Юристъ, 1999. С. 129

общепризнанный подход относительно процессуального статуса психолога и педагога, участвующих в следственных действиях; одна группа исследователей считает, что они обладают правовым статусом специалиста, другая наделяет психолога и педагога специфическим правовым статусом. Автор настоящего исследования не будет вдаваться в детали аргументации позиций каждой из групп исследователей, но будет исходить из того факта, что различаются как законодательно закрепленные задачи каждой из категорий сведущих лиц, так и объем их процессуальных прав, а потому психологи и педагоги, участвующие в процессуальных действиях, обладают особым правовым статусом.

Задачи сведущих лиц, привлекаемых к участию в уголовном судопроизводстве, варьируются и в зависимости от процессуального статуса несовершеннолетнего участника. Несомненно, существуют задачи, разрешать которые участвующим в следственном действии педагогу либо психологу необходимо независимо от того, является несовершеннолетний потерпевшим, свидетелем либо подозреваемым/обвиняемым, но большинство задач достаточно специфично для каждого вида процессуального статуса. Так, задачи педагога и психолога в отношении несовершеннолетнего обвиняемого, подозреваемого и потерпевшего - это, в первую очередь, содействие в установлении контакта, выявление особенностей личности несовершеннолетнего и иные. Такая задача, как активация памяти и недопущение искажения воспоминаний стоит перед сведущими лицами независимо оттого, каким процессуальным статусом обладает несовершеннолетний; тем не менее, данная задача первостепенна при проведении следственных действий с участием несовершеннолетних свидетелей¹.

Одним из приоритетных направлений деятельности правоприменителей в ходе досудебного производства по уголовному делу с участием несовершеннолетних считается защита прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших, соблюдение предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством правовых гарантий несовершеннолетних². Одной из наиболее важных задач является предотвращение психической ретравматизации. Реализация этой задачи представляется одной из приоритетных еще и потому, что ретравматизация может спровоцировать запуск механизма психической защиты в форме вытеснения значимой для оценки событий информации.

Также автору исследования представляется, что необходимо выделять такие группы задач сведущих лиц, как задачи компенсационные и организационные.

Компенсационной задачей надлежит считать ту, по результату реализации которой восполняется (компенсируется) какой-либо недостаток лица, препятствующий его полноценному участию в уголовном судопроизводстве. Это могут быть физические либо психические недостатки, а также недостаточное владение языком уголовного судопроизводства; таким образом, сведущими лицами, привлечение которых полностью обусловлено необходимостью реализации компенсационных задач, являются переводчики, тифло- и сурдопереводчики. Представляется справедливым, что отсутствие у несовершеннолетних опыта и свойственные им осо-

¹ См., например, Елагина Е.В. «участие педагога в допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего (ст.ст. 191, 280 УПК РФ), подозреваемого или обвиняемого (ч. 3 ст. 425 УПК РФ) // Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции / [Н. А. Васильчикова и др.] ; под ред. Г. В. Штадлера. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2018. — С. 163-164.— (Серия «В помощь прокурору» ; вып. 7).

² Приказ Генерального прокурора от 14 ноября 2017 года № 774 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав несовершеннолетних на досудебных стадиях уголовного судопроизводства».

бенности психофизиологического развития также требуют компенсации, а потому законодателем предусмотрены случаи обязательного участия педагога и психолога в следственных действиях.

Несмотря на то, что в доктрине имеются исследования, посвященные проблематике участия в уголовном судопроизводстве лиц, имеющих физические либо психические недостатки, остается малоисследованным вопрос участия в уголовном процессе несовершеннолетних лиц с указанными недостатками. Представляется, что задачи, которые предстоит разрешить при их участии, являются в первую очередь компенсационными и организационными, а круг привлекаемых сведущих лиц будет специфичен: помимо очевидной необходимости привлекать сведущих лиц, которые разрешали бы компенсационные задачи, а именно тифло- и сурдопереводчиков, лиц, изготавливающих материалы с использованием шрифта Брайля, целесообразным может быть привлечение дефектологов, а также врачей. Может возникнуть потребность в привлечении сведущих лиц, обладающих специальными знаниями о психологических механизмах влияния физических либо психических недостатков на полноту и достоверность показаний, а именно тифлопсихологов, сурдопсихологов и иных.

Разрешение следующей группы задач, а именно задач организационных, приобретает особое значение при несовершеннолетии участников уголовного судопроизводства; под организационными задачами, по мнению автора исследования, необходимо понимать обеспечение согласованности действий сведущих лиц и межведомственного взаимодействия, соблюдение очередности производства следственных действий, которая в наибольшей мере способствует реализации задач расследования, в том числе очередности производства экспертиз, разрешение вопроса о необходимости назначения комплексной экспертизы и вопроса о том, эксперты каких специальностей должны быть привлечены. В соответствии с традиционными для уголовного процесса представлениями, разрешение организационных вопросов находится в компетенции лица, осуществляющего расследование либо дознание. Вместе с тем при производстве по делам с участием несовершеннолетних даже для разрешения вопросов организации расследования могут потребоваться специальные знания.

Приведенное описание функций сведущих лиц и решаемых задач неизбежно поднимает вопрос об организации их взаимодействия как друг с другом, так и со следователем в рамках уголовного судопроизводства. В частности, несмотря на то, что такие сведущие лица, как педагог и психолог, известны российскому уголовному процессу более пятнадцати лет (а педагог был известен еще советскому уголовному процессу), исследования, в которых затрагивался бы вопрос координации взаимодействия данных сведущих лиц как со следователем, так и с иными сведущими лицами, практически отсутствуют. Представляется, что от данных сведущих лиц можно получить информацию о несовершеннолетнем участнике уголовного процесса, которая впоследствии могла бы быть учтена не только при проведении экспертных исследований (и в таком случае должен быть урегулирован вопрос об их процессуальном оформлении). Также автор полагает, что часть организационных задач могла бы быть разрешена с бо льшим успехом при использовании специальных знаний указанных сведущих лиц в гораздо бо льшем объеме; в частности, при обеспечении полноценного психологического сопровождения несовершеннолетнего¹ можно было бы получить информацию, имеющую значение для следствия.

---

¹ Ключева Н.В. Психологическое и организационно-правовое сопровождение несовершеннолетних детей, участвующих в следственных действиях // Прикладная юридическая психология, 2016, №2. С.

Проблемы обеспечения координации между сведущими лицами могут возникнуть и при необходимости привлечения переводчика. В частности, исследователь проблем участия переводчика в уголовном процессе И.И. Бунова приводит следующий пример¹. Во время проведения одного из допросов в ходе Нюрнбергского процесса Г. Геринг употребил фразеологизм «политика троянского коня», а переводчик, не зная его значения, только бормотал: «Какая-то лошадь? Какая-то лошадь?». В итоге процесс синхронного перевода был остановлен, переводчик был заменен на другого, владеющего информацией об исторических фактах. В данной ситуации незнание фразеологии и истории помешало правильно интерпретировать значение употребленного речевого оборота. Можно предположить, что применительно к несовершеннолетним участникам трудности перевода могут возникнуть при употреблении несовершеннолетними сленга и жаргонизмов, значение которых будет неизвестно переводчику. Разрешить данную проблему возможно посредством привлечения соответствующих сведущих лиц – лингвиста и культуролога, и обеспечения координации при проведении следственного действия.

Кроме того, представляется необходимым применение комплексного подхода как при реализации специальных знаний сведущими лицами, участие которых в производстве по делу обусловлено несовершеннолетием одного либо нескольких участников уголовного судопроизводства, так и при организации расследования. Подобный подход активно применяется в зарубежных странах. В частности, в Испании существуют специальные комиссии, включающие психологов, педагогов и социальных работников, которые по запросу прокурора составляют отчеты о несовершеннолетнем². Также представляется эффективным привлечение к уголовному судопроизводству сведущих лиц, обладающих сразу несколькими видами специальных знаний. Примером такого лица может служить медицинский психолог, который обладает специальными знаниями в области патопсихологии, медицины, при определенной специализации – дефектологии, сексологии, логопедии, при задействованности в производстве комплексных психолого-психиатрических экспертиз – юридической науки, судебной экспертизы, судебной и юридической психологии. Подобное комплексирование способствует снижению психологической нагрузки на несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства путем сокращения количества незнакомых ему взрослых участников процесса и времени проведения предварительного расследования в целом.

Таким образом, можно выделить целый круг задач привлечения сведущих лиц к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних: идентификационные, диагностические, компенсационные, организационные, связанные с психофизиологическими особенностями и социальными характеристиками несовершеннолетних, зависящие от формы применения специальных знаний и статуса несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства. Каждая из задач обладает своей спецификой и направлена на индивидуализацию уголовного процесса по делам несовершеннолетних, нейтрализацию возможного негативного влияния особенностей несовершеннолетних на ход уголовного судопроизводства. Поэтому представляется необходимой разработка вопроса об эффективной организации привлечения сведущих лиц к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних, что требует дальнейшего детального изучения.

¹ Бунова И.И. Особенности использования специальных знаний переводчиками в уголовном судопроизводстве (на примере Нюрнбергского процесса) // «Международное уголовное право и международная юстиция», 2018, № 5. С. 37.

² Зайцева Л.Л. Социальное и психологическое сопровождение правосудия по делам несовершеннолетних / Л.Л. Зайцева, О.В. Петрова // Совершенствование судебной системы в Республике Беларусь посредством развития специализации судов: сб. науч. тр. / редкол.: А.В. Барков (гл. ред.) [и др.]. Минск: «Четыре Четверти», 2013. С. 71 – 87

**ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА
СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Споры и дискуссии вокруг принципа состязательности сторон, механизма его реализации в национальном законодательстве являются одними из старейших в юридической науке и не утихают по сей день, несмотря на то, что тема эта, по выражению И.Н. Чеботаревой, «набила оскомину»¹. Чем же это объяснить? Прежде всего, тем, что состязательность и равенство сторон судебного процесса – одна из важнейших гарантий существования демократического общества и правового государства, которое стремится к благополучию всех своих членов, не взирая на пол, расу, национальность и другие характеристики, максимальной защите их прав, свобод и законных интересов.

Целью настоящей работы является выявление проблем реализации принципа состязательности в национальном уголовном процессе и предложение возможных мер к их разрешению. Для этого необходимо исследовать международную и национальную трактовки принципа состязательности, проанализировать тенденции российского уголовно-процессуального законодательства в этой области и выявить проблемы, возникающие как в досудебном, так и в судебном производстве.

Данная тема актуальна по ряду причин. Но, главным является вопрос: как же реализовать на практике данный общеправовой принцип?

Логично, прежде всего, обратится к международному регулированию принципа состязательности.

Согласно общей по своему характеру норме ст. 8 Всеобщей Декларации прав человека «каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом»². Согласно международным нормативным актам судебная защита является эффективной, когда она построена на принципе состязательности и равенстве сторон (ст. 6 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод³, п. 1 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах⁴).

Отдельное внимание исследуемому принципу уделяет Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ). Поскольку, он, являясь международным правоприменителем и рассматривая конкретные дела, учитывает специфику конкретных правовых систем различных государств.

¹ Чеботарева И.Н. Паритет обвинения и защиты в российском уголовном процессе // «Адвокатская практика». 2018. № 6. С. 37.

² «Всеобщая декларация прав человека» (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 05 апреля. № 67.

³ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собрание законодательства РФ. 08.01.2001. № 2. Ст. 163.

⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

Сравним понимание принципа состязательности, представляемое ЕСПЧ с российской доктриной и правоприменительной практикой.

Прежде всего, международное и национальное понимание расходится в трактовке составных элементов принципа состязательности. Согласно ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации, «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон»¹. Эти два момента поставлены на один уровень, как равнозначные. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) в ч. 1 ст. 15, определяя рассматриваемый принцип, вообще не упоминает о равноправии сторон. В ч. 4 указанной статьи сказано: «стороны обвинения и защиты равноправны перед судом».² То есть речь не идет о досудебном производстве. Такая трактовка в национальном праве противоречит пониманию принципа «equality of arms», что можно перевести как равенство сторон, выработанному ЕСПЧ, согласно которому равенство сторон распространяется и на досудебное производство³ (в отличие от «equality of arms», присущего англосаксонской прецедентной правовой семье). Принцип равенства сторон является гарантией справедливого судебного разбирательства и означает, что «каждой стороне должна быть предоставлена разумная возможность представить свое дело в условиях, которые не помещают его в существенно менее выгодное положение по отношению к его процессуальному противнику»⁴. Кроме того, трактовке ЕСПЧ больше отвечает соотношение состязательности и равноправия сторон как целого и части, что необходимо было отразить в Конституции РФ. В.М. Савицкий по этому поводу указывал, что в 1993 г., вводя новое, никогда ранее не использовавшееся понятие «состязательность», создатели Основного закона стремились просто обеспечить наличие сторон в суде, а глуже никто не заглядывал⁵.

Таким образом, в понимании ЕСПЧ состязательность (со своим элементом – равенством сторон) по факту отсутствует в УПК РФ.

Как мы выяснили, *de jure* принцип состязательности и его составная часть, «equality of arms», должны реализовываться, начиная с досудебного производства по уголовному делу. Что же мы имеем *de facto*? Мнения многих авторов в юридической литературе по этому вопросу можно выразить словами того же В.М. Савицкого: «Ни о каком фактическом или юридическом равенстве не может быть и речи, когда на одной стороне находится представитель государственной власти, предъявляющий суду доказательства виновности, а на другой – гражданин, чья судьба в буквальном смысле решается в результате судебного разбирательства»⁶.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 04.08.2014. № 31. Ст. 4398.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

³ Европейский суд при рассмотрении конкретных жалоб принимает во внимание различия, присущие типам национальных уголовных процессов. Далее термин «equality of arms» применяется именно в трактовке ЕСПЧ, то есть адаптировано к российскому уголовному процессу. См. пункты 32 - 35 Постановления Европейского суда по правам человека от 22 апреля 1992 г. «Видал против Бельгии (Vidal v. Belgium)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/12069355/12069355-012.htm>. Дата обращения: 05.10.2019.

⁴ Постановление Европейского суда по правам человека от 6 декабря 1988 г. Бербера, Мессере и Хабардо против Испании (Barbera, Messegue and Jabardo v. Spain) (жалоба № 10590/83) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: Лекции-очерки // под ред. В.М. Савицкого. М.: БЕК, 1997. С. 58 - 59.

⁶ Совесть Европы: 50 лет Европейскому суду по правам человека. - М.: Изд. Дом «ИРГА 5», 2012. С. 57.

Ю.А. Костанов называл сложившееся в УПК РФ соотношение полномочий сторон «обвинение, которое не освобождено от защиты»¹.

Анализируя действующий УПК РФ в контексте обозначенной выше проблемы, можно прийти к неутешительным выводам.

Во-первых, УПК устанавливает запрет на сосредоточение функций обвинения, защиты и разрешения дела в руках одного должностного лица или органа (ст. 15), и получаем, что следователь (дознатель) или прокурор собирают, исследуют и оценивают только доказательства, изобличающие вину лица. По поводу данного положения Конституционный Суд РФ ещё указал: «...обвинение может быть признано обоснованным только при условии, что все противостоящие ему обстоятельства дела объективно исследованы и опровергнуты стороной обвинения. Каких-либо положений, допускающих освобождение прокурора, следователя, дознавателя от выполнения этих обязанностей УПК РФ, в том числе оспариваемая депутатами Государственной Думы часть 2 его статьи 15, согласно которой функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела отделены друг от друга и не могут быть возложены на один и тот же орган или одно и то же должностное лицо, не содержит»². Данная позиция была забыта, и сторона обвинения просто освободила себя от «лишних» обязанностей. Таким образом, законодатель через нечеткие формулировки сам легализовал обвинительный уклон нашего уголовного процесса.

Следующая проблема кроется в процессе доказывания. Почему важно говорить об этом в контексте принципа состязательности? Как отмечала В.А. Лазарева, «представление о доказывании как деятельности по обоснованию какого-либо тезиса соответствует состязательному характеру судопроизводства, позволяет четко распределить процессуальные функции между участниками судебного разбирательства, обеспечить объективность и беспристрастность суда»³. Часть 3 ст. 86 УПК РФ наделяет защитника (здесь и далее под защитником мы будем понимать исключительно адвоката как наиболее квалифицированного представителя стороны защиты) полномочием «собирать доказательства путем: получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов...»⁴. Это почти точная калька с УПК РСФСР (ст. 51)⁵, и точно также из советского периода пришла совершенно не отвечающая принципу состязательности норма о том, что все эти предметы, документы, опросы становятся доказательствами не автоматически (как собранные следователем, дознавателем), а только в случае удовлетворения теми же следователем, дознавателем, а также судом, ходатайства защитника об этом.

Аналогично со свидетелями: со стороны обвинения они все допрашиваются и вызываются в суд повесткой, что дает в случае необходимости осуществить принудительный привод; защитник должен ходатайствовать перед следователем, дознавателем о допросе его свидетеля на стадии предварительного расследования, и

¹ Костанов Ю.А. Состязательность по УПК: принцип правосудия или камуфляж произвола // Уголовный процесс. май 2018. № 5. С. 86. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://e.uqgr.ru/637186?from=id2> (дата обращения: 05.10.2019)

² Постановление КС РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Сборник Законодательства РФ. 05.07.2004. № 27. Ст. 2804.

³ Лазарева В.А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России. – Самара, 2007. С. 35.

⁴ Там же

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 592.

перед судом о допросе в судебном заседании. Не говоря уже о том, что УПК РФ ни словом не обмолвился, как проводить адвокатский опрос, какую ответственность несут органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации, «которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии» за непредоставление ответа на адвокатский запрос. Только в 2016 году – спустя 15 лет после принятия УПК РФ – появились ст. 6.1 Закона об адвокатуре¹ и Приказ Минюста РФ², определившие порядок направления и сроки рассмотрения адвокатского запроса. Норма об ответственности за ее непредоставление была помещена в рамки ст. 5.39 КоАП РФ³.

Говоря о законных гарантиях полномочий защитника, в советском уголовном процессе (ст. 223 УПК РСФСР) существовала обязанность судьи при разрешении вопроса о назначении судебного заседания рассмотреть и удовлетворить все ходатайства защиты о вызове дополнительных свидетелей и истребовании других доказательств. На наш взгляд подобного рода обязанность надо возложить в первую очередь на следователя (дознателя), что важно именно на стадии предварительного расследования. Если уж заниматься исключительно доказыванием виновности лица, то надо хотя бы не препятствовать защитной функции.

Очевидно, что записанных в УПК РФ двух строчек п. 2 ч. 1 ст. 53 недостаточно, чтобы обеспечить паритет сторон на стадии предварительного расследования. Учитывая гигантские возможности следователя (дознателя), говорить о каком-то самостоятельном адвокатском расследовании в целях защиты не представляется возможным. При принятии УПК РФ были предложения о введении дополнительных специальных норм о действиях защитника в отношении доказательственной базы, которые были отвергнуты как избыточное правовое регулирование. То есть большая часть российских парламентариев считали, что общей нормы УПК РФ в этом отношении будет достаточно. Это ещё раз демонстрирует уровень глубины проработки принципа состязательности в то время. А последний и в Конституцию РФ, и в УПК РФ, видимо, был внесен просто, чтобы был. Теперь же отсутствие того самого «избыточного» регулирования привело к тому, что полномочия адвоката представлять доказательства сведено к нулю. Ни следователь (дознатель), ни суд не обязаны удовлетворять ходатайства защиты о приобщении документа к материалам дела, о вызове и допросе свидетеля, о назначении экспертизы и т. п. И что же это за право, которому не корреспондирует хоть чья-нибудь обязанность?

Необходимо отметить, что согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ, суд органом уголовного преследования не является. Это орган судебной власти, который, осуществляя правосудие по уголовным делам, отделен от сторон обвинения и защиты⁴. Суд обязан принимать меры по восстановлению процессуального паритета в случае

¹ Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

² Приказ Минюста России от 14.12.2016 № 288 (с изм. от 24.05.2017) «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.12.2016 № 44887) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.pravo.gov.ru> (Дата обращения: 05.10.2019)

³ Федеральный закон от 02.06.2016 № 160-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5.39 и 13.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.06.2016. № 23. Ст. 3284.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 14.01.2000 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.01.2000. № 5. Ст. 611.

неисполнения, ненадлежащего исполнения или злоупотребления своим правом какой-либо из сторон. Нельзя отрицать его право принятия решения об относимости доказательств, но делать это нужно, лишь исследовав их. Если же суд сам собирает и представляет доказательства, или отказывает одной из сторон в удовлетворении абсолютно всех ходатайств, то он, как отмечал Ю.А. Костанов, «становится, простите за каламбур, «на сторону стороны»¹, когда это происходит, то вряд ли суд станет на сторону защиты. «И тогда прощай, объективность, прощай, беспристрастность»².

Таким образом, на сегодняшний день, в уголовном процессе Российской Федерации налицо дисбаланс прав и возможностей обвинения и защиты, и преодоление его требует принятия масштабнейших мер, начиная с правильного понимания принципа состязательности законодателем, доктриной и практикой (опыт ЕСПЧ в помощь), и заканчивая конкретным закреплением в УПК РФ полномочий сторон уголовного процесса так, чтобы это отвечало действительной состязательности. Подобные изменения на данный момент с практической точки зрения и исходя из общественно-политической обстановки в стране, вряд ли возможны. Поэтому считаем необходимым предложить в двух вариантах следующие пути решения обозначенной проблемы («программа-максимум» и «программа-минимум»):

четко прописать в УПК обязанность следователя (дознателя) и прокурора собирать и приобщать к делу доказательства, не только вины, но и невинности подозреваемого (обвиняемого);

расширить сферу применения адвокатского запроса путем допуска адвоката к врачебной³, коммерческой и банковской тайнам. Порядок допуска прописать аналогично допуску к государственной тайне (ч.5 ст. 49 УПК РФ), внести изменения в соответствующие нормативные правовые акты;

обязать суд первой инстанции удовлетворять все ходатайства защитника об исследовании, приобщении к делу новых и (или) дополнительных доказательств, вызове свидетелей в суд. Как минимум, обязать суд выносить мотивированное постановление с указанием причин отклонения такого ходатайства;

обязать суд апелляционной инстанции удовлетворять все ходатайства защиты об исследовании доказательств, как исследованных, так и не исследованных судом первой инстанции. В крайнем случае, в отношении исследованных - также выносить мотивированное постановление по отклонению ходатайства защиты об их повторном исследовании;

в суде первой инстанции суд, прокурор, и защитник обязаны обращать внимание друг друга на допущенное нарушение прав обеих сторон.

Указанные меры определенно не решат проблему, но позволят минимизировать тот обвинительный уклон, благодаря которому судьи забыли, когда в последний раз выносили оправдательный приговор.

Необходимо понимать, что только факт наличия сторон в деле не есть состязательность, и уж тем более не «equality of arms», а «лишь условие для возможности судебного спора»⁴ и активно использовать международный опыт в этом вопросе.

¹ Костанов Ю.А. Указ. соч. – С 88.

² Там же – С 90.

³ КС РФ отмечал, что адвокат не лишен возможности получить составляющие врачебную тайну сведения об оказании медицинской помощи при условии предъявления в орган здравоохранения надлежаще оформленных документов, подтверждающих его полномочия как защитника определенного гражданина. См. Определение КС РФ от 19.06.2007 г. № 483-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Суханова Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 ч. 4 ст. 61 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан» // СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Гриненко А.В. Паритет прав сторон в досудебном уголовном процессе // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 36.

ИНЫЕ ОСНОВАНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПРЕПЯТСТВУЮЩЕЕ ПРЕКРАЩЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

При реализации порядка прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с назначением судебного штрафа суду, прежде чем принять законное и обоснованное решение, необходимо установить наличие или отсутствие обстоятельств, препятствующих применению ст. 25.1 УПК РФ. К таковым могут быть отнесены, в частности, следующие обстоятельства:¹

подозреваемый, обвиняемый не подтвердил в судебном заседании свое согласие на прекращение уголовного дела или уголовного преследования по данному основанию;

сведения об участии подозреваемого, обвиняемого в совершенном преступлении, изложенные в постановлении о возбуждении ходатайства о применении к нему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, не соответствуют фактическим обстоятельствам дела;

уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям, например, за отсутствием события или состава преступления, в связи с истечением срока давности уголовного преследования (пункт 2 части 5 статьи 446.2 УПК РФ).

Остановимся подробнее на иных основаниях прекращения уголовного дела (уголовного преследования), которые имеют определяющее значение по отношению к порядку, предусмотренному ст. 25.1 УПК РФ².

Законодатель использует достаточно общую формулировку «иные основания», вместе с тем, не ясно, что он имел в виду: все основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), предусмотренные УПК РФ, или какие-то конкретные (по которым прекращение уголовного дела очевидно, например, истечение сроков давности уголовного преследования, или возмещение ущерба по делам экономической направленности, в отличие от прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа).

Правоприменительная практика по этому вопросу разнородная, в случаях, когда необходимо применять такое основание прекращения уголовного дела как возмещение ущерба по делам экономической направленности, суд назначает судебный штраф.

Например, начальник отдела дознания Уссурийской таможни обратился в суд с ходатайством о применении судебного штрафа в отношении подозреваемого К., совершившего преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 194, п. «г» ч. 2 ст. 194 УК РФ (уклонение от уплаты таможенных платежей).

¹ В соответствии с п. 25.5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» [Электронный ресурс] URL: [http:// www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 15.07.19).

² Когда судья по результатам рассмотрения ходатайства следователя (дознавателя) о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) с назначением судебного штрафа может отказать в удовлетворении ходатайства и вернуть его следователю (дознавателю) в связи с тем, что уголовное дело или уголовное преследование должно быть прекращено по иным основаниям (п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ).

Государственный обвинитель не возражал, Уссурийский районный суд Приморского края назначил К. судебный штраф в размере 200 000 тыс. рублей¹.

В другом случае следователь (дознатель) обращается в суд с ходатайством о применении судебного штрафа, однако судья возвращает такое ходатайство, так как дело должно быть прекращено в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Так, следователь обратился в суд первой инстанции с ходатайством о применении судебного штрафа в отношении А., совершившего самоуправство (ч. 1 ст. 330 УК РФ). По итогам рассмотрения ходатайства, судом было вынесено постановление о назначении судебного штрафа, которое впоследствии было отменено апелляционной инстанцией по причине нарушения требований п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ.

Селемджинский районный суд Амурской области аргументировал свое решение тем, что самоуправство относится к категории преступлений небольшой тяжести (максимальное наказание два года лишения свободы). Так как самоуправство было совершено 16.01.2015 г., то уголовное дело в отношении А. должно быть прекращено в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности².

Интересной представляется правоприменительная практика в случае, когда судья незаконно и необоснованно прекращает уголовное дело в отношении подсудимого с назначением судебного штрафа при отказе прокурора от государственного обвинения по причине непричастности лица к совершенному преступлению.

Так, следователь обратился в Пошехонский районный суд Ярославской области с ходатайством о применении судебного штрафа в отношении Б., обвиняемого в причинении смерти человеку по неосторожности в связи с нарушением правил безопасности при ведении лесозаготовительных работ. Государственный обвинитель заявил о непричастности Б. к совершению инкриминируемого ему преступления.

Вместе с тем, постановлением суда первой инстанции ходатайство следователя было удовлетворено. Не согласившись с решением суда, прокурором было направлено апелляционное представление, в котором поставлен вопрос об отмене постановления на том основании, что указанное решение принято вопреки заключению прокурора, предложившего в удовлетворении ходатайства следователя отказать в связи с непричастностью подсудимого к совершенному преступлению.

По результатам рассмотрения апелляционного представления прокурора, Ярославский областной суд посчитал, что постановление суда первой инстанции подлежит отмене, так как суд при решении вопроса о назначении судебного штрафа должен был руководствоваться положениями п. 2 ч. 5 ст. 446.2 УПК РФ. Признавая отказ прокурора от обвинения необоснованным, суд, тем самым, взяв на себя не свойственную ему функцию обвинения, нарушил принцип состязательности сторон, тогда как положениями ч. 3 ст. 15 УПК РФ установлено, что суд лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей³.

---

¹ Постановление Уссурийского районного суда Приморского края Российской Федерации от 30 мая 2019 г. по делу № 1-600/2019 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 15.07.19).

² Апелляционное определение Селемджинского районного суда Амурской области Российской Федерации от 16 июня 2017 г. [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.10.18).

³ Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 6 июня 2017 г. по делу № 22-815/2017 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 20.11.19).

Не так давно, Верховный Суд РФ высказался по этому поводу¹, указав, что истечение срока давности уголовного преследования или возмещение ущерба по делам экономической направленности как основания прекращения уголовного дела имеют определяющее значение в сравнении с прекращением уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

Однако, при конкуренции норм, регламентирующих порядок прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа с иными (например, нормами, регламентирующими порядок прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием, примирением сторон), суд вправе прекратить уголовное дело (если все условия того, или иного основания соблюдены) по тому основанию, по которому не возражает подсудимый².

Так, при рассмотрении уголовного дела Калининским районным судом Тюменской области в отношении П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ, потерпевшая ходатайствовала о прекращении уголовного дела в отношении П., так как она примирилась с подсудимым, претензий к нему не имеет, извинения ей принесены, которые она принимает, вред возмещен. Государственный обвинитель настаивал на применении порядка, предусмотренного ст. 25.1 УПК РФ. Подсудимый в судебном заседании возражал против прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа и был согласен на примирение сторон³.

Суд первой инстанции прекратил уголовное дело в отношении П. в связи с примирением сторон и указал, что основания для применения к П. судебного штрафа отсутствуют. Согласно положениям уголовно-процессуального закона, при наличии нескольких нереабилитирующих оснований прекращения уголовного дела (уголовного преследования), суд применяет то основание, против которого не возражает лицо, привлекаемое к уголовной ответственности.

Резюмируя вышесказанное, автор приходит к выводу о том, что пункт 2 части 5 статьи 446.2 УПК РФ нуждается в уточнении формулировки «возвращение уголовного дела судом по причине наличия иных оснований прекращения» применительно к реабилитирующим основаниям прекращения уголовного дела (непричастность лица к совершению преступления) и нереабилитирующим (истечение сроков давности уголовного преследования, возмещение ущерба по делам экономической направленности).

УДК 343.1

Т.В. ТРОФИМОВА

научный руководитель
доцент И.Ю. ПАНЬКИНА

ДОПРОС С ЦЕЛЬЮ ИЗОБЛИЧЕНИЯ

Допрос с целью изобличения позволит решить сразу несколько проблем в российском уголовном праве, такие как усовершенствовать досудебное расследование, решить проблему использования показаний при отсутствии лиц на судебном заседании, давших эти сведения.

¹ Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ) утв. Президиумом Верховного Суда РФ от 10.07.2019 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.10.2019).

² Там же.

³ Постановление Калининского районного суда г. Тюмени от 29 мая 2019 г. по делу №1-299/2019 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru> (дата обращения: 03.11.19).

Данный вид допроса можно будет использовать не только при значительных противоречиях в показаниях потерпевших, свидетелей и подозреваемого, обвиняемого как это непосредственно указано в предписании очной ставки ч.1 ст.192 УПК РФ подозреваемому, обвиняемому следует дать показания, в которых есть несовпадения со сведениями, которые дали потерпевшие, свидетели. Это идет непосредственно в разрез ч. 1 ст. 51 Конституции РФ, где сказано о том, что никто не должен подтверждать данные против себя, своего супруга или близких родственников.» Данная статья не обязывает и не может заставить человека идти против своей воли, и он имеет право не проводить такое следственное действие как очная ставка. Но что тогда делать с правом, которое подтверждено международными актами и дающее право подозреваемому, обвиняемому опрашивать лиц, которые его изобличают, возможность высказать свое несогласие по услышанным показаниям.

Исходя из вышеизложенного, можно согласиться с тем, что сейчас в российском законодательстве данное право умышленно не замечается, считается не таким важным, а это в свою очередь является нарушением международных актов. Например, таких как подп. «е» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, который подразумевает о том, что на данным момент существует одно из неоспоримых, обязательных и неукоснительных требований в проведении справедливого судебного разбирательства. Данное право можно описать следующим образом, «это возможность обвиняемого «допрашивать лиц (потерпевших и свидетелей), которые непосредственно дают показания явно противоречащие его показаниям и требовать, чтобы эти свидетели были допрошены, иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, высказывающие сведения против подозреваемого, обвиняемого»¹.

Пункт 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» устанавливает соотношение подп. «е» п. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах и подп. «е» п. 3 ст. 6 «Конвенции о защите прав человека и основных свобод», в которой говорится о том, что у каждого обвиняемого остается право на сомнение относительно сведений, которые дал изобличающее его лицо относительно конкретно его действий. Основываясь на этом факте и с учетом ч. 2.1 ст. 281 УПК РФ суд законодательно не может без согласия сторон оглашать результаты и сведения допроса, демонстрировать в суде видеоматериалы проводимых следственных действий, которые были проведены с участием как раз таких тех людей которые не явились, а также использовать эти сведения и оглашать их в приговоре. Если ответчику в предыдущих этапах разбирательства не была дана возможность опровергнуть показания лиц, полученных законным путем (например, во время очных ставок с его участием задать вопросы потерпевшему или свидетелю, с чьими показаниями у него возникают расхождения)»².

Стоит обратить внимание на мнение таких ученых как А.М. Багмет, который указывает, на то, что данное упущение, «можно считать процессуальной ошибкой, которая непосредственно влияет на аннулированием доказательственной базы»³.

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16 декабря 1966 г.) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 N 55 «О судебном приговоре» // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Интервью с директором Института повышения квалификации Следственного комитета Российской Федерации А.М. Багметом // Юрист. 2013. № 23. С. 3.

Также на эту проблему обращает внимание заместитель прокурора М.В. Собчук, который как никто другой знает, «что на досудебном этапе может и не возникнуть потребности, провести следователю очную ставку между обвиняемым и свидетелем обвинения, если в свою очередь в этих показаниях нет разногласий. Но не стоит забывать, что данная потребность может возникнуть непосредственно во время судебного заседания, если вдруг свидетель или ответчик захотят изменить или отказать от своих слов».¹

В связи с перечисленным ранее стоит отметить существующую проблему, которую необходимо решить – нужна модернизация, оживление и улучшение российского законодательства, таким способом как введением допроса с изобличением, который улучшит работу не только суда, но и органов предварительного следствия.

Допрос с изобличением, не только ускорит, но и повысит уровень защиты прав человека на международном уровне. Стоит отметить и целесообразность проведения такого допроса с целью изобличения других соучастников преступления. Отметим процессуальную примитивность допроса, так как в нем отсутствуют сложности при проведении другого следственного действия в ч. 1 ст. 192 УПК РФ. Также при допросе опрашивается лишь одно лицо, являющимся очевидцем преступления, которое дает изобличающие показания в отношении свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого. Данный вид допроса обязателен только в том случае, когда уже будет проведен допрос потерпевшего, свидетеля, чтобы выявить факт изобличения.

Также необходимо предусмотреть соблюдение международных требований, которые указаны в подп. «е» п. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, подп. «е» п. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре», в них указано, «что одно из самых важным прав человека и гражданина, а именно допрашивать тех кто дает против него изобличающие показания на допросе». Все это делается для того, чтобы в дальнейшем, когда эти лица вдруг не смогут появиться на судебном заседании их показания были учтены.

Ситуация при которой производится очная ставка заключается в наличии расхождений в полученных ранее сведений, данное следственное действие применяется для соблюдения прав подсудимого, которые заключаются в опросе лиц в показаниях которых есть существенные противоречия, ч. 1 ст. 192 УПК РФ: «подозреваемый, обвиняемый обязан предоставить показания и в свою очередь в протоколе допроса ранее опрошенных лиц, должны быть значительные расхождения»². Также не стоит забывать о целесообразности присутствия защитника в данном следственном это является обязательным условием. Так как данная категория лиц часто находится не в выигрышном положении на данной стадии судебного разбирательства, защитник помогает и упрощает подготовку и использование доказательств. В подавляющем большинстве случаев это обязательное условие может быть компенсировано только с участием адвоката. Нынешние ученые А.А. Васяев и С.А. Князькин утверждают, что «на сегодняшний момент перед российским уголовным правом и правоприменением стоит важнейшая задача, а именно определить и закрепить в нашем законодательстве, стандарты Европейского суда»³.

¹ Собчук М.В. Реализация права обвиняемого на допрос свидетелей обвинения // Законность. 2014. № 12. С. 45.

² Постановление от 14.01.2010 Европейского суда по правам человека по делу «Мельников (Melnikov) против Российской Федерации» (жалоба № 23610/03) // [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Васяев А.А., Князькин С.А. О применении российскими судами (органами прокуратуры, следствия) Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Адвокат, 2013, № 8. С.11.

Допрос с изобличением поможет выполнить требования Европейского суда по правам человека, в отношении нынешнего положения российской судебной системы, и повысить уровень защиты прав подсудимого. Предложение о внесении допроса с изобличением в отечественное законодательство несомненно ускорит процесс работы следователя на досудебном этапе уголовного судопроизводства. Допрос свидетеля, потерпевшего, не только улучшит, ускорит и заметно повысит уровень защиты прав человека и гражданина на международном уровне.

УДК 343.1

А.А. ФАТЕЕВА

научный руководитель
доцент Е.В. ЕЛАГИНА

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ст. 281 УПК РФ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КАТЕГОРИИ ДОПРАШИВАЕМОГО

Конституция – основной закон Российской Федерации. Согласно ч.1 ст.15 Конституции РФ данный закон имеет высшую юридическую силу и применяется на всей территории Российской Федерации. Судебная власть, согласно статьям 118 и 123 Конституции РФ, осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон

Принцип состязательности и равноправия сторон закреплен в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее УПК РФ) и означает, что функция разрешения уголовного дела обособлена от функций обвинения и защиты – осуществление каждой из них возлагается на различных субъектов уголовного судопроизводства, которые обладают равными процессуальными правами. Однако, напомним, что Суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, а создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав².

Одной из гарантий реализации рассматриваемого принципа является ст. 281 УПК РФ – «Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допросов допускаются с согласия сторон в случае неявки потерпевшего или свидетеля, за исключением случаев, предусмотренных частями второй и шестой статьи 281 УПК РФ».

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : текст с изм. и доп. на 18 фев. 2020 г. — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Маркова Т.Ю. Оглашение в суде показаний свидетелей и потерпевших, данных на стадии предварительного расследования // Lex Russica. 2016. №9 (118). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oglashenie-v-sude-pokazaniy-svideteley-i-poterpevshih-dannyh-na-stadii-predvaritelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 23.03.2020).

Напомним, что уголовное судопроизводство согласно ст. 5 УПК РФ делится на два блока досудебное и судебное производство. В ходе осуществления досудебного производства основная цель субъекта расследования (дознания) – доказать, а точнее, обосновать доказанность виновности обвиняемого¹ и, соответственно, противоположная цель стоит перед стороной защиты. Для того, чтобы с уверенностью утверждать, что преступление было совершено и совершено конкретным лицом, должны быть доказаны обстоятельства, изложенные в ст. 73 УПК РФ, в противном случае, невозможно завершение расследование и передача дела в суд. Наличие или отсутствие данных обстоятельств устанавливается посредством использования доказательств, перечень которых приведен в ст. 74 УПК РФ, в частности, в качестве доказательств допускаются протоколы следственных действий (ч. 5 ст. 74 УПК РФ).

Производство допросов и иных следственных действий с участием свидетелей и потерпевших, в ходе досудебного производства, а также составление соответствующих протоколов и приложений к ним – функция субъекта расследования, под которым понимается следователь и дознаватель. Однако в УПК РФ есть некоторые противоречия, относительно приложений к протоколам следственных действий.

Согласно ч. 4 ст. 189 УПК РФ по инициативе следователя или по ходатайству допрашиваемого лица в ходе допроса могут быть проведены фотографирование, аудио- и (или) видеозапись, киносъемка, материалы которых хранятся при уголовном деле и по окончании предварительного следствия опечатываются. Возникает вопрос, имеет ли право прокурор, осуществляющий надзор за процессуальной деятельностью следственных органов, а впоследствии государственный обвинитель вскрыть упаковку и ознакомиться с приложениями, если УПК РФ не предусматривает для них соответствующую обязанность и позволяет знакомиться с приложениями только обвиняемому и его защитнику?

Данный вопрос порождает множество научных дискуссий, а на практике, такое противоречие устраняется созданием копии, конкретного приложения для обеспечения возможности ознакомления с ним прокурора. В случае если следователь (дознаватель) не сделал этого, прокурор знакомится с приложением непосредственно в ходе судебного разбирательства, что чревато негативными последствиями. Не случайно на одном из заседаний коллегии Генеральной прокуратуры было обращено внимание на то, что «неоднократно фиксируются случаи несовпадения информации, содержащейся в уголовном деле, и той, что содержится на техническом носителе, в результате такие дела в суде просто разваливаются... Теперь прокурор непосредственного участия при производстве следственных действий не принимает. И тем не менее, работу нужно выстроить таким образом, чтобы не допускать таких случаев»². На наш взгляд такое положение вещей порождает некоторое процессуальное неравенство в возможностях исследования доказательств стороной защиты и стороной обвинения, ограничивая последнюю.

Считается, что статья 281 УПК РФ обеспечивает принцип равноправия и состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, так как судом может быть принято решение об оглашении показаний допрашиваемого (потерпевшего или свидетеля) и о воспроизведении видеозаписи следственного действия, произведенного с его участием, только при условии предоставления обвиняемому (подсудимому) в

¹ В соответствии со ст. 14 УПК РФ обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном уголовно-процессуальным кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

² Доклад Генерального прокурора РФ Ю.Я. Чайки на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 25.02.2009 // Следователь. – 2009. – № 3. – С. 17.

предыдущих стадиях производства по делу возможности оспорить эти доказательства предусмотренными законом способами, так как напомним, их составлением занимаются субъекты расследования.

Проводя анализ ст. 281 УПК РФ, нельзя не обратить внимания на то, что различными частями статьи регламентируется оглашение показаний совершеннолетних и несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Позволим себе обратить внимание на некоторые проблемы, не часто, но возникающие в судебной практике, обусловленные содержанием рассматриваемой статьи.

Согласно ч. 6 ст. 281 УПК РФ оглашение показаний несовершеннолетнего, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допросов, воспроизведение аудио- и видеозаписи, кино съемки допросов осуществляются в его отсутствие без проведения допроса. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд выносит мотивированное решение о необходимости допросить несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля повторно в зале судебного заседания. Это связано с тем, что несовершеннолетний занимает особое правовое положение, имеет право на особую защиту и помощь.

Забота о благополучии ребенка, его право на особую защиту и помощь в уголовном судопроизводстве выражены в уменьшении продолжительности контакта несовершеннолетних жертв и свидетелей с обвиняемыми при производстве расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, а также замену, когда это возможно без ущерба для установления подлинной картины преступления, непосредственного участия ребенка демонстрацией видеозаписи, кино съемки его показаний, а также задействованием телекоммуникационных каналов в судебном разбирательстве уголовных дел¹.

Несомненно, во избежание нарушения принципов уголовного судопроизводства, подсудимый обладает правом допрашивать, например, показывающих против него свидетелей или имеет право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, в равной степени, как и совершеннолетние потерпевшие и (или) свидетели. С связи с этим, для того чтобы исключить неоправданное нарушение его прав, на основании ч. 6 ст. 281 УПК РФ, сохраняется право суда по ходатайству сторон или по собственной инициативе вынести мотивированное решение о необходимости допросить несовершеннолетнего потерпевшего и (или) свидетеля повторно.

Проанализировав положения ст. 281 УПК РФ об оглашении показаний несовершеннолетних потерпевших и (или свидетелей) обратимся к положениям, регламентирующим оглашение показаний совершеннолетних, а именно части 5 рассматриваемой статьи: «не допускаются демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допроса, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, кино съемки допроса без предварительного оглашения показаний, содержащихся в соответствующем протоколе допроса или протоколе судебного заседания».

Данная формулировка приводит к тому, что в ходе судебного заседания может сложиться абсурдная ситуации: государственный обвинитель в ходе допроса свидетеля или потерпевшего, в присутствии подсудимого, заявляет ходатайство о де-

---

¹ Гришина Е. П. Демонстрация видеозаписи и кино съемки показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в уголовном судопроизводстве (международные нормы, правовые позиции Европейского суда по правам человека и российское законодательство) // Мировой судья. – 2017. – № 9. – С. 24-29.

монстрации фототаблиц, воспроизведении аудио или видеозаписей, сделанных в ходе допроса этого же свидетеля или потерпевшего, но Суд отказывает в удовлетворении данного ходатайства, так как показания допрашиваемого (точнее, уже допрошенного судом), данные в ходе предварительного расследования не оглашались и оглашены быть не могут, в связи с тем, что отсутствуют явные противоречия между показаниями, данными в ходе допроса в судебном заседании и на стадии предварительного расследования. Кроме того, сторона защиты может возражать в удовлетворении ходатайства, заявленного стороной обвинения, ссылаясь на то, что у подсудимого не было возможности оспорить данные приложения к протоколам следственных действий.

Вместе с тем, защитнику и обвиняемому, согласно ст. 217 УПК РФ предоставляются для ознакомления подшитые и пронумерованные материалы уголовного дела. Для ознакомления предъявляются протоколы, а также вещественные доказательства и по просьбе обвиняемого или его защитника фотографии, материалы аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки и иные приложения к протоколам следственных действий, следовательно «не ознакомление» с ними защитника и (или) обвиняемого мало вероятно. Еще раз обратим внимание на то, что в рассматриваемом нами случае, свидетель (или) потерпевший присутствует в зале судебного заседания и оспорить его показания, а так же приложения к протоколам следственных действий, проводимых с его участием не составит труда.

В связи с вышеизложенным, полагаем что в случаях, когда свидетель или потерпевший присутствуют в ходе судебного заседания, дают показания, возможна и демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе их допроса, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписей, киносъемки допроса без предварительного оглашения показаний, содержащихся в соответствующем протоколе допроса. Невозможность демонстрации в таких исключительных случаях ограничивает возможности стороны обвинения и нарушает принцип равноправия сторон.

На наш взгляд, процедура оглашения показаний несовершеннолетних, может быть распространена и на совершеннолетних участников судебного следствия, что позволило бы создать эффективную процедуру оглашения показаний совершеннолетних потерпевших и свидетелей, явившихся в зал судебного заседания, и обеспечить вынесение судом законного и должным образом мотивированного решения о допустимости (недопустимости) воспроизведения видеозаписи, киносъемки допроса свидетеля или потерпевшего после проведения допроса этого участника в зале судебного заседания.

Выходом из сложившейся ситуации видится дополнение ч. 5 ст. 281 УПК РФ: «Не допускаются демонстрация фотографических негативов и снимков, диапозитивов, сделанных в ходе допроса, а также воспроизведение аудио- и (или) видеозаписи, киносъемки допроса без предварительного оглашения показаний, содержащихся в соответствующем протоколе допроса или протоколе судебного заседания. В случае, если допрашиваемый явился для дачи показаний в суде, допускается демонстрация (воспроизведение) приложений к протоколам следственных действий и (или) судебных заседаний, проведенных с его участием, по ходатайству стороны или по инициативе Суда.»

В заключении, укажем, что, на наш взгляд, разрешение рассмотренной нами коллизии интересов стороны обвинения и защиты предлагаемым путем расширения правомочий Суда, будут способствовать эффективному участию государственного обвинителя в судебном допросе, а также «не нарушению» принципа равноправия сторон в уголовном судопроизводстве.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Наделение субъекта определенным правовым статусом в рамках уголовного судопроизводства связано с возрастанием степени риска нарушения его законных прав, свобод и интересов, причинения ему или его близким физического вреда, повреждения имущества и претерпеванием иных негативных последствий, которые могут иметь место в связи с намерением отдельных лиц (подозреваемых, обвиняемых и пр.) воспрепятствовать сообщению органам дознания или предварительного следствия имеющих значение для раскрытия и расследования преступления фактических обстоятельств происшедшего, даче изобличающих показаний и т.д. Ввиду вышеуказанного не теряют своей актуальности вопросы обеспечения государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства посредством, в первую очередь, осуществления в отношении данных лиц мер безопасности.

Ключевую роль в нормативно-правовом регулировании применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства играют Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ), Федеральный закон от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»² и Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»³ (далее – Закон о защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства).

С учетом ограниченности объема данной работы предлагаем сосредоточить внимание на исследовании вопросов применения мер безопасности в отношении наименее защищенной группы участников уголовного судопроизводства в рамках УПК РФ и Закона о защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства, при этом полагаем, что данный факт не отразится на полноте рассмотрения обозначенной проблематики, так как имеются аналогии в перечнях мер безопасности и порядке их применения в вышеуказанных федеральных законах. При этом подчеркнем, что меры безопасности являются универсальными и применимы практически к любому участнику уголовного судопроизводства.

В силу ч. 3 ст. 11 УПК РФ в отношении участников уголовного судопроизводства могут быть приняты следующие меры безопасности: сохранение в тайне данных о личности с использованием в процессуальных документах псевдонима; осуществление контроля и записи телефонных и иных переговоров; осуществление опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознава-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 492.

² О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов: федер. закон Рос. Федерации от 20.04.1995 № 45-ФЗ // СЗ РФ. 24.04.1995. № 17. ст. 1455.

³ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федер. закон Рос. Федерации от 20.08.2004 № 119-ФЗ // 23.08.2004. № 34. ст. 3534.

емым; проведение закрытого судебного заседания; проведение допроса в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства¹. Согласно ст. 6 Закона о защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства могут применяться и иные меры, предусмотренные указанной нормой, при этом возможно применение одной меры или нескольких мер одновременно. Предусмотренный законодательством широкий спектр мер безопасности позволяет наиболее эффективно обеспечить защиту прав, свобод и интересов участников уголовного судопроизводства с учетом специфики конкретной жизненной ситуации и объективной невозможности применения некоторых мер в отдельных случаях (к примеру, нецелесообразно засекречивание данных о личности свидетеля при условии, что подозреваемый уже обладает информацией об этом субъекте).

Одной из основных проблем в контексте обозначенной темы работы является установление оснований применения мер безопасности. В соответствии с ч. 1 ст. 16 Закона о защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства реализация мер безопасности возможно лишь при наличии реальной угрозы лицу или его имуществу в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Данная проблема имеет ярко выраженный практический характер, так как имеют место примеры судебной практики, когда по причине необоснованности применения в отношении лиц мер безопасности полученные в ходе отдельных следственных действий доказательства признаются недопустимыми (к примеру, по одному из уголовных дел сохранение в тайне данных свидетеля при отсутствии оснований для применения данной меры привело к признанию протоколов допросов недопустимыми доказательствами²).

Категория «реальная угроза» носит оценочный характер и обуславливает широкий субъективизм при решении вопроса о возможности применения мер безопасности, в связи с чем многими авторами подчеркивается, что такого рода решение должно отвечать требованиям обоснованности. Следовательно, одного заявления лица с ходатайством о применении в отношении него мер безопасности недостаточно, необходимо объективное подтверждение факта реальной угрозы, которое должно быть выражено не только в показаниях лица, требующего защиты, но и показаниях иных лиц, других доказательствах, результатах оперативно-розыскной деятельности и пр.³ Вместе с тем справедливы позиции исследователей, которые полагают, что государство должно обеспечивать защиту не в случае, когда угроза противоправного воздействия уже имела место, а когда существуют ее объективные основания и предпосылки⁴.

С одной стороны, большинство граждан не стремится сталкиваться с правоохранительными органами и становиться участниками уголовного судопроизводства, в том числе ввиду желания исключить риски негативного воздействия виновных лиц и обезопасить себя, свое имущество и своих близких, в связи с чем многие субъекты были бы согласны на применение в отношении них некоторых мер безо-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). ст. 492.

² Апелляционное постановление Верховного суда Удмуртской Республики от 03.11.2015 по делу № 22-2722/2015 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.03.2020).

³ Табаков С.А. Основание и порядок принятия следователем решения о применении мер безопасности, предусмотренных Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // Законодательство и практика. 2016. № 2. С. 19.

⁴ Маликов Т.И. Институт государственной защиты участников правосудия. Его социальная обусловленность // Российский следователь. 2018. № 7. С. 63.

пасности (к примеру, обеспечение конфиденциальности сведений, использование псевдонимов и т.п.). С другой стороны, повсеместное распространение использования мер безопасности (особенно таких как личная охрана, охрана жилища и имущества; временное помещение в безопасное место; переселение на другое место жительства; изменение внешности) привело бы к значительным временным, трудовым и финансовым затратам. Безусловно, защита прав, свобод и интересов участников уголовного судопроизводства один из основополагающих принципов уголовного процесса, однако при реализации этого принципа в контексте применения мер безопасности необходимо руководствоваться требованиями целесообразности, в связи с чем необходимо тщательно оценивать потенциальные риски неправомерной деятельности в отношении потерпевших, свидетелей и иных лиц в целях исключения необоснованного применения обозначенного механизма государственной защиты. Полагаем разумным использование законодателем оценочной категории «реальная угроза», однако считаем желательным подготовку отдельных разъяснений Верховного суда Российской Федерации или обобщений судебной практики по вопросу толкования имеющейся в законодательстве формулировки с приведением примеров, свидетельствующих о реальности угрозы в отношении участников уголовного судопроизводства.

Также важно учитывать, что в качестве повода к выдвижению угроз должно выступать участие лица в уголовном судопроизводстве, а не желание продолжить реализацию преступного умысла виновным и иные подобные причины, так как в данных ситуациях меры к защите субъекта должны применяться не в порядке, предусмотренном Законом о защите потерпевших и иных участников уголовного судопроизводства, а в общем порядке, определяемом УПК РФ, Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции»¹ и другими нормативными правовыми актами².

Подводя итог проведенному анализу некоторых вопросов, связанных с применением мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства, отметим, что несмотря на разработанность отдельных аспектов применения мер безопасности в научной литературе, некоторые вопросы требуют более детальной проработки и дальнейшего исследования, в том числе имеется потребность в разъяснениях ряда проблем правоприменения Верховным судом Российской Федерации в постановлениях Пленума Верховного суда Российской Федерации или обзорах судебной практики.

---

¹ О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 07.02.2011 № 3-ФЗ // 14.02.2011. № 7. ст. 900.

² Бекетов М.Ю., Саморока В.А. Поводы и основания принятия решения о применении мер безопасности // Уголовное право. 2016. № 3. С. 105.

IV

ПРОКУРОРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: ВЗГЛЯД МОЛОДОГО УЧЕНОГО

УДК 343(05)

Г.А. КАРАБАЕВ

научный руководитель
М.Н. КУСТОВ

ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ АДМИНИСТРАЦИЯМИ МЕСТ СОДЕРЖАНИЯ ЗАДЕРЖАННЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ

Прокурорский надзор за исполнением законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу является одним из значимых и наиболее важных направлений деятельности органов прокуратуры, что представляет собой в части осуществления функции защиты государством конституционных прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, находящихся в местах содержания под стражей.

Статья 49 Конституции РФ провозглашает, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда¹.

Исходя из вышеуказанной особенности правового статуса подозреваемого, обвиняемого и одновременно учитывая условие их изоляции от общества, необходимо отметить о наличие наиболее сложного механизма реализации своих прав, свобод и законных интересов лицами данной категории. Таким образом, на практике возникает проблема соблюдения законов администрациями изоляторов временного содержания (ИВС) органов внутренних дел, пограничных органов ФСБ России, конвойных помещениях судов и на гауптвахтах действующего законодательства, в том числе прав лиц, задержанных и заключенных под стражу, что требует осуществления систематического надзора со стороны органов прокуратуры.

---

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ. 2014. №31. Ст. 4398.

Согласно данным Генеральной прокуратуры РФ, за январь – ноябрь 2019 года в результате осуществления надзора за исполнением законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, органами прокуратуры было проведено 45 146 проверок, по ходу которых выявлено 107,431 нарушение закона, что составило прирост, на 7,2 % по сравнению за аналогичный период 2018 года¹.

Основным средством выявления нарушений исполнения законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу является проведение проверок. В соответствии с п.2 Приказа Генерального прокурора РФ от 08.08.2011 № 237 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением законодательства при содержании подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания органов внутренних дел, пограничных органов ФСБ России, на гауптвахтах, в конвойных помещениях судов (военных судов)» установлено, что прокурорам районов и приравненным к ним прокурорам специализированных прокуратур необходимо ежедневно проводить проверки по факту соблюдения законного содержания лиц, содержащихся под стражей в ИВС и иных специализированных приемниках, а в случае поступления жалоб или иных сведений проводить проверку безотлагательно².

Основываясь на том, что Приказ Генерального прокурора РФ №237 не регламентирует осуществление надзора в целом и проведение проверок в частности в отношении исполнения законов администрациями следственных изоляторов, следует акцентировать внимание на Приказ Генерального прокурора РФ от 16.01.2014 № 6 «Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

В соответствии п.1.1 данного Приказа Генерального прокурора РФ прокурорам, осуществляющим надзор за исполнением законов администрацией или должностными лицами в СИЗО, необходимо ежемесячно проверять законность содержания лиц под стражей³.

По мнению профессора Коршуновой О.Н. именно такой подход позволяет организовать полноценный, систематический надзор, а также обеспечить соблюдение прав и законных интересов задержанных и заключенных под стражу (в т. ч. обеспечить соблюдение условий содержания указанной категории лиц)⁴.

По рекомендациям Генеральной прокуратуры РФ проверки предлагается проводить в вечернее и ночное время, выходные и праздничные дни, при этом перед самой проверкой прокурором должен быть осуществлен предметный анализ складывающейся обстановки в поднадзорных учреждениях на основе ознакомления с материалами ранее проведенных комплексных проверок органами ведомственного контроля, с жалобами (сведениями), поступившими от задержанных, заключенных под стражу или их родственников, а также с имеющимися статистическими данными.

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-ноябрь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения: 26.02.2020).

² Об организации прокурорского надзора за соблюдением законодательства при содержании подозреваемых и обвиняемых в изоляторах временного содержания органов внутренних дел, пограничных органов ФСБ России, на гауптвахтах, в конвойных помещениях судов (военных судов): приказ Генерального прокурора РФ от 08.08.2011 № 237 // Законность. 2011. № 12.

³ Об организации надзора за исполнением законов администрациями учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания, следственных изоляторов при содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: приказ Генерального прокурора РФ от 16.01.2014 № 6 // Законность. 2014. № 4.

⁴ Коршунова О.Н. Прокурорская проверка: методика и тактика проведения: учебное пособие / О.Н. Коршунова. СПб.: Юридический центр., 2017. С. 338.

При проведении проверки прокурор в первую очередь обязан совершить обход мест содержания задержанных, заключенных под стражу, а также иных помещений. В случае нахождения указанной категории лиц в местах предварительного заключения без судебного решения или при выявлении фактов незаконного содержания (в т. ч. нахождение лиц в ИВС и СИЗО без составления необходимых документов, либо их составление с нарушениями норм уголовно-процессуального законодательства), прокурор в порядке ч. 2 ст. 33 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» обязан немедленно освободить своим постановлением каждого содержащегося без законных на то оснований.

Кроме того, при проведении прокурором личного приема подозреваемых, обвиняемых, а также при проверке протоколов задержания, судебных решений об избрании в качестве меры пресечения заключение под стражу, наиболее частым нарушением является содержание лица в ИВС и СИЗО сверх установленного законом срока.

Так, за 2018 год по 38% уголовных дел предварительное следствие проводилось свыше сроков установленных уголовно-процессуальным законодательством, что автоматически нарушало сроки содержания под стражей. По мнению Генерального прокурора РФ, возникновению данной проблемы послужило лишение прокуроров ряда надзорных полномочий, что привело к росту нарушений при применении меры пресечения в качестве заключения под стражу¹.

По мнению Никитина Е. Л., рассматривая предмет прокурорского надзора за исполнением законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу, определенный ст. 32 ФЗ «О прокуратуре РФ», под законностью нахождения лиц в ИВС и СИЗО следует понимать не только законность помещения и содержания в них, но и соблюдение сроков содержания и своевременность освобождения².

Таким образом, изложенное свидетельствует о необходимости возвращения полномочий прокурора по процессуальному руководству следственными органами, а также по установлению пределов уголовного преследования на всех стадиях уголовного процесса.

В ходе завершения проверки при выявлении нарушений исполнения законодательства администрациями мест задержания и заключения под стражу прокурором выносится соответствующий акт прокурорского реагирования. Обращаясь к ст. 34 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» можно выделить такое средство прокурорского реагирования как требование прокурора, правовая сущность которого не раскрывается.

Винокуров Ю.Е. раскрывает сущность вышеуказанного требования прокурора в следующем:

а) прокурор может требовать от администрации указанных органов и учреждений соблюдения правил режима и условий содержания, привлечения осужденных к труду и других условий, исходя из тех вопросов, которые входят в предмет прокурорского надзора

б) прокурор имеет право устанавливать время для исполнения своих требований, которые подлежат непосредственному исполнению администрацией;

в) в случае обжалования администрацией требований прокурора, их исполнение не приостанавливается;

¹ Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ: Доклад Генерального прокурора на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 10 апреля 2019г. «О состоянии законности и правопорядка в 2018 году и о проделанной работе по их укреплению» [Электронный ресурс]. URL: <http://genproc.gov.ru/genprokuror/> (дата обращения: 28.02.2020).

² Никитин Е.Л., Кустов М.Н. Прокурорский надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание, мест содержания задержанных и заключенных под стражу: учебное пособие. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2018. С. 12.

г) целесообразно вносить требования прокурором в письменной форме в целях возможности для дальнейшего осуществления контроля за их исполнением администрацией¹.

Таким образом, сравнивая сущность требования по ст. 34 ФЗ «О прокуратуре РФ» со специфическими (отраслевыми) актами прокурорского реагирования, используемые в одной или нескольких отраслях прокурорского надзора, допустимо рассматривать требование прокурора как акт прокурорского реагирования и в связи с этим считаем возможным введение в гл. 4 вышеуказанного федерального закона статью в следующей редакции²:

Ст. 33.1 Требование прокурора

1. Требование на нарушение закона вносится прокурором или его заместителем в орган или учреждение, исполняющих наказание и назначаемые судом меры принудительного характера, в место содержания задержанных и заключенных под стражу или должностному лицу, отвечающего за устранение нарушений условий содержания задержанных, заключенных под стражу, осужденных лиц, подвергнутым мерам принудительного характера либо помещенных в судебно-психиатрические учреждения.

2. Требование прокурора или его заместителя об устранении нарушений условий содержания задержанных, заключенных под стражу, осужденных лиц, подвергнутым мерам принудительного характера либо помещенных в судебно-психиатрические учреждения подлежит обязательному рассмотрению соответствующим органом, учреждением, администрацией или должностным лицом не позднее чем в пятидневный срок со дня поступления требования. О результатах рассмотрения требования сообщается прокурору в течение трех дней в письменной форме.

В заключении следует отметить, что закрепленные в ст. 33 ФЗ «О прокуратуре РФ» полномочия прокурора не решают многие вопросы, возникающие при проведении прокурорской проверки исполнения законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. Несмотря на это, требование прокурора является распространенным средством прокурорского реагирования, а также широко применяемым прокурорами при осуществлении надзора в рассматриваемой нами сфере.

УДК 347.9

С.М. КИРЮХИНА

научный руководитель
М.Н. КУСТОВ

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРАТУРЫ РФ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Средства массовой информации (далее СМИ) - эффективный посредник в отношении населения с органами власти³, по средствам которого осуществляется многофункциональная информационная связь правоохранительных органов с обществом и гражданами. Муравьев Н.В. еще в 19 веке писал, что для проку-

¹ Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник / Ю.Е. Винокуров. 6-е изд. М.: Высшее образование, 2005. С. 277-278.

² Дудин Н.П. Правовые акты прокурорского надзора. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2011. С. 5-6.

³ Соловьев А. И. Политология: Политическая теория, политические технологии. М., 2000. С.402.

роров пренебрегать признаками общественного суждения, в том числе выраженного в печати недопустимо, он полагал необходимым его прислушиваться, поскольку иначе прокурорский надзор рискует быть оторванным от общества¹. В настоящий момент взаимодействие прокуратуры со СМИ является особо актуальным, ввиду развития телевидения, радио, интернет - пространств, а также сильного влияния СМИ на сознание граждан. Например, в СМИ использовались такие заголовки с целью привлечь читателей: «Прокурор разобрался в мусорном вопросе» - в этой статье речь шла о проверке исполнения санитарно-эпидемиологического законодательства; «Прокурор попал в тюрьму» - в публикации говорилось о проверке исправительных учреждений², поэтому закрытость органов прокуратуры от СМИ недопустима, так как несвоевременное предоставление сведений в СМИ, ненадлежащая проверка информации, представляемая прокуратурой может негативно сказываться, на решении задач стоящих перед ней, подрывать ее авторитет.

В приказе Генерального Прокурора №296 от 17.05.2018 «О взаимодействии прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью» (далее Приказ № 296) сказано, что сотрудничество со СМИ – одно из важнейших направлений прокуратуры, выделяют такие направления, как информирование населения о состоянии законности и правопорядка, о прокурорских проверках, о направлении в суд уголовных дел, вызвавших повышенный общественный резонанс и т.д.³. Кроме этого, необходимо также уделять внимание правовому просвещению граждан. Любая деятельность прокуратуры со СМИ обязательно должна строиться на основе планирования с указанием сроков публикаций и конкретных исполнителей⁴, поэтому представляется необходимым закрепить в Приказе №296 процедуру и регулярность предоставления информации сотрудниками.

На практике кроме предоставления редакциям СМИ информации или публикаций на официальном сайте используются такие формы взаимодействия как интервью, брифинг, пресс-конференции, в отдельных прокуратурах распространение получила и такая форма взаимодействия, как приглашение представителей СМИ на служебные совещания⁵.

Другим важным направлением взаимодействия является осуществление мониторинга ведущих областных СМИ, а также основных интернет-сайтов, что может делаться в двух целях. Первая цель - наблюдение за соблюдением действующего законодательства самим СМИ. Например, недопустимость распространения экстремистской информации, при выявлении нарушений прокурор выносит представление или предостережение о недопустимости нарушения законодательства. Так же прокурор обладает полномочием возбуждать административные дела в отношении физических или юридических лиц, являющихся администраторами доменного имени веб-сайта, который допускает нарушения Закона о защите персональных данных (согласно ч.1 ст. 28 КоАП). Так, прокуратурой Пригородного района Свердловской области по результатам мониторинга выявлены интернет - страницы, на

¹ Муравьев Н.В. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности: пособие для прокурорской службы. М.,1889.Т.1.С.514.

² Дупак О.В. Взаимодействие органов прокуратуры со средствами массовой информации// Законность № 5, 2013.С.7.

³ О взаимодействии прокуратуры со средствами массовой информации и общественностью [Электронный ресурс]:Приказ Генерального прокурора РФ от 17.05.2018 № 296.Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Мартынова Ю.А. Особенности взаимодействия прокуратуры со средствами массовой информации//Инновационная наука.2019.№5.С.144-146.

⁵ Штадлер Г.В.и др. Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции[Электронный ресурс]// Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры РФ, 2017. URL: <http://www.procuror.spb.ru/30112018/18112017.htm>(дата обращения: 17.01.2020).

которых предлагалось приобрести сертификаты владения русским языком, знания истории, продавались так же дипломы, аттестаты и другие документы. По инициативе прокуратуры в настоящее время информация на указанных интернет - страницах признана судом запрещенной к распространению¹.

Вторая цель - использование информации, размещенной в СМИ, как источника информации для проведения прокурорской проверки, о чем сказано в п.6 Приказа Генеральной Прокуратуры РФ от 07.12.2007 №195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина». Так, основанием для возбуждения уголовного дела послужили материалы проверки, проведенной прокуратурой г. Владивостока Приморского края по публикации в газете «Комсомольская правда» от 11 апреля 2008 г. «Пятеро детей отравились в кафе в центре Владивостока». Прокурорская проверка выявила нарушения законодательства о санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. По материалам проверки следственным управлением при УВД по Ленинскому району г. Владивостока возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ². Мониторинг СМИ позволяет сотрудникам прокуратуры оперативно реагировать на происходящие события и привлекать виновных лиц к ответственности. Так, Новгородской Прокуратурой в 2017 году проведены проверки по свыше 250 публикациям, по результатам которых принято более 190 мер прокурорского реагирования³.

Не менее важное направление взаимодействия – обновление новостной ленты интернет-представительства прокуратуры соответствующего звена. Например, интернет портал прокуратуры Москвы ежедневно посещают примерно 5 тыс. пользователей, а информация, размещенная на сайте, активно распространяется ведущими информационными агентствами («Интерфакс», «ТАСС», «Россия сегодня» и другими)⁴, данному направлению должно уделяться огромное внимание: новости на сайте должны появляться своевременно, а информация постоянно обновляться.

В современных условиях деятельность правоохранительных органов России находит все более широкое отражение в сети «Интернет», а именно созданы аккаунты прокуратуры Костромской области, Ленинградской, Московской, Тверской области и ряд других в сети «Instagram». Особое значение, с учетом возможности аудиовизуального восприятия информации, приобретает и сервис YouTube. Современные условия, несомненно, требуют изменения форм, методов и регламентации работы органов прокуратуры. Первый шаг уже сделан – с 2018 года появился новый информационно-коммуникационный сервис «ЭФИР», в котором работники прокуратуры отвечают на вопросы, освещают актуальные новости. В день, в среднем, задается один – два вопроса через сайт: все они доступны к прочтению, и к ним прикрепляются ссылки, в какой рубрики произведен ответ.

¹ Генеральная прокуратура Российской Федерации. Архив новостей. В Свердловской области по требованию прокуратуры заблокированы интернет-страницы, предлагавшие приобрести фальшивые дипломы, сертификаты и аттестаты [Электронный ресурс]. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1335836> (дата обращения: 14.01.2020).

² Прокуратура Приморского края. Новости [Электронный ресурс]. URL: <http://prosecutor.ru/news/prosecutorpk/2008-06-02-obratnaya-svyaz.htm> (дата обращения: 12.01.2020)

³ Прокуратура Новгородской области. Докладная записка о работе прокуратуры Новгородской области по взаимодействию со средствами массовой информации в 2017 году. [Электронный ресурс] // Прокуратура Новгородской области, 2018. URL: <https://procnov.ru/statistics/activities> (дата обращения: 20.01.2020)

⁴ Колесов М.В. Участие прокуратуры в воспитательной работе и общественном просвещении // Высшее образование для 21 века: проблемы воспитания 14 Международная научная конференция: в 2-х частях. 2017. С.447.

Средства массовой информации – основной инструмент в плане содействия распространения правовых знаний, формирования общественного мнения о деятельности прокуратуры, поэтому активное, целенаправленное взаимодействие прокуратуры со СМИ должно быть важной составляющей деятельности, что и подтверждает Приказ № 296.

Подводя итоги, хочется отметить, что для достижения прокуратурой положительных результатов в работе со СМИ необходимо сочетание двух элементов в указанной деятельности: планомерная и постоянная подготовка публикаций о деятельности прокуратуры для размещения в газетах и на сайтах, выступление и освещение проблем по телевидению и радио, а так же развитие и усовершенствования информационных технологий в органах прокуратуры, особо актуальным является ведение социальных сетей в «Instagram». А на региональном, местном уровне так же должно быть налажено взаимодействие между прокуратурой и СМИ.

УДК 343(05)

Д.А. ШЕСТАВИН

научный руководитель
М.Н. КУСТОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Согласно ст. 43 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на образование. В рамках национального проекта, утверждённого Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», образование является одним из направлений внутренней политики государства по созданию современной и безопасной образовательной среды, способной предоставить высокое качество и доступность образования всех видов и уровней¹.

Стоит отметить, что на сегодняшний день система законодательства имеет обширную нормативно – правовую базу в сфере образования. Однако, проведя анализ прокурорской практики, мы можем обнаружить, что работники образовательных учреждений допускают много нарушений закона². Поэтому полагаем необходимым рассмотреть некоторые вопросы прокурорского надзора за исполнением законов в сфере образования.

В Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 14 марта 2019 г. № 192 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства при реализации национальных проектов» осуществление надзора за исполнением законодательства в данной области считается одним из приоритетных направлений. На органы прокуратуры возлагается функция проверки законности действий образовательных учреждений по предоставлению образовательных услуг, прокуратура обязана незамедлительно реагировать и пресекать выявленные нарушения.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/>

² Коршунова О.Н. под ред. Г. В. Штадлера / Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 37.

Стоит отметить, что прокурорский надзор в указанной сфере общественных отношений обладает специфическими чертами, которые, в свою очередь, определяют компетенцию прокурорского надзора и совокупность правовых средств прокурорского реагирования на правонарушения. Наиболее юридически значимыми являются акты прокурорского реагирования, которые обязательны для рассмотрения, но в современных условиях нельзя пренебрегать и иными мерами реагирования¹.

Для определения направления прокурорской деятельности полагаем необходимым рассмотреть некоторые нарушения, которые встречаются на практике².

Так, например, в прокуратуре Белгородской области в конце 2019 года на заседании коллегии обсуждались вопросы исполнения законодательства об образовании и профилактике правонарушений среди несовершеннолетних. Среди них были отмечены как наиболее часто встречаемые на территории области следующие нарушения:

во-первых, это несоответствие требованиям законодательства уставов и локальных актов образовательных организаций. Так на официальном сайте прокуратуры сказано, что в большинстве районах нормативные акты образовательных учреждения противоречат действующему законодательству в области применения мер дисциплинарного взыскания, требований к внешнему виду обучающихся, порядку приема и отчисления воспитанников и учащихся, порядку организации питания;

во-вторых, нарушения в сфере охраны жизни и здоровья обучающихся. Так прокуратурами районного звена были выявлены факты организации образовательного процесса в помещениях, где проводились ремонтные работы, создающие угрозу для жизни и здоровья обучающихся. Также работниками прокуратуры пресечены нарушения, в области охраны образовательных учреждений, такие как отсутствие систем видеонаблюдения и отсутствие квалифицированной охраны;

в-третьих, нарушения, связанные с правом на доступное образование. Так, например, в большинстве районов Белгородской области были выявлены факты отсутствия специальных условий для получения образования детьми с ограниченными возможностями здоровья;

в-четвёртых, нарушения при подборе педагогических кадров. На сегодняшний день работники прокуратуры пресекают факты осуществления педагогической деятельности лицами при отсутствии у них соответствующей квалификации³.

Также рассматривая некоторые вопросы прокурорского надзора в сфере образования, хотелось бы акцентировать внимание на проблематике факта выявления коррупционного элемента в данной сфере. Дело в том, что данный вид надзора объединяет надзор в сфере реализации национальных проектов, надзор за соблюдением прав несовершеннолетних и молодёжи, надзор в сфере противодействия коррупции. Данная связь надзоров возникает с введением законодателем понятия «конфликт интересов педагогического работника», которое мы можем встретить в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

¹ Коршунова О.Н., Никитин Е.Л., Каретникова С.В., Плутарь Д.М. Прокурорский надзор: Учебное пособие. – СПб.: Юридический центр, 2015. С. 99.

² Коршунова О.Н. под ред. Г. В. Штадлера / Актуальные вопросы прокурорской деятельности : лекции. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. С. 45.

³ Прокуратура Белгородской области [Электронный ресурс] Режим доступа : <http://belproc.ru/news/4069/>

Мы видим, что правила безопасности в российской правовой системе относительно антикоррупционных мероприятий активно применяются на практике, однако данные правила следует привести в более упорядоченную систему, чтобы в полной мере реализовать её «предупредительный потенциал»¹.

Следует отметить, что в основном благодаря качественной организации планирования, подготовки и проведения прокурорских проверок исполнения антикоррупционного законодательства поднадзорными государственными и муниципальными органами власти повышается эффективность надзорной деятельности в сфере образования².

В заключение хотелось бы сказать, что ст. 45 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» предусматривает создание комиссий по урегулированию разногласий и споров в образовательных учреждениях. Законодатель мотивирует введение данной нормы как одну из форм реализации права на образование³. Основой этой нормы, прописанной в ч.2 ст. 45 данного Закона, является проблема разрешения вопроса о возникновении конфликта интересов педагогического работника.

Хочется отметить, что на начальном этапе планирования надзорных мероприятий возникает вопрос сроков формирования этой комиссии. Дело в том, что на уровне федерального законодательства это нигде не урегулировано. Отсутствие чётко закреплённого и определённого срока создаёт некоторые затруднения в прокурорской практике, что требует от прокуроров принятия взвешенных решений в рамках компетенции. Чаще всего наиболее эффективной мерой прокурорского реагирования является представление. Данная мера обязывает соответствующие компетентные должностные лица незамедлительно устранять нарушения⁴.

Таким образом, следует отметить, что особенности прокурорского надзора помогут в полной мере решить возникающие проблемы с соблюдением конституционных норм и исполнением законодательства в сфере образования и позволят в полной мере достичь эффективности в надзоре, осуществляемом органами прокуратуры в данном направлении.

---

¹ Щедрин Н.В. Антикоррупционные ограничения // Преступность и коррупция: современные и российские реалии / Сборник научных трудов под ред. д.ю.н., проф. Н.А. Лопашенко. - Саратов, Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции: Сателит, 2003. 254 С.

² Капинус О.С. Прокурорский надзор за исполнением законов: состояние и перспективы развития // Законность. 2013. N 7, С. 3 – 9.

³ Чаннов С.Е. Конфликт интересов педагога // ЭЖ-Юрист. N 25, 2013. С.12.

⁴ Супрун С.В. Прокурорский надзор и ведомственный контроль: соотношение и перспективы развития // Российская юстиция. 2011. N 1. С. 46.

V

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРАВА

УДК 347.9

М.Г. БУБЁНОВ

научный руководитель
профессор Н.А. ВАСИЛЬЧИКОВА

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ ДЕЛ О ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ

На сегодняшний день экономический оборот устроен так, что зачастую недобросовестные субъекты предпринимательской деятельности нарушают исключительные права других, более добропорядочных участников оборота. Ситуация усугубляется тем, что о нарушении своего исключительного права, правообладатель может даже не подозревать и не предъявлять каких-либо требований, следовательно, интересы оборота могут на протяжении продолжительного срока оставаться ущемленными. Особая значимость участия прокурора для пресечения подобных случаев отмечается в разъяснениях Пленума ВАС РФ, сформулированных в абз. 3 п. 1: «Арбитражным судам следует иметь в виду, что прокурор вправе обратиться в арбитражный суд, в частности, с требованием о ликвидации юридического лица вследствие неоднократного или грубого нарушения этим юридическим лицом исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и на средства индивидуализации, а также с требованием о сносе самовольной постройки в целях защиты публичных интересов (статьи 1253, 222 Гражданского кодекса Российской Федерации)»¹.

---

¹ О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе : Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 // Вестник ВАС РФ. 2012. № 5.

В научной среде к норме, уполномочивающей прокурора инициировать дело о ликвидации, отношение расходится. Одни критикуют её за возможность использования в коррупционных «схемах»¹, а также за слишком широкую дискрецию понятий², упомянутых в норме. Наличествует также мнение о возможном признании данной нормы неконституционной³. Другие, напротив, дают ей крайне высокую оценку⁴. Вместе с тем следует указать, что для иностранного законодательства характерно возложение ответственности за грубое нарушение исключительного права на учредителей юридических лиц, хоть реальными правонарушителями были их работники или служащие. Так, параллельная ответственность работника, совершившего нарушение интеллектуального права, и собственника юридического лица, персонально не совершавшего неправомерных действий, предусмотрена нормами § 152 Патентного закона Швейцарской Конфедерации, § 99 Закона ФРГ об авторском праве и смежных правах, п. 2 § 88 Закона Австрии об авторском праве на произведения литературы и искусства и о смежных правах⁵.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что в настоящий момент исковых заявлений на основании ст. 1253 ГК РФ за все время существования рассматриваемой нормы прокурорами было предъявлено чрезвычайно мало. К тому же выводу приходят и другие исследователи данной проблемы⁶.

Правоведы, занимающиеся проблемами прокурорской деятельности, не раз констатировали необходимость увеличить число обращений в суд на основании ст. 1253 ГК РФ. Так, один из авторов отмечает в своей работе, что «прокурору следует использовать предоставленное ст. 1253 ГК РФ полномочие по обращению в суд с заявлением о ликвидации юридического лица»⁷.

Для правомерной ликвидации юридического лица требуется установление таких обстоятельств, как неоднократность нарушения или его грубость. На первый взгляд представляется, что установление неоднократности нарушения, под которой понимается совершение правонарушения два и более раза, не представляет особой сложности. До недавнего времени было достаточно наличие акта о привлечении лица к какому-либо виду юридической ответственности. Так, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области, удовлетворил иски требования прокурора о ликвидации юридического лица по правилам ст. 1253 ГК РФ, основываясь на наличии судебных актов о привлечении ответчика к гражданско-правовой ответственности за незаконное использование результатов интеллектуальной деятельности⁸.

¹ Еременко В.И. Об ответственности за нарушение патента в Российской Федерации // Адвокат. 2012. С. 5-15.

² Лопатин В.Н. Семь уроков кодификации законодательства об интеллектуальной собственности // Юридический мир. 2014. № 1 С. 10-18.

³ Авдонина О.С. К вопросу о соразмерности нарушения исключительных прав на примере ликвидации юридического лица как способа защиты // Власть закона. 2016. № 4(28). С. 182-188.

⁴ Яковлев В.Ф. Избранные труды: Т. 2 Гражданское право: история и современность: кн. 2. М.: Статут, 2012. С. 58.

⁵ Крупко С.И. Деликтные обязательства в сфере интеллектуальной собственности в международном частном праве: монография. М.: Статут, 2018. С. 48.

⁶ Константинов К.Б. Проблемные аспекты реализации положений ст. 1253 ГК РФ в прокурорской деятельности // Криминалистика. 2018. №3(24) С. 42-45.

⁷ Паламарчук А. В. Актуальные вопросы прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства. М., 2014. С. 276.

⁸ Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 7 апр. 2011 года по делу А56-17777/2011 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/1b258d6a-c4d9-472b-b6d6-0c56dfe756b6> (05.11.2019).

Необходимо отметить, что к настоящему моменту сформулированы и правовые позиции высших судебных инстанций, «сдерживающие» применение рассматриваемой нормы. Так, Конституционный Суд РФ указал: «отсутствие в статье 61 ГК РФ конкретного перечня положений, нарушение которых может привести к ликвидации юридического лица, то есть его прекращению без перехода прав и обязанностей в порядке правопреемства, не означает, что данная санкция может применяться по одному лишь формальному основанию - в связи с неоднократностью нарушений обязательных для юридических лиц правовых актов. Исходя из общеправовых принципов юридической ответственности (в том числе наличия вины) и установленных статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации критериев ограничения прав и свобод, соблюдение которых обязательно не только для законодателя, но и для правоприменителя, оспариваемая норма предполагает, что неоднократные нарушения закона в совокупности должны быть столь существенными, чтобы позволить арбитражному суду с учетом всех обстоятельств дела, включая оценку характера допущенных юридическим лицом нарушений и вызванных им последствий, принять решение о ликвидации юридического лица в качестве меры, необходимой для защиты прав и законных интересов других лиц»¹. Пленум Верховного Суда РФ, в свою очередь, отметил, что «неоднократность нарушения законодательства сама по себе не может служить основанием для принятия судом решения о ликвидации юридического лица. Такая исключительная мера должна быть соразмерной допущенным юридическим лицом нарушениям и вызванным ими последствиям»².

Разъяснения высших судов, направленные на исключение формализма в правоприменительной практике, создали условия, при которых нет точного понимания того, установление каких фактов будет достаточно для ликвидации юридического лица по основанию неоднократности нарушения. Так, по одному из дел³ суд первой инстанции удовлетворил исковое заявление заместителя прокурора Свердловской области о прекращении деятельности Р. в качестве индивидуального предпринимателя в связи с неоднократным нарушением исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. В описательно-мотивировочной части судом было указано, что ответчик ранее неоднократно привлекался к ответственности по ч. 2 ст. 14.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Судом установлены факты нарушения прав правообладателей «Рибок Интернэшнл Лимитед», Adidas AG и Найк Иновейт СВ, Ферерасьенр Интернасьональ де футбол Ассосиасьон (FIFA), а также пренебрежения к соблюдению возложенных законом обязанностей в сфере предпринимательской деятельности, а именно факт совершения ответчиком в период с 2016 по 2018 года административных правонарушений, связанных с нарушением прав на товарные знаки, а также отягчающие вину обстоятельства – повторное совершение административного правонарушения, учитывая, что го-

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 35 Федерального закона «Об акционерных обществах», статей 61 и 99 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации и статьи 14 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А.Б. Борисова, ЗАО «Медиа-Мост» и ЗАО «Московская Независимая Вещательная Корпорация»: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2003 № 14-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

² О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

³ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 2 окт. 2018 года по делу А60-56773/2018 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/8ee6a309-5b06-4c18-aad5-26a564e321c5> (05.11.2019).

дичный срок привлечения к административной ответственности не истек. В последующем, решение суда первой инстанции обжаловалось в апелляционном и кассационном порядке. Апелляция оставила решение суда первой инстанции без изменения. В свою очередь, в кассационной инстанции упомянутые судебные акты были отменены и отправлены на новое рассмотрение. Наряду с этим суд указал, что нижестоящие суды при рассмотрении искового заявления заместителя прокурора Свердловской области, ограничились лишь формальным подходом, не установили в полной мере фактические обстоятельства дела, не исследовали соразмерность такой исключительной меры как прекращение деятельности предпринимателя допущенным ответчиком нарушениям и наступившим последствиям, не дали оценки приведенным ответчиком возражениям, не установили, имеются ли в наличии обстоятельства возмещения ответчиком в добровольном порядке ущерба правообладателям, принесения им письменных извинений, наступления каких-либо существенных негативных последствий для обладателей товарных знаков.

Следует отметить, что противоположным образом ситуация сложилась в Томской области. По одному из дел¹ суд первой инстанции отказал прокурору в удовлетворении требования о ликвидации юридического лица, в последующем, суд апелляционной инстанции оставил решение без изменения, в свою очередь, суд кассационной инстанции решение нижестоящих судов отменил и направил на новое рассмотрение. При рассмотрении дела в суде первой инстанции на «втором круге» прокурор представил судебные акты о привлечении ответчика к административной ответственности за нарушение исключительного права, совершенные в период рассмотрения дела. В ходе рассмотрения дела, Арбитражный суд Томской области пришел к тому, что ответчик продемонстрировал грубое неуважение к нормам права, предоставляющим защиту обладателям исключительных прав, продолжил противоправную деятельность, несмотря на неоднократное привлечение его к гражданско-правовой и административной ответственности, не устранил нарушения в ходе производства по делу. По итогу суд иски прокурора удовлетворил.

Ещё более неоднозначным и сложным представляется определение того, что следует понимать под грубым нарушением. В теории прокурорской деятельности Ю.Б. Борисовой предлагаются следующие критерии грубости нарушения: 1) повлекло причинение вреда в крупном размере; 2) нацелено на извлечение прибыли в крупном размере; 3) противоречит общественным интересам (в сфере здравоохранения, экологии, безопасности государства), а также принципам гуманности и морали². Однако и здесь правоприменительная практика не даёт критериев для определения того, какие нарушения считать грубыми.

Таким образом, автор приходит к выводу о том, что проблема, связанная с отсутствием практики применения ст. 1253 ГК РФ, представляет собой некий «замкнутый круг». Для понимания того, что следует считать неоднократным или грубым нарушением исключительного права, требуется достаточный массив дел, рассматривая который, суды смогут выработать критерии определения данных понятий. В тоже время для того, чтобы прокуроры более активно использовали полномочия, вытекающие из ст. 1253 ГК РФ, и обеспечили обширный массив дел, необходимо установление этих критериев уже сейчас.

¹ Решение Арбитражного суда Томской области от 29 июля 2018 года по делу А67-7424/2018 [Электронный ресурс] // Картоoteca арбитражных дел URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/244a0c55-72f7-42f3-ac18-8d54e713c3b9> (05.11.2019).

² Борисова Ю.В. Обращение прокурора в суд с заявлением о ликвидации юридического лица по делам о защите прав в сфере интеллектуальной собственности // Закон и Право. 2013. № 1. С. 95-96.

МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Альтернативные процедуры урегулирования споров, к которым относятся и примирительные процедуры, являются одним из приоритетных направлений развития в сфере российского гражданского процессуального права. В свою очередь, процедура медиации признается наиболее гибким способом, позволяющим сторонам контролировать результаты в рамках структурированного процесса.

Традиционно медиация представляет собой переговорный процесс с участием и помощью медиатора, во время которого стороны сами находят выход из конфликтной ситуации¹. В процессе переговоров обе конфликтующие стороны садятся за стол переговоров и под управлением медиатора осуществляют поиск выхода из сложившегося спора. Таковой способ сам по себе позволяет облегчить общение между сторонами посредством структурированного, конфиденциального процесса, проводимого нейтральной третьей стороной, в ходе которого стороны могут прояснить спорные вопросы, выявить основные интересы и изучить возможные решения.

По сравнению с разбирательством в судебном порядке процедура медиации имеет целый ряд преимуществ. Она позволяет всем участникам выйти из конфликта победителем при отсутствии побеждённых². Стоит также отметить, что стороны вправе разрешать конфликт в порядке, который они самостоятельно определяют в соглашении о проведении процедуры медиации. К тому же стороны определяют личность медиатора, который помогает им в урегулировании спора. В судебном же порядке такие моменты, как место, время, порядок проведения заседания, личность судьи, не могут быть изменены по волеизъявлению сторон. Еще одним немаловажным преимуществом является возможность сохранить сторонам партнерские, дружеские отношения, а также уменьшить риск принятия неблагоприятного решения, поскольку разрешение конфликта происходит «в атмосфере психологического комфорта, сотрудничества и доверительности»³.

Однако институт медиации широкого распространения так и не получил. В научной литературе бытует мнение, что причина невостребованности процедуры альтернативного урегулирования споров с помощью медиатора кроется в недостаточной информированности⁴. Закон о медиации не регламентирует, каким образом должна быть собрана, проверена и распространена информация о медиаторах

¹ Судогина Е.В. Медиация в гражданском и арбитражном процессе // Вопросы российского и международного права. Изд. Аналитика Родис. Москва. 2018. № 10А. С. 40.

² Березин Н.М. О медиации в современном обществе // Медиация в современном обществе: проблемы и перспективы развития. Курск. 2019. С. 38.

³ Буянова Е.В. Медиация и мировое соглашение в гражданском и арбитражном процессе: проблемы соотношения // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2017. № 31. С. 47.

⁴ Тюльканов С.Л. Становление медиации в Российской Федерации // Психологическая наука и образование. 2014. Т. 19. № 2. С. 35.

и организациях, оказывающих медиативные услуги. Не только граждане, но и российские суды часто не обладают достаточной степенью осведомленности о наличии медиаторов, практикующих в ближайших районах и регионах¹.

Кроме того, в Российской Федерации граждане привыкли разрешать споры в судебном порядке и не ориентированы на поиск сотрудничества. У людей возникает преждевременная уверенность в бесполезности процедуры медиации. Они начинают воспринимать ее как лишнюю трату времени и ресурсов, а также относиться к сделанному судьей предложению, как к попытке уклониться от выполнения прямых обязанностей по рассмотрению дела и вынесению законного решения².

Серьезным препятствием на пути развития практики применения медиации также является ряд процессуальных проблем, например, возможность безнаказанно отказаться от выполнения возложенных медиативным соглашением обязательств.

Таким образом, процедура медиативного урегулирования конфликтов является весьма перспективной, однако наличие ряда сложностей не позволяет ей достичь планируемой эффективности.

Процедура медиации может проводиться во внесудебном порядке (когда стороны вообще не имеют намерения обращаться в судебные инстанции для разрешения возникшего спор), а также в рамках судебного процесса (когда спор уже передан на рассмотрение суда или третейского суда, и стороны имеют возможность передать данный его на рассмотрение с участием медиатора). При этом стоит отметить, что после начала судебного разбирательства или третейского разбирательства инициатива передачи дела для применения процедуры медиации может исходить как от самих сторон, так и от судьи или третейского судьи.

При использовании альтернативного способа урегулирования конфликтов с участием медиатора после передачи дела в суд существует два пути развития.

В случае, если стороны достигли полного соглашения по всем имеющимся вопросам спора, то медиативное соглашение может быть утверждено судом в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством или законодательством о третейских судах (за исключением случаев, прямо предусмотренных федеральным законом)³. Согласно ст. 220 ГПК РФ утверждение медиативного соглашения в качестве мирового является основанием для прекращения производства по делу. К тому же, немаловажной особенностью является тот факт, что у сторон медиативного соглашения, утвержденного в качестве мирового судом, появится возможность принудительного исполнения соглашения на основании исполнительного документа, что является немаловажной гарантией на случай неисполнения или ненадлежащего исполнения взятых на себя субъектами медиативного соглашения обязательств.

Второй ситуацией является случай, когда медиативное соглашение достигнуто в части заявленных требований, и, кроме того, оно не может быть утверждено судом в качестве мирового. В таком случае мы видим следующее: в части, где было достигнуто соглашение, происходит отказ от иска, и судебное производство по делу прекращается, оставшиеся же требования будут рассмотрены в судебном порядке.

¹ Шамликашвили, Ц.А. Бюллетень Федерального института медиации. 2014 год / Науч. ред. Ц.А. Шамликашвили. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2015. Т.1. С. 16.

² Холодионова Ю.В. О правовых возможностях медиации или почему медиация медленно внедряется в гражданский и арбитражный процесс // Академический вестник. 2015. № 1 (31). С. 236.

³ Решетникова О. М. Процессуальные аспекты применения процедуры медиации // Развитие медиации в России: теория, практика, образование : сборник статей / под ред. Е. И. Носырева, Д. Г. Фильченко. М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 163.

Закон о медиации закрепляет, что медиативное соглашение подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Следовательно, в представленной ситуации кроется основная проблема – поскольку медиативное соглашение не является обязательным для сторон и не гарантируется его исполнение государством, другая сторона может перестать исполнять достигнутые в результате медиации договоренности. И в силу того, что судебное разбирательство по делу было прекращено в силу отказа от иска либо признания иска, то пострадавшая сторона лишилась возможности обратиться в суд за защитой своих невосстановленных прав.

В силу сложившейся проблемы в судебной практике появилось достаточное количество исков с требованием исполнения медиативного соглашения. Так, истец по рассматриваемому делу обратилась в суд с иском о возложении обязанности исполнить условия медиативного соглашения. Лебедянский районный суд Липецкой области отказал в удовлетворении исковых требований истца, мотивируя свое решение тем, что медиативное соглашение заключено сторонами по делу в результате процедуры медиации, проведенной после передачи спора на рассмотрение суда, не было утверждено судом в качестве мирового соглашения, соответственно принудительному исполнению данное медиативное соглашение не подлежит¹.

Мы считаем, что российское законодательство не должно оставлять возможности для недобросовестного отношения к исполнению возложенных обстоятельств без последствий. Кроме того, при решении данной проблемы количество подобных исков в суд сократится до нуля.

Мы предлагаем урегулировать значение заключения медиативного соглашения таким образом, чтобы исключить возможность отказа от выполнения стороной обязательств. Для этого необходимо установить государственный контроль, придав медиативному соглашению статус исполнительного документа. Это позволит стороне, пострадавшей от недобросовестного отношения к установленным обязательствам, обратиться в Федеральную службу судебных приставов с целью защиты своих прав.

Таким образом, медиация имеет важное значение для эффективно функционирующего современного общества, однако является еще достаточно «хрупким» институтом. Только решив все проблемы, мы сможем добиться успешного внедрения ее в российских условиях и извлечь все ее достоинства.

---

¹ Решение Лебедянского районного суда Липецкой области от 28 мая 2018 г. по делу № 2-368/2018 [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/CG2ruiNK8mJQ/>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ АВТОРСКИХ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Материалы, предназначенные для опубликования, направляются в Редакционную коллегию журнала на электронный адрес: almanakh2016@mail.ru.

Отдельными файлами предоставляются:

единым документом: информация об авторе (ФИО), информация о научном руководителе, УДК, текст статьи; материалы, необходимые для РИНЦ: информация об авторе, название статьи, аннотация и ключевые слова, переведенные на английский язык (образец см. в Приложении 1 к Положению о периодическом печатном издании «Альманах молодого исследователя», размещенному на сайте Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации). Название файла: Фамилия И.О. статья (например, Иванов И.И. статья); файл желательно сохранять в формате RTF;

отсканированная рецензия научного руководителя, заверенная печатью учебного заведения (в случае отсутствия рецензии научного руководителя Редколлегия материалы не рассматривает). Название файла: Фамилия И.О. рецензия (например, Иванов И.И. рецензия);

полная информация об авторе: ФИО полностью, название учебного заведения, статус (бакалавриат/специалитет/магистратура/аспирантура), курс, номер телефона, адрес электронной почты). Название файла: Фамилия И.О. инф. об авторе (Иванов И.И. инф. об авторе).

Рекомендуемый объем материала от 8 000 до 15 000 знаков, включая пробелы между словами и сноски (измеряется объем всего материала, включая данные для РИНЦ).

Публикация статей осуществляется в авторской редакции. За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы).

Текст должен быть набран в редакторе Word for Windows; поля: верхнее, нижнее – 17 мм; левое – 19 мм; правое – 20 мм; нумерация страниц располагается внизу по центру; код УДК располагается в левом верхнем углу первого листа (для определения УДК можно воспользоваться Приложением 2 или определить самостоятельно, воспользовавшись соответствующим ресурсом, например, <http://xn----6kccid8acl5ahhfdesjvr2ah5mpd.xn--plai/udk>; гарнитура «TimesNewRomanСуг», расстояние между строками текста – 1,5 интервала, между текстом и заголовками – 1 строка, заголовок – жирным шрифтом, прописными буквами, размер шрифта текста – 14, сноска – 12, абзацный отступ – 1,25, выравнивание – по ширине, перенос – автоматический; ширина таблицы должна соответствовать ширине наборной полосы издания – 150 мм (если таблица будет располагаться на полосе «лежа», ее ширина не должна превышать 210 мм); размер шрифта текста внутри таблиц – 9; при оформлении сносок не используются тире и дефисы; рисунки, иллюстрации, фотографии должны быть представлены в отдельном файле в электронном виде; при фактическом размере изображения в публикации они должны иметь полиграфическое разрешение не менее 300 точек/дюйм; для обозначения номера нормативного акта в тексте и сносках используется знак №; для обозначения кавычек используется знак «»; при ссылке на научные труды конкретного автора необходимо учитывать, что в тексте статьи и в сносках инициалы ученого помещаются после фамилии – Белкин Р.С.; ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» текст статьи должен быть оригинальным (не менее 60 % оригинальности по результатам системы EtxtАнтиплагиат); текст статьи должен соответствовать правилам русского языка (наличие чрезмерного количества орфографических, грамматических, речевых, логических, синтаксических, пунктуационных ошибок является основанием для отказа в публикации работы).

Подробнее с порядком приема работ и формирования выпусков научного издания можно ознакомиться в Положении о периодическом печатном издании «Альманах молодого исследователя» Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
УНИВЕРСИТЕТА ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ДЛЯ СТУДЕНТОВ

В 2020–2021 гг.

Название мероприятия	Форма участия	Публикация	Время проведения
2020 г.			
Ежегодная всероссийская интернет-конференция «Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза»	заочная	да	май-октябрь
IV Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы прокурорской деятельности». (Прокуратура вчера, сегодня, завтра)	очная заочная	да	октябрь
Ежегодный криминалистический форум «Санкт-Петербургская школа криминалистики» / молодежная секция	очная с выступлением / без выступления заочная	да	октябрь
VI ежегодная научно-практическая конференция «Уголовное право России: состояние и перспективы. Преступления против общественной безопасности (Волженкинские чтения)» / молодежная секция	очная заочная	да	ноябрь
Межвузовская студенческая Олимпиада по истории государства и права России и зарубежных стран	очная	нет	ноябрь
Межвузовская олимпиада по арбитражному процессу	очная	нет	декабрь
2021 г.			
XI Межвузовская олимпиада по уголовному процессу и криминалистике	очная	нет	март-апрель
Межвузовская неделя науки в рамках форума «Университетская весна»	очная	нет	апрель
XII Всероссийская научная конференция с международным участием «Актуальные проблемы права, государства и экономики»	очная заочная	да	апрель
III Межвузовская студенческая олимпиада по гражданскому процессу	очная	нет	апрель
Ежегодная всероссийская интернет-конференция «Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза»	заочная	да	май-октябрь

**ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ РОССИЙСКОГО ИНДЕКСА
НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ**

<p>АСРЯН Армен Лаврентьевич, студент 4 курса Юридического Факультета Донецкого Национального Университета</p> <p>МАНИВЛЕЦ Элина Евгеньевна, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического Факультета Донецкого Национального Университета, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЯХ</p> <p>В статье рассматриваются проблемы, возникающие при расследовании и доказывании по делам о преступлениях в сфере информационных технологий. На основании анализа теоретических положений науки уголовного процесса, действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики, раскрываются основные понятия по теме преступности в виртуальном пространстве, а также выдвигаются предложения по совершенствованию правового механизма в сфере борьбы с киберпреступностью</p> <p>Ключевые слова: уголовный процесс, доказывание, киберпреступность, информационные технологии, виртуальное пространство, сеть, интернет</p>	<p>ASRYAN Armen L., 4th-year student of the Law Faculty of Donetsk National University</p> <p>MANIVLETS Elina E., Associate Professor of the Criminal Law and Procedure Department of the Law Faculty of Donetsk National University, PhD in Law, Associate Professor</p> <p>CRIMINAL PROCEDURAL PROBLEMS OF PROOF AND INVESTIGATION OF CYBER CRIMES</p> <p>The article discusses the problems that arise in the proof and investigation of criminal cases in the field of information technology. Based on the theoretical analysis of the criminal proceeding study, the current criminal procedure legislation and law enforcement practices, the basic concepts related to criminal activity in cyberspace are revealed as well as proposals to improve the legal route for cybercrime prevention, are put forward</p> <p>Key words: criminal procedure, proof, cyber-crime, information technology, virtual space, network, Internet</p>
<p>БЕЛЕВА Мария Олеговна, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ДАНИЛОВА Наталья Алексеевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ФАКТА ПОЛУЧЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ ВЗЯТКИ В ВИДЕ НЕЗАКОННОГО ОКАЗАНИЯ УСЛУГ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА</p> <p>В статье рассматривается вопрос о сложности доказывания факта получения должностным лицом предмета взятки в виде незаконного оказания услуг имущественного характера. Автор сформулирован примерный перечень доказательств, по результатам изучения которых представляется возможным установить факт получения должностным лицом взятки в виде услуги (работы)</p> <p>Ключевые слова: получение взятки; предмет взятки; незаконное оказание услуг имущественного характера; доказывание; примерный перечень доказательств</p>	<p>BELEVA Maria O., 2st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>DANILOVA Natalia A., Professor at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>PROBLEMS OF PROVING THE FACT OF RECEIVING A BRIBE BY AN OFFICIAL IN THE FORM OF ILLEGAL PROVISION OF SERVICES OF A PROPERTY NATURE</p> <p>In the article, the author considers the issue about complexity of proving receipt by an official of the object of bribe in the form of illegal provision of services of a property nature. The author compiled an approximate list of evidence, studying which it is possible to establish the fact of receiving a bribe by an official in the form of a service (work)</p> <p>Key words: receiving a bribe; object of a bribe; illegal provision of services of a property nature; proof; approximate list of evidence</p>

<p>БОГДАНОВ Никита Евгеньевич, студент 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ЛОМАКИНА Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПРАВА КАК ОСНОВАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОПОНИМАНИЯ</p> <p>В статье рассматривается постклассический подход к пониманию права как основание современного правового мышления. Автор акцентирует внимание на определённом кризисе в теории правопонимания, вызванным сменой парадигм познания. Этот кризис преодолевается с помощью нового типа мышления, в котором, по мнению автора, выделяются диалогическая и коммуникативная концепции</p> <p>Ключевые слова: парадигмы познания, постмодернизм, постструктурализм, постклассический подход к правопониманию, диалогическая концепция, коммуникативная концепция</p>	<p>BOGDANOV Nikita E., 2nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>LOMAKINA Irina B., Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>POSTCLASSICAL THEORY OF LAW AS THE BASIS OF LAW MODERN</p> <p>The article discusses the postclassical approach to the understanding of law as the foundation of modern legal thinking. The author focuses on a certain crisis in the theory of law caused by the change of paradigms of knowledge. This crisis is overcome by a new type of thinking, which, in my opinion, stand out dialogic and communicative concept</p> <p>Key words: paradigm of knowledge, postmodernism, poststructuralism, postclassical approach to legal thinking, the concept of dialogical, communicative concept</p>
<p>БОЯРИНЦЕВ Андрей Александрович, аспирант Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ШАДРИН Виктор Сергеевич, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ДУАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА, ПРИВЛЕКАЕМОГО К УЧАСТИЮ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ В ОТНОШЕНИИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ</p> <p>В статье рассматриваются проблемы, возникающие при определении правового статуса лиц, привлекаемых к участию в процессуальных действиях в отношении соучастников преступления. На основе анализа правовых норм, регламентирующих правовое положение лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, а также различных позиций, высказанных в научной литературе по данному вопросу, выдвигается и аргументируется тезис о необходимости выработки универсальных правил привлечения лиц по уголовным делам в отношении соучастников преступлений</p> <p>Ключевые слова: свидетель, лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, процессуальная заинтересованность, обеспечение прав обвиняемого, обвиняемый, соучастник преступления</p>	<p>BOYARINTSEV Andrey A., graduate student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>SHADRIN Viktor S., Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation, doctor of law, Professor</p> <p>DUALISTIC ASPECTS OF THE PROCEDURAL STATUS OF A PERSON INVOLVED IN A CASE INVOLVING ACCOMPLICES IN A CRIME</p> <p>The article deals with the problems arising in determining the legal status of persons involved in the proceedings against accomplices. Based on the analysis of legal rules governing the legal status of a person against whom a criminal case is allocated in separate manufacture in connection with the conclusion of with the pre-trial agreement on cooperation, as well as the different positions expressed in the scientific literature on this issue, as well as law enforcement practice extends and substantiates the thesis about the need to develop universal rules for attracting persons in criminal cases against the accomplices of the crimes</p> <p>Key words: a witness, a person who has entered into a pre-trial agreement on cooperation, procedural interest, ensuring the rights of the accused, the accused, an accomplice to a crime</p>

<p>БУБЁНОВ Максим Геннадьевич, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ВАСИЛЬЧИКОВА Нина Александровна, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В РАССМОТРЕНИИ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ ДЕЛ О ЛИКВИДАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА И ПРЕКРАЩЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В СВЯЗИ С НАРУШЕНИЕМ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ</p> <p>В статье рассматриваются научные подходы относительно полномочий прокурора по инициированию рассматриваемой категории дел. Анализируются обстоятельства, требующие установления судом (неоднократность нарушения и/или грубость нарушения). Ставится вопрос о законодательном определении четких критериев грубости нарушения</p> <p>Ключевые слова: арбитражный процесс, прокурор, ликвидация юридического лица, прекращение деятельности, нарушение исключительных прав</p>	<p>BUBENOV Maxim G., 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>VASILCHEKOVA Nina A., Head of the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>PROBLEMS OF PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR IN THE CONSIDERATION OF ARBITRATION COURT OF CASES ON LIQUIDATION OF A LEGAL ENTITY AND TERMINATION OF THE ACTIVITY OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR IN CONNECTION WITH VIOLATION OF EXCLUSIVE RIGHTS</p> <p>The article discusses the scientific approaches regarding the powers of the prosecutor to initiate the considered category of cases. The circumstances that need to be established by the court (frequency of violation and / or gross violation) are analyzed. The question is raised of the legislative definition of clear criteria for the gross violation</p> <p>Key words: arbitration process, Prosecutor, liquidation of a legal entity, termination of activity, violation of exclusive rights</p>
<p>ВЬЮХИНА Юлия Александровна, ПАВКОВА Ксения Сергеевна, студентки 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>АМПЛЕЕВА Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК КОНВЕНЦИОНАЛЬНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ</p> <p>В статье рассматриваются различные подходы к понятию международного терроризма и способов борьбы с ним на международном уровне. Внимание акцентируется на конвенциональности данного понятия с учётом существующих проблем</p> <p>Ключевые слова: международное право, ООН, терроризм, конвенциональное преступление</p>	<p>VYUKHINA Julia A., PAVKOVA Kseniya S., 2nd year students of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>AMPLEEVA Elena E., Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor</p> <p>INTERNATIONAL TERRORISM AS A CONVENTIONAL INTERNATIONAL CRIMINAL OFFENCE</p> <p>The article discusses different approaches to the notion of international terrorism and ways to combat it at the international level. Attention is focused on the convention of this concept taking into account existing problems</p> <p>Key words: international law, UN, terrorism, conventional crime</p>

<p>ГАЛЕКБАРОВ Герман Викторович, студент 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ШЕРЕМЕТЬЕВ Леонид Александрович, студент 4 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ВАСИЛЬЕВА Яна Юрьевна, заведующая кафедрой уголовного права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ВИНЫ В ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ ст. 264 УК РФ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА</p> <p>В статье рассматриваются неразрешенный по настоящее время спор о форме вины в преступлениях, связанных с нарушением специальных правил, в т. ч. правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. На основе анализа судебной практики делается вывод о том, что суды, описывая в приговоре субъективную сторону совершенного преступления, связанного с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, создают конструкцию вида вины, не предусмотренной действующим уголовным законом</p> <p>Ключевые слова: дорожно-транспортная преступность, форма вины, специальные правила, судебная практика</p>	<p>GALEKBAROV German V., 4-year student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>SHEREMETEV Leonid A., 4-year student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>VASILYEVA Yana Yu., Head of the Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Law, associate Professor</p> <p>ON THE QUESTION OF THE CONTENT OF GUILT IN A CRIME UNDER ARTICLE 264 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THEORY AND PRACTICE</p> <p>The article deals with the unresolved dispute about the form of guilt in crimes related to the violation of special rules, including the rules of traffic and vehicle operation. Based on the analysis of judicial practice, it is concluded that the courts, describing in the verdict the subjective side of the committed crime related to violation of traffic rules and vehicle operation, create a construction of a type of guilt that is not provided for by the current criminal law</p> <p>Key words: road transport crime, form of guilt, special rules, judicial practice</p>
<p>ГРИШАНИН Александр Юрьевич, студент 4 курса Уральского государственного юридического университета</p> <p>ДАВЛЕТОВ Ахтям Ахатович, профессор кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА В ПОРЯДКЕ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ</p> <p>В статье анализируются процессуальные проблемы производства по прекращению уголовного дела с назначением судебного штрафа в стадии предварительного расследования. В статье отражены результаты анализа нормативного материала, аргументируются тезисы о фактическом инициаторе процедуры стороной защиты</p> <p>Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, судебный штраф, сторона защиты, сторона обвинения</p>	<p>GRISHANIN Alexander Y., 4th year student of The Ural State Law University</p> <p>DAVLETOV Akhtyam A., Professor of the criminal procedure Department of The Ural State Law University, doctor of law, Professor</p> <p>PROBLEMS OF IMPROVING THE PROCEDURE TERMINATION OF A CRIMINAL CASE BY APPOINTMENT OF THE COURT OF PENALTY IN SPECIAL PROCEEDINGS IN THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION</p> <p>The article analyzes the procedural problems of the proceedings on the termination of a criminal case with the appointment of a judicial fine at the stage of preliminary investigation. The article reflects the results of the analysis of normative material, Argues theses about the actual initiator of the procedure by the defense party</p> <p>Key words: termination of criminal case, termination of criminal prosecution, judicial fine, defense, prosecution</p>

<p>ДАНИЛОВ Даниил Александрович, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ЛОМАКИНА Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: К КРИТИКЕ ГАРАНТИЙНОГО ПОДХОДА</p> <p>В статье рассматривается ряд подходов к факторам, лежащим в основе обеспечения законности. Автором приводится критика так называемого «гарантийного» подхода к средствам обеспечения законности. Указывается на необходимость формирования нового комплексного подхода, учитывающего субъективные и объективные факторы</p> <p>Ключевые слова: законность, гарантии законности, обеспечение законности, демократия, совершенствование законодательства</p>	<p>DANILOV Daniil A., 1nd year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>LOMAKINA Irina B., Professor at the Department of theory and history of state and law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Full Professor</p> <p>ENSURING LEGALITY IN MODERN CONDITIONS: TO CRITICISM OF WARRANTY APPROACH</p> <p>The article discusses a number of approaches to the factors underlying the rule of law. The author criticizes the so-called "guarantee" approach to the means of ensuring the rule of law. The need for the formation of a new integrated approach that takes into account subjective and objective factors is indicated</p> <p>Key words: legality, guarantees of legality, ensuring the rule of law, democracy, improvement of legislation</p>
<p>ЗАЙЦЕВА Ольга Анатольевна, аспирант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ДАНИЛОВА Наталья Алексеевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридически наук, профессор</p> <p>ХИЩЕНИЯ ГРУЗОВ ИЗ ПОДВИЖНОГО СОСТАВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ</p> <p>Статья посвящена анализу ряда проблем, возникающих при расследовании и поддержании государственного обвинения по уголовным делам о хищении грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта</p> <p>Ключевые слова: хищение, груз, подвижной состав, преступление, подготовка и поддержание государственного обвинения</p>	<p>ZAYCEVA Olga A., graduate student of a 2 course of the Saint Petersburg legal institute (branch) of university of office of public prosecutor of Russian Federation</p> <p>DANILOVA Natalya A., Professor at the Department of Criminal Procedure and Criminology, St. Petersburg Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor</p> <p>THEFT OF GOODS FROM ROLLING STOCK OF RAILWAY TRANSPORT: CURRENT ISSUES OF INVESTIGATION AND MAINTENANCE OF PUBLIC PROSECUTION</p> <p>The article is devoted to the analysis of a number of problems arising in the investigation and maintenance of the state prosecution in criminal cases of theft of goods from rolling stock of railway transport</p> <p>Keywords: theft, cargo, rolling stock, crime, preparation and maintenance of state charges</p>
<p>ЗАЙЦЕВА Полина Алексеевна, магистрант 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p>	<p>ZAYTSEVA Polina A., 1st year master student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p>

<p>КРАЕВ Денис Юрьевич, доцент кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ПРЕДМЕТЕ ДОВЕДЕНИЯ ДО САМОУБИЙСТВА (ст. 110 УК РФ)</p> <p>В статье рассматриваются проблемы квалификации преступления, предусмотренного статьей 110 УК РФ, связанные с определением объекта и предмета доведения до самоубийства. На основе анализа научных публикаций, действующего уголовного законодательства и правоприменительной практики формулируется и аргументируется авторская позиция об объекте и предмете доведения до самоубийства</p> <p>Ключевые слова: доведение до самоубийства, объект доведения до самоубийства, предмет доведения до самоубийства, суицид, личность, статья 110 Уголовного кодекса Российской Федерации</p>	<p>KRAEV Denis Y., associate Professor of the Department of criminal law, criminology and criminal enforcement law of the Saint Petersburg legal Institute (branch) of the University Prosecutor's office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor</p> <p>TO THE QUESTION ABOUT THE OBJECT AND THE SUBJECT OF INCITEMENT TO SUICIDE (art. 110 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)</p> <p>In the article problems of qualification of crime provided by article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation relating to the definition of the object and the subject of incitement to suicide. Based on the analysis of scientific publications, current criminal legislation and law enforcement practice, the author's position on the object and subject of incitement to suicide is formulated and argued</p> <p>Key words: incitement to suicide, object of incitement to suicide, the subject of incitement to suicide, suicide, personality, article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation</p>
<p>КАРАВАЕВ Глеб Алексеевич, бакалавр 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>КУСТОВ Михаил Николаевич, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОВ АДМИНИСТРАЦИЯМИ МЕСТ СОДЕРЖАНИЯ ЗАДЕРЖАННЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ ПОД СТРАЖУ</p> <p>В статье рассматриваются проблемные моменты, возникающие при проведении прокурорской проверки исполнения законов администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего законодательства и статистических данных исследуется порядок организации прокурорского надзора в вышеуказанной сфере. Рассматривается такое средство прокурорского реагирования, как требование прокурора</p> <p>Ключевые слова: прокурорский надзор, прокурорская проверка, требование прокурора, следственный изолятор, изолятор временного содержания</p>	<p>KARAVAEV Gleb A., 3rd year bachelor student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>KUSTOV Mikhail N., senior lecturer of the Department of prosecutorial supervision and participation of the Prosecutor in criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>PROBLEMATIC ASPECTS OF CARRYING OUT PUBLIC PROSECUTOR'S CHECK OF EXECUTION OF LAWS BY ADMINISTRATIONS OF DETENTION CENTRES AND DETAINEES</p> <p>The article deals with the problematic issues that arise during the Prosecutor's inspection of the execution of laws by the administrations of places of detention of detainees and prisoners in custody. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, current legislation and statistical data, the procedure for organizing Prosecutor's supervision in the above-mentioned area is investigated. This means of prosecutorial response is considered as a requirement of the Prosecutor</p> <p>Key words: procurator's supervision, prosecutor's inspection, procurator's request, detention facility, remand prison</p>

<p>КИРЮХИНА Софья Михайловна, студентка 3 курса Санкт-Петербургского Юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>КУСТОВ Михаил Николаевич, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданский и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРОКУРАТУРЫ РФ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ</p> <p>Статья посвящена актуальным вопросам, связанным с проблемой практического взаимодействия органов прокуратуры со средствами массовой информации, изложены различные формы такого взаимодействия, рассмотрены дальнейшие перспективы развития. Рассмотрены конкретные практические примеры. Предложены дальнейшие варианты взаимодействия прокуратуры со СМИ</p> <p>Ключевые слова: Прокуратура РФ, средства массовой информации, СМИ, взаимодействие прокуратуры, информирование населения</p>	<p>KIRYKNIHA Sofia M., 3rd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>KUSTOV Mikhail N., senior lecturer of the Department of Prosecutor's supervision and Prosecutor's participation in criminal, civil and arbitration cases St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>ON THE ISSUE OF INTERACTION FEATURES PROSECUTOR'S OFFICES OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE MEDIA</p> <p>The article is devoted to topical issues related to the problem of practical interaction between the Prosecutor's office and the media, describes various forms of such interaction, and considers further prospects for development. Specific practical examples are considered. Further options for interaction between the Prosecutor's office and the media are proposed</p> <p>Key words: Prosecutor's office of the Russian Federation, mass media, interaction of the Prosecutor's Office, informing the population</p>
<p>КОЛЕНТЕЕВА Анастасия Сергеевна, магистрант 2 курса ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации»</p> <p>АЛЕХИН Дмитрий Владимирович, директор Юридического института, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ТИПИЧНЫЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ СОТРУДНИКА ФССП РОССИИ, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ</p> <p>В статье рассматривается необходимость изучения типичных свойств личности коррупционера ФССП России как элемента криминалистической характеристики. Изучение указанных свойств и составления портрета на основе полученных знаний позволит следователям при расследовании коррупционных преступлений, совершаемых сотрудниками ФССП России выявить источники получения необходимой информации имеющих доказательственное значение, также при помощи имеющихся знаний возможно предотвращение противодействия следствию и спрогнозировать вероятностное поведение указанных лиц</p> <p>Ключевые слова: коррупция, ФССП России, криминалистическая характеристика, типичные свойства личности</p>	<p>KOLENTEEVA Anastasia S., 2nd year student of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation</p> <p>ALEKHIN Dmitry V., Director of the Law Institute, Candidate of Law, Associate Professor</p> <p>TYPICAL PROPERTIES OF THE PERSONALITY OF THE EMPLOYEE OF THE FSSP OF RUSSIA COMMITTING A CRIME OF CORRUPTION DIRECTION</p> <p>The article discusses the need to study the typical properties of the personality of a corrupt official of the FSSP of Russia as an element of the forensic characteristic. Studying these properties and drawing up a portrait on the basis of the knowledge gained will allow investigators to investigate corruption crimes committed by employees of the FSSP of Russia to identify sources for obtaining the necessary information of evidentiary value, it is also possible with the help of existing knowledge prevention of opposition to the investigation and predict the probabilistic behavior of these individuals</p> <p>Key words: corruption, FSSP of Russia, forensic characteristics, typical personality traits</p>

<p>КОЛЕСНИКОВА Дарья Юрьевна, магистрант 2 курса Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ПАРХОМЕНКО Светлана Валерьевна, профессор кафедры уголовного права Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНА ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ СНГ «О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ»</p> <p>В статье рассматриваются вопросы применения положений Модельного закона государств-участников СНГ «О противодействии торговле людьми» в российском законодательстве. На основании проведенного анализа научной литературы и законодательства автором делается вывод о необходимости переориентации национального законодательства Российской Федерации на профилактику торговли людьми в соответствии с требованиями модельного закона</p> <p>Ключевые слова: модельный закон, страны СНГ, торговля людьми, профилактика торговли людьми, уголовное право</p>	<p>KOLESNIKOVA Daria Yu., 2nd year master student of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>PARKHOMENKO Svetlana V., Professor at the Department of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE NORMS OF THE MODEL LAW OF THE CIS STATES PARTIES «ON COUNTERING HUMAN TRAFFICKING»</p> <p>The article discusses the application of the provisions of the Model Law of the CIS Member States "On Combating Trafficking in Human Beings" in Russian legislation. Based on the analysis of scientific literature and legislation, the author concludes that it is necessary to reorient the national legislation of the Russian Federation to prevent trafficking in persons in accordance with the requirements of the model law</p> <p>Key words: model law, CIS countries, human trafficking, prevention of human trafficking, criminal law</p>
<p>КОТИНА Илона Дмитриевна, ЭРГАШЕВ Тимур Эркинович, студенты 3 курса бакалавриата Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета Прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ПОРОХОВ Михаил Юрьевич, доцент кафедры гражданского-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>МЕДИАЦИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ</p> <p>Тема статьи посвящена анализу низкой востребованности процедуры медиации у спорящих сторон. В статье рассматривается проблема неисполнения сторон медитативного соглашения, предлагается усовершенствование законодательства для модернизации механизма защиты нарушенных прав и тем самым увеличения привлекательности альтернативных способов урегулирования спора</p> <p>Ключевые слова: процедура медиации, медиативное соглашение, судебный порядок, альтернативный способ урегулирования конфликта, медиатор, гражданский процесс, неисполнение обязательств, государственный контроль</p>	<p>KOTINA Iona D., ERGASHEV Timur E., 3rd year undergraduate student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>POROHOV Mihail Y., Associate Professor at the Department of civil law disciplines, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor</p> <p>MEDIATION AS AN ALTERNATIVE METHOD FOR SETTLEMENT OF DISPUTES IN THE CIVIL PROCESS</p> <p>The topic of the article is devoted to the analysis of the low demand for the mediation procedure among the disputing parties. The article considers the problem of non-fulfillment of the parties to the meditative agreement, proposes improvement of the legislation to modernize the mechanism for protecting violated rights and thereby increase the attractiveness of alternative methods of dispute settlement</p> <p>Key words: mediation procedure, mediation agreement, judicial procedure, alternative way to resolve the conflict, mediator, civil procedure, default, state control</p>

<p>ЛАВРЕНТЬЕВА Татьяна Олеговна, магистрант 1 курса Ульяновского государственного университета</p> <p>МАКСИМОВ Олег Александрович, доцент кафедры уголовного процесса Ульяновского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>«СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ</p> <p>В статье рассматривается вопрос реализации справедливости через принципы, закрепленные в уголовно-процессуальном законодательстве. Отражаются затруднения, возникающие на пути реализации «справедливости». Перечислены аспекты, которыми должен обладать справедливо вынесенный приговор</p> <p>Ключевые слова: уголовный процесс, справедливость, справедливый приговор, законодательство, Конституционный Суд</p>	<p>LAVRENTYEVA Tatiana O., 1nd year master student of the Ulyanovsk State University</p> <p>MAXIMOV Oleg A., Associate Professor of Criminal Procedure at Ulyanovsk State University, Candidate of Law, Associate Professor</p> <p>“JUSTICE” IN CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION</p> <p>The article considers the issue of the implementation of justice through the principles enshrined in the criminal procedure law. The difficulties encountered in the realization of “justice” are reflected. The aspects that a fair sentence should have are listed</p> <p>Key words: criminal process, justice, fair sentence, legislation, Constitutional court</p>
<p>ЛЕМЕХОВ Сергей Витальевич, студент 2 курса специалитета Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>АМПЛЕЕВА Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ПРИНЦИПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА, НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЕГО ВНУТРЕННИЕ ДЕЛА И НЕРУШИМОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ</p> <p>В статье автором рассмотрены некоторые вопросы соотношения и реализации ряда основных принципов международного права в современных геополитических реалиях с выделением актуальных теоретических и исторических аспектов каждого из них. В статье рассмотрены примеры взаимодействия данных принципов и их применение в современной международной политике. В исторической перспективе событий боснийской войны 1992-1995 гг. и гражданской войны в Ливии в 2011 г.</p> <p>Ключевые слова: принципы международного права, применение силы, невмешательство, обеспечение мира и безопасности, мирные средства разрешения международных споров</p>	<p>ЛЕМЕКHOV Sergey V., 2-nd year student of the specialty of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation</p> <p>AMPLEEVA Elena E., head of the Department of theory and history of state and law of St. Petersburg law Institute (branch) of the University Prosecutor’s office of the Russian Federation, candidate of law, associate Professor</p> <p>THE PRINCIPLES of TERRITORIAL INTEGRITY of STATES, NON-INTERFERENCE IN ITS INTERNAL AFFAIRS AND the PRINCIPLE of INVIOABILITY of FRONTIERS IN the MODERN PRACTICE of INTERNATIONAL RELATIONS</p> <p>In the article, the author examined some issues of the correlation and implementation of a number of basic principles of international law in modern geopolitical realities with highlighting the relevant theoretical and historical aspects of each of them. The article discusses examples of the interaction of these principles and their application in modern international politics. In the historical perspective of the events of the Bosnian war of 1992-1995. and the civil war in Libya in 2011</p> <p>Key words: principles of international law, the use of force, non-interference, peace and security, peaceful means of resolving international disputes</p>

<p>МАРЖОХОВ Назир Хазраилович, магистрант 2 курса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)</p> <p>КОНДРАТЬЕВ Юрий Анатольевич, доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ВЛИЯНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА</p> <p>В работе анализируется влияние преступлений коррупционной направленности на экономическую безопасность государства. Представлена содержательная характеристика понятий «преступления коррупционной направленности» и «экономическая безопасность», определены некоторые формы проявления негативного влияния обозначенных преступлений на экономическую безопасность страны</p> <p>Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, преступления коррупционной направленности, взятки, экономическая безопасность</p>	<p>MARZHOKHOV Nazir Kh., 2nd year master student of The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)</p> <p>KONDRATIEV Yuri A., associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of The All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia), Ph.D. (Law), assistant professor</p> <p>INFLUENCE OF CORRUPTION CRIMES ON THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE</p> <p>The paper analyzes the impact of corruption crimes on the economic security of the state. A substantial characteristic of the concepts of “corruption crimes” and “economic security” is presented, some forms of manifestation of the negative impact of these crimes on the economic security of the country are identified</p> <p>Key words: corruption, corruption crimes, bribes, economic security</p>
<p>МЕДВЕДЕВА Анна Сергеевна, соискатель Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации научный руководитель</p> <p>ЕЛАГИНА Елена Владимировна, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ЗАДАЧИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ СВЕДУЩИХ ЛИЦ К УГОЛОВНОМУ СУДОПРОИЗВОДСТВУ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ</p> <p>В статье рассматриваются основные задачи привлечения сведущих лиц к уголовному судопроизводству с участием несовершеннолетних, предложена классификация данных задач по различным основаниям. Отдельное внимание уделено вопросам организации взаимодействия сведущих лиц как друг с другом, так и со следователем в рамках уголовного судопроизводства. Сделан вывод о необходимости применения комплексного подхода при реализации специальных знаний сведущими лицами и организации расследования</p> <p>Ключевые слова: задачи, несовершеннолетние, сведущие лица, специальные знания</p>	<p>MEDVEDEVA Anna S., graduate student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation scientific supervisor</p> <p>ELAGINA Elena V., associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the St. Petersburg Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, PhD in Law, Associate Professor</p> <p>TASKS OF ATTRACTING INFORMED PERSONS TO CRIMINAL LEGAL PROCEEDINGS WITH THE PARTICIPATION OF MINORS</p> <p>The article discusses the main tasks of involving knowledgeable persons in criminal proceedings involving minors, the classification of these tasks on various grounds is proposed. Special attention is paid to the organization of interaction between knowledgeable individuals, both with each other and with the investigator in the framework of criminal proceedings. The conclusion is drawn on the need for an integrated approach in the implementation of special knowledge by knowledgeable persons and the organization of an investigation</p> <p>Key words: tasks, minors, informed persons, special knowledge</p>

<p>МУЖАЙЛО Дарья Викторовна, студентка Красноярский государственный аграрный университет</p> <p>ШИТОВА Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук</p> <p>МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИРНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГИИ</p> <p>В статье анализируются уровни международных нормативных правовых актов, регулирующих вопросы, связанные с использованием атомной энергии исключительно в мирных целях. Рассмотрена иерархия нормативных актов, приведены примеры соглашений, заключенных странами в области рассматриваемой тематики</p> <p>Ключевые слова: атомная энергия, ядерная энергия, СНГ, Европейский союз, МАГАТЭ, АЭС, энергия, ресурсы.</p>	<p>MUZHAYLO Daria V., student of Krasnoyarsk State Agrarian University</p> <p>SHITOVA Tatiana V., candidate of legal Sciences</p> <p>INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE PEACEFUL USE OF ATOMIC ENERGY</p> <p>The article analyzes the levels of international normative legal acts regulating issues related to the use of nuclear energy exclusively for peaceful purposes. The hierarchy of normative acts is considered, examples of agreements concluded by countries in the field of the subject are given</p> <p>Key words: nuclear energy, nuclear energy, CIS, European Union, IAEA, NPP, energy, resources.</p>
<p>НАСУФОВИЧ Денис Руждиевич, магистрант 2 курса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)</p> <p>ДРОЗДОВ Владимир Юрьевич, доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент</p> <p>О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРЕДИТНОГО МОШЕННИЧЕСТВА И НЕЗАКОННОГО ПОЛУЧЕНИЯ КРЕДИТА</p> <p>В статье рассматриваются основные критерии разграничения мошенничества в сфере кредитования и незаконного получения кредита. Выявлены наиболее часто встречающиеся проблемы квалификации. На основе судебной практики определены основные положения в решении данной проблемы</p> <p>Ключевые слова: мошенничество, кредитное мошенничество, кредитование, незаконное получение кредита</p>	<p>NASUFOVICH Denis R., 2nd year master student of The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)</p> <p>DROZDOV Vladimir Y., associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of The All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia), Ph.D. (Law), assistant professor</p> <p>ABOUT SOME QUESTIONS OF DISTINCTION OF FRAUD IN LENDING AND ILLEGAL OBTAINING OF CREDIT</p> <p>The article discusses the main criteria for distinguishing between fraud in lending and illegal obtaining of credit. The most frequently encountered qualification problems were identified. Based on judicial practice, the main provisions in solving this problem are determined</p> <p>Key words: fraud, fraud in lending, lending, illegal obtaining of credit</p>
<p>ПАПАДОПУЛОС Константин Николаевич, студент 3 курса ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Ростовский филиал</p> <p>ПАЛИЕВА Оксана Николаевна, доцент кафедры уголовно-процессуального права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Ростовский филиал, кандидат юридических наук, доцент</p>	<p>PAPADOPOULOS Konstantin N., 3rd year student of the "Russian State University of Justice", Rostov branch</p> <p>PALIEVA Oksana N., associate professor of Department of criminal procedure law of Russian state University of justice», Rostov branch, candidate of law, associate professor</p>

<p>ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ</p> <p>В статье исследованы национальная и международная трактовка принципа состязательности в уголовном процессе, делается вывод о несоответствии понимания указанного принципа Европейским Судом по правам человека и российским законодательством, доктриной, практикой. Выявляются проблемы реализации принципа состязательности и равноправия сторон в досудебном и судебном производстве по уголовному делу, предлагаются пути решения данных проблем посредством внесения ряда изменений в действующее законодательство, делается вывод о необходимости достижения реальной состязательности в российском уголовном процессе и устранения обвинительного уклона</p> <p>Ключевые слова: уголовный процесс, принцип состязательности, равноправие сторон («equality of arms»), Европейский Суд по правам человека, следователь (дознатель), защитник, адвокат</p>	<p>THE IMPLEMENTATION OF THE ADVERSARIAL PRINCIPLE IN CRIMINAL PROCEDURE OF THE RUSSIAN FEDERATION</p> <p>There in the article the national and international interpretation of the adversarial principle in criminal proceedings was investigated, concludes about contradiction of the understanding of this principle by the European Court of human rights and the Russian legislation, doctrine, practice. The problems of implementation of the adversarial principle and equality of arms in pretrial and judicial proceedings in a criminal case are identified, the ways of solving these problems by making a number of changes to the current legislation are proposed, the conclusion is made about the need to achieve real adversarial in the Russian criminal process and eliminate the accusatory bias</p> <p>Key words: criminal procedure, adversarial principle, equality of arms, European Court of human rights, inspector (interrogating officer), protector, advocate</p>
<p>СЕРЁЖИЧЕВ Кирилл Геннадьевич, магистрант 2 курса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)</p> <p>ДРОЗДОВ Владимир Юрьевич, доцент кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ ВВЕРЕННОГО ИМУЩЕСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ</p> <p>Работа посвящена актуальным вопросам квалификации хищений вверенного имущества с использованием служебного положения. На основе анализа научной литературы и примеров судебной практики автором рассмотрены проблемы разграничения присвоения и растраты с использованием служебного положения с иными преступлениями, а также предложены пути совершенствования правоприменения в данной сфере</p> <p>Ключевые слова: присвоение, растрата, хищение вверенного имущества, хищение с использованием служебного положения, разграничение преступлений</p>	<p>SEREZHICHEV Kirill G., 2nd year master student of The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)</p> <p>DROZDOV Vladimir Y., associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology of The All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia), Ph.D. (Law), assistant professor</p> <p>FEATURES OF THE QUALIFICATION OF THEFT ENTRUSTED PROPERTY WITH THE USE OF OFFICIAL POSITION</p> <p>The article is devoted to pressing issues of qualification of theft of entrusted property using official position. Based on the analysis of scientific literature and examples of judicial practice, the author considers the problems of distinguishing between appropriation and embezzlement using official position with other crimes, and also suggests ways to improve law enforcement in this area</p> <p>Key words: misappropriation, embezzlement, embezzlement of entrusted property, embezzlement using official position, delimitation of crimes</p>

<p>ТИМОШЕНКО Илона Михайловна, магистрант 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>НИКОЛАЕВА Татьяна Геннадьевна, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ИНЫЕ ОСНОВАНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВО, ПРЕПЯТСТВУЮЩЕЕ ПРЕКРАЩЕНИЮ УГОЛОВНОГО ДЕЛА С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА</p> <p>В статье рассмотрены вопросы, которые возникают при реализации института прекращения уголовного дела (уголовного преследования) с назначением судебного штрафа в ходе судебного производства. Автором проанализировано одно из обстоятельств, препятствующих применению анализируемого института – наличие сведений о том, что уголовное дело должно быть прекращено по иным основаниям</p> <p>Ключевые слова: уголовный процесс, прекращение уголовного дела, иные основания прекращения, судебный штраф</p>	<p>TYMOSHENKO Ilona M., 2nd year master's student of St. Petersburg law Institute (branch) of the Prosecutor's office University of the Russian Federation</p> <p>NIKOLAEVA Tatyana G., Professor of the Department of criminal procedure and criminalistics of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University Prosecutor's office of the Russian Federation, doctor of law, Professor</p> <p>OTHER BASES AS A CIRCUMSTANCE OF ANYTHING TO THE TERMINATION OF THE CRIMINAL APPOINTMENT OF THE JUDICIAL PENALTY</p> <p>The article discusses the issues that arise during the implementation of the institution of the termination of the criminal case (criminal prosecution) with the appointment of a fine in the course of court proceedings. The author analyzed one of the circumstances hindering the use of the analyzed institution - the availability of information that the criminal case should be dismissed for other reasons</p> <p>Key words: criminal proceedings, termination of criminal proceedings, other grounds for termination, judicial fine</p>
<p>ТРОФИМОВА Татьяна Владимировна, магистранта 2 курса Балтийского Федерального Университета имени Иммануила Канта</p> <p>ПАНЬКИНА Инга Юрьевна, доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и правовой информатики Балтийского Федерального Университета имени Иммануила Канта, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ДОПРОС С ЦЕЛЮ ИЗОБЛИЧЕНИЯ</p> <p>В статье рассматриваются проблемы, возникающие при реализации своего права задавать вопросы показывающему против него лицу и в случае несогласия высказывать по ним свои возражения подозреваемому, обвиняемому. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, действующего уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики выдвигается и аргументируется цели данного допроса, а также предложение о совершенствовании его реализации</p> <p>Ключевые слова: допрос с целью изобличения, обеспечение прав обвиняемого, обвиняемый, подозреваемый, международные права</p>	<p>TROFIMOVA Tatiana V., 2nd year master student of the Immanuel Kant Baltic Federal University</p> <p>PANKINA Inga Y., associate Professor of the Department of criminal procedure, criminalistics and legal Informatics of the Immanuel Kant Baltic Federal University, candidate of law, associate Professor</p> <p>INTERROGATION FOR THE PURPOSE OF THE INVENTION</p> <p>The article discusses the problems that arise when exercising your right to ask questions to a person showing against him and, in case of disagreement, to express objections to the suspect, the accused. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the current criminal procedural legislation and law enforcement practice, the objectives of this interrogation are put forward and argued, as well as a proposal to improve its implementation</p> <p>Key words: interrogation for the purpose of exposing, ensuring the rights of the accused, the accused, the suspect, international rights</p>

<p>ФАТЕЕВА Арина Алексеевна, студентка 4 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>ЕЛАГИНА Елена Владимировна, доцент Санкт-петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ст. 281 УПК РФ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ КАТЕГОРИИ ДОПРАШИВАЕМОГО</p> <p>В статье рассматриваются особенности реализации ст. 281 Уголовно-процессуального кодекса РФ в зависимости от категории допрашиваемого</p> <p>Ключевые слова: криминалистика, допрос, категория допрашиваемого, уголовный процесс</p>	<p>FATEEVA Arina A., 4-year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>ELAGINA Elena V., Docent at the Department of criminal procedure and criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF art. 281 OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE DEPENDING ON THE CATEGORY OF THE INTERROGATED</p> <p>The article deals with the implementation of article 281 of the Criminal procedure code of the Russian Federation depending on the category of the interrogated person</p> <p>Key words: forensic science, interrogation, interrogate the category of the criminal process</p>
<p>ХАРЦХАЕВА Карина Германовна, магистрант 2 курса Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)</p> <p>КУЧИН Валерий Владимирович, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат юридических наук, доцент</p> <p>О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА</p> <p>В статье рассматриваются некоторые актуальные вопросы применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства. Особое внимание уделено исследованию проблемы установления оснований применения мер безопасности, а также анализу законодательной формулировки «реальная угроза». Предложены возможные пути совершенствования правоприменительной практики</p> <p>Ключевые слова: меры безопасности, защита участников уголовного судопроизводства, защита потерпевших, защита свидетелей, уголовный процесс</p>	<p>KHARTSKHAEVA Karina G., 2nd year master student of The All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)</p> <p>KUCHIN Valery V., associate Professor at the Department of Criminal procedure Law and Criminology of The All-Russian State University of Justice (RPA Ministry of Justice of Russia), Ph.D. (Law), assistant professor</p> <p>SOME ISSUES OF APPLICATION OF SAFETY MEASURES WITH RESPECT TO PARTICIPANTS OF CRIMINAL PROCEEDINGS</p> <p>The article discusses some pressing issues of applying security measures in relation to participants in criminal proceedings. Particular attention is paid to the study of the problem of establishing the grounds for the application of security measures, as well as to the analysis of the legislative wording "real threat". Possible ways of improving law enforcement practice are suggested</p> <p>Key words: security measures, protection of participants in criminal proceedings, protection of victims, protection of witnesses, criminal procedure</p>
<p>ЧИКАРЕВА Дарья Олеговна, студентка 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p>	<p>CHIKAREVA Daria O., 1st year student of the Saint Petersburg law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's office of the Russian Federation</p>

<p>ЧЕСТНОВ Илья Львович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации</p> <p>АНТРОПОЛОГИЯ КАК ТИП ПРАВОПОНИМАНИЯ</p> <p>В статье рассматривается проблематика антропологии как типа понимания права. На основе анализа позиций, высказанных в научной литературе, выдвигается и аргументируется подход о значении антропологического типа правоупонимания как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Кроме того, рассматриваются достоинства данного типа понимания права, в сравнение с классическими типами</p> <p>Ключевые слова: антропология права, тип правоупонимания, человек-в-праве, субъективация, человекомерность</p>	<p>CHESTNOV Ilya L., Doctor of Law, professor of the Department of theory and history of state and law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Honored lawyer of the Russian Federation</p> <p>ANTHROPOLOGY AS A TYPE OF LEGAL UNDERSTANDING</p> <p>The article deals with the problems of anthropology as a type of understanding of law. Based on the analysis of the positions expressed in the scientific literature, the approach to the meaning of the anthropological type of law understanding is put forward and argued in both theoretical and practical aspects. In addition, the advantages of this type of understanding of law are considered, in comparison with the classical types</p> <p>Key words: anthropology of law, type of legal understanding, man-in-law, subjectivation, human dimension</p>
<p>ШЕСТАВИН Денис Андреевич, бакалавр 3 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>КУСТОВ Михаил Николаевич, старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ</p> <p>В статье рассмотрены некоторые проблемные вопросы прокурорского надзора за исполнением законов в сфере образования. Автором проведён комплексный анализ законодательства, регулирующего данную сферу общественных отношений. Представлены наиболее оптимальные пути решения возникающих проблем</p> <p>Ключевые слова: прокурорский надзор, прокуратура, образование, образовательная деятельность</p>	<p>SHESTAVIN Denis A., Bachelor 3rd year the St. Petersburg legal Institute (branch) of the University Prosecutor of the Russian Federation</p> <p>KUSTOV Mikhail N., senior lecturer of the Department of prosecutorial supervision and participation of the Prosecutor in criminal, civil and arbitration cases of the St. Petersburg law Institute (branch) of the University Prosecutor's office of the Russian Federation</p> <p>SOME QUESTION OF PROSECUTOR'S SUPERVISION IN THE FIELD OF EDUCATION</p> <p>The article deals with the most problematic issues of Prosecutor's supervision over the implementation of laws in the field of education. The author conducted a comprehensive analysis of the legislation regulating this sphere of public relations. The most optimal ways of solving problems are presented</p> <p>Keywords: Prosecutor's supervision, Prosecutor's office, education, educational activity</p>
<p>ЭПОВ Иван Сергеевич, студент 1 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p>	<p>EPOV Ivan S., 1st year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor of the Russian Federation</p>

<p>ЛОМАКИНА Ирина Борисовна, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор</p> <p>ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПРАВОВОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ИНДИВИДА С ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ</p> <p>В статье рассматривается вопрос соотношения общественной безопасности с правами человека в ключе западной правовой культуры, в основе которой лежит индивидуализм, то есть она ориентирована на человека, который рассматривается как приоритетная и первичная ценность</p> <p>Ключевые слова: права человека, свободы человека, ограничение прав и свобод человека, безопасность</p>	<p>LOMAKINA Irina B., Professor of the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Law Institute (branch) of the University Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor</p> <p>PROBLEM OF RELATIONSHIP OF LEGAL LIMITATION OF RIGHTS AND FREEDOMS OF AN INDIVIDUAL WITH PUBLIC SAFETY</p> <p>The article considers the relationship between public safety and human rights in the key of Western legal culture, which is based on individualism, that is, it focuses on a person who is considered as a priority and primary value</p> <p>Key words: human rights, human freedoms, restriction of human rights and freedoms, security</p>
<p>ЯКИМЧУК Екатерина Сергеевна, студентка 2 курса Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации</p> <p>АМПЛЕЕВА Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент</p> <p>ПИРАТСТВО КАК УГОЛОВНОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА</p> <p>Пиратство как вид уголовно-наказуемого преступления в разных правовых системах имеет разное правовое определение и содержание в отношении предмета и места его совершения как элементов объективной стороны данного состава преступления. В статье рассмотрены некоторые сравнительно-правовые аспекты пиратства в отечественной и международно-правовой доктрине</p> <p>Ключевые слова: пиратство, морской разбой, общественная безопасность, уголовное наказание, международное сотрудничество по борьбе с пиратством</p>	<p>YAKIMCHUK Ekaterina S., 2-nd year student of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation</p> <p>AMPLEEVA Elena E., Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the St. Petersburg Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor</p> <p>PIRACY AS A CRIMINAL OFFENCE IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL AND RUSSIAN CRIMINAL LAW</p> <p>Piracy as a type of criminal offense in different legal systems has different legal definition and content in relation to the subject and place of its Commission as elements of the objective side of this crime. The article deals with some comparative legal aspects of piracy in the domestic and international legal doctrine</p> <p>Key words: piracy, sea robbery, public safety, criminal penalties, international cooperation against piracy</p>

<p>ЯШИНА Мария Сергеевна, аспирант 2 года обучения юридического факультета ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского»</p> <p>КОМКОВА Галина Николаевна, декан юридического факультета, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», доктор юридических наук, профессор</p> <p>КРИТЕРИИ ДОПУСТИМОСТИ ОГРАНИЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ</p> <p>В статье рассматривается вопрос о критериях, позволяющих оценить правомерность ограничений конституционных прав и свобод личности в Российской Федерации и Республике Беларусь. На основе анализа конституционных норм и материалов судебной практики выделены как общие основы, так и особенности ограничения прав и свобод человека и гражданина в каждом из обозначенных государств</p> <p>Ключевые слова: права и свободы, ограничение, цели ограничения, принцип соразмерности, принцип пропорциональности, умаление, отмена</p>	<p>YASHINA Maria S., 2nd graduate student of the Faculty of Law, SSU</p> <p>KOMKOVA Galina N., Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law, SSU, Doctor of Law, Full Professor</p> <p>CRITERIA OF ACCEPTANCE OF RESTRICTIONS OF FUNDAMENTAL RIGHTS AND FREEDOMS OF HUMAN AND CITIZEN IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS</p> <p>The article discusses the question of criteria to assess the legitimacy of restrictions on constitutional rights and freedoms of the individual in the Russian Federation and the Republic of Belarus. Based on the analysis of constitutional norms and materials of judicial practice, both general principles and features of limiting the rights and freedoms of man and citizen in each of the designated states are identified</p> <p>Key words: rights and freedoms, restriction, goals of restriction, principle of proportionality, principle of proportionality, derogation, abolition</p>
--	---

